

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2022

Том 22

Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Черкунова М. В. Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) 248

Козинец С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм 254

Баженова Т. Е. Лексика вторичных говоров Среднего Поволжья в статике и динамике 261

Садыков П. Д. Языковые особенности повести о Выдропусской иконе Божией Матери 267

Байкулова А. Н. Повседневная семейно-родственная коммуникация: новая реальность, динамика языковых и культурных процессов 273

Лашкова Г. В., Белоножка Ю. А. Гендерная принадлежность как один из социальных факторов и его лингвистическая реализация в речи политиков (на материале записей интервью британского премьер-министра Терезы Мэй) 278

Дегтярева Е. А. Юридические термины и их особенности в британском и американском вариантах английского языка 285

Адзиева Э. С. Сравнительный анализ артикуляционно-акустических характеристик вокализма современных английского и русского языков (на материале биологической терминологии) 289

Загуменкина В. С., Белецкая Е. В. Место кицдойч в рамках литературного немецкого языка 293

Захаров К. М. К проблеме циклизации «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина 301

Кекова С. В., Измайлов Р. Р. «Эсхатологическое слово» в поэме Николая Заболоцкого «Город в степи» 306

Григорьева М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений 313

Александрова М. А. Пестель vs. Пестель: трагедия Л. Зорина «Декабристы» и роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» 320

Мэн Ци. Анализ русской деревенской прозы и ее места в культурном пространстве Китая 330

Гао Имин. Проблема смены точек зрения в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» 336

Кабанова И. В. Психология власти в романе Хилари Мантел «Зеркало и свет» 342

Критика и библиография

Представляем книгу

Елина Е. Г. «Черный хлеб науки...» 351

Некрасова И. В. Современная популярная культура и литература в цифровую эпоху: феномен многовариантности, сериализации, трансмедийности 356

Приложения

Хроника научной жизни

Павлова С. Ю. Французские чтения – 2022 361

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Филология. Журналистика”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01; 10.01.03; 10.01.10; 10.02.01; 10.02.04; 10.02.05; 10.02.19; 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.ppressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Дударева Светлана Сергеевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.08.22.
Подписано в свет 31.08.22.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 96-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 20 000–30 000 знаков с пробелами.

Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках.

Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями: левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: [iiyu@mail.ru](mailto:iyu@mail.ru), телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Cherkunova M. V.** Small-format text: The notion revisited (Theoretical aspects) 248
- Kozinets S. B.** Zoonyms in the figurative space of the language: Metaphor, comparison, phraseological unit 254
- Bazhenova T. E.** Vocabulary of secondary dialects of the Middle Volga Region in statics and dynamics 261
- Sadykov P. D.** Linguistic features of the narrative about the Vydropus Icon of the Mother of God 267
- Baikulova A. N.** Everyday family-related communication: A new reality, the dynamics of linguistic and cultural processes 273
- Lashkova G. V., Belonozhko Yu. A.** Gender as one of the social factors and its impact on the politicians' speech (Based on the interviews of Theresa May, the former British Prime Minister) 278
- Degtyaryova E. A.** Legal terms and their peculiarities in British and American variants of English 285
- Adzieva E. S.** Comparative analysis of the articulatory-acoustic characteristics of the vocalism of the modern English and Russian languages (Based on biological terminology) 289
- Zagumenkina V. S., Beletskaya E. V.** The place of kitzdeutsch in the literary German language 293

Literary Criticism

- Zakharov K. M.** On the problem of cyclization of "Little Tragedies" by A. S. Pushkin 301
- Kekova S. V., Izmailov R. R.** The "eschatological word" in Nikolai Zabolotsky's poem *A City in the Steppe* 306
- Grigoryeva M. V.** E. G. Polonskaya and K. A. Fedin: To the history of the relationship 313
- Aleksandrova M. A.** Pestel vs. Pestel: L. Zorin's tragedy *The Decembrists* and B. Okudzhava's novel *Poor Avrosimov* 320
- Meng Qi.** Analysis of the Russian village prose and its place in the cultural space of China 330
- Gao Yiming.** The problem of changing points of view in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya 336
- Kabanova I. V.** Psychological aspects of power in Hilary Mantel's *The Mirror and The Light* 342

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Elina E. G.** «The rye of science...» 351
- Nekrasova I. V.** Modern popular culture and literature in the digital age: The phenomenon of multivariance, serialization, transmedia 356

Appendices

Chronicle of Scholarly Activities

- Pavlova S. Yu.** French lectures – 2022 361

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук, доцент (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук, доцент (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитар. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук, профессор (Харбин, КНР)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

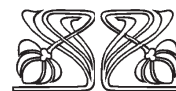
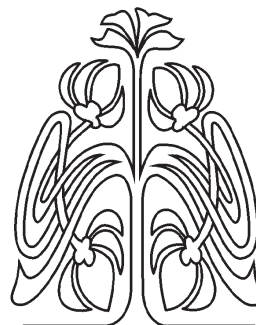
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

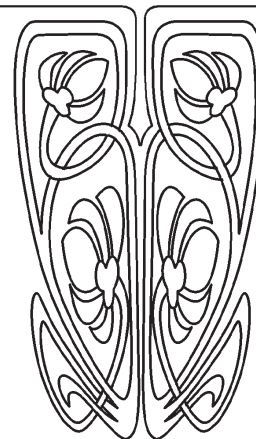
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikeev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, People's Republic of China)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

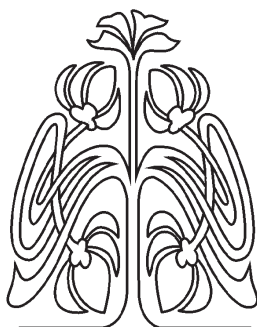

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

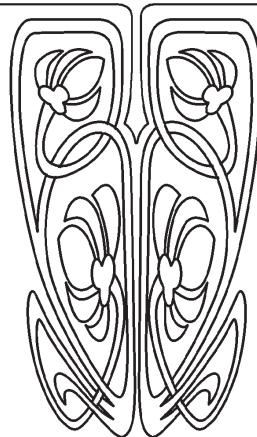

ЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 248–253

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 248–253

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-248-253>

Научная статья

УДК 81'42

Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты)

М. В. Черкунова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Черкунова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, m.cherkunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4167-4530>

Аннотация. Статья посвящена уточнению терминологического понятия «малоформатный текст», в частности, в работе предпринимается попытка установить критерии и границы «малоформатности» применительно к реальным текстовым образованиям, актуализированным в современной языковой практике. Интерес к заявленной проблематике вызван тем обстоятельством, что тенденция к оптимизации коммуникативного процесса и сокращению объема вербально оформленных речевых единиц представляет собой характерный тренд современного речевого взаимодействия, явно прослеживающийся во всех без исключения коммуникативных контекстах. Данный факт предопределил всплеск научного интереса к различным аспектам функционирования текстов малого объема, которые получили терминологическое наименование «малоформатный текст». Как следует из названия, параметр объема входит в число принципиально значимых признаков для данного объекта исследования, однако его существенные характеристики, равно как и объективные количественные показатели, остаются разрозненными и неоднозначными. В связи с вышесказанным целью настоящего исследования является теоретическое осмысление и уточнение критериев и границ малоформатности в рамках терминологического понятия «малоформатный текст». В статье обосновывается правомерность выделения «малоформатного текста» в качестве особого текстотипа; на основе анализа существующих публикаций проводится систематизация сведений относительно принятых на сегодняшний день количественных параметров малоформатных текстов; подтверждается обоснованность фиксации нижней границы малоформатности в пределах одного слова. Кроме того, делается вывод о принципиальной невозможности сведения верхней границы малоформатного текста к общему математически выверенному нормативу. Определяются границы применения единого способа параметризации малоформатного текста при помощи количества печатных символов/слов, также обосновывается необходимость введения дополнительного критериального признака малоформатности, а именно – визуальной интегративности, выполняющей роль консолидирующего фактора при формировании комплексной семантики ограниченного по своей протяженности текста.

Ключевые слова: малоформатный текст, малоформатность, параметр объема, количественные показатели, визуальная интегративность

Для цитирования: Черкунова М. В. Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 248–253. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-248-253>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Small-format text: The notion revisited (Theoretical aspects)

M. V. Cherkunova

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Marina V. Cherkunova, m.cherkunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4167-4530>

Abstract. The article deals with the clarification of the terminological concept of “small-format text”, in particular, an attempt is made to establish the criteria and boundaries of “small-format” in relation to the texts currently employed in the process of real communication. The topic is addressed due to the fact that the tendency towards the optimization of communication and reduction of textual volume represents a characteristic trend of modern speech interaction in all communicative contexts. This fact predetermines a rise in scientific interest to different aspect of functioning of the texts marked by a limited volume. The latter ones are termed as “small-format texts”, however, their essential characteristics, as well as objective quantitative indicators, remain disjointed and ambiguous. Hence, the aim of this research is to reconsider and clarify the criteria and boundaries of the small-format as related to the terminological concept of “small-format text”. The article justifies singling out small-format text as a special textual type; systematizes the currently employed approaches to quantitative parametrization of small-format texts as they are represented in scientific literature; validates the fixation of the lower limit of small-format text as one word. Besides, a conclusion is made about the fundamental impossibility of reducing the upper limit of a small-format text to a single mathematical index. The boundaries of the application of a unified method of small-format text parametrization through the exact number of printed characters/words are determined, as well as the need to introduce an additional criterion of being small-formatted is substantiated. Visual integrity is suggested as such a criterion on the basis of its being a consolidating factor in the process of formation of complex semantics within a text limited in its length.

Keywords: small-format text, being small-formatted, volume parameter, quantitative indicators, visual integrity

For citation: Cherkunova M. V. Small-format text: The notion revisited (Theoretical aspects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 248–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-248-253>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В силу целого ряда объективных реалий сегодняшней действительности современный человек живет в условиях высоких скоростей, напряженного ритма и постоянной нехватки времени, в связи с чем многие социальные практики претерпевают изменения, нацеленные на адаптацию индивидуума к конкретным условиям меняющегося мира. Не остаются в стороне и аспекты функционирования языка – характерным трендом, определяющим его современное состояние, является тенденция к оптимизации коммуникативного процесса и сокращению объема вербально оформленных речевых единиц.

Тексты малого объема, или малоформатные тексты (далее – МФТ), получают сегодня все более широкое распространение, а их количественная репрезентация и качественная вариативность в различных коммуникативных контекстах как никогда велики. Стремление к сокращению физической протяженности текстовых отрезков отчетливо наблюдается во всех без исключения коммуникативных сегментах, начиная со сферы личного общения, которое в современном мире в значительной степени осуществляется в форме коротких электронно-опосредованных сообщений, и заканчивая сферами массмедиа, образования, официальной и деловой коммуникации, художественной литературы и т.д. Данное наблюдение, в частности, подтверждается большим количеством появившихся за последние два десятилетия публикаций, в том числе выполненных в формате диссертационных

исследований, посвященных различным аспектам функционирования МФТ. Так, на материале русского, английского, немецкого, французского и испанского языков изучались способы реализации прагматического потенциала МФТ с позиций их структурной организации [1, 2], языкового оформления [3–5] и специфики семантического уплотнения текстового пространства [6]. Кроме того, на материале малоформатных текстов рассматривались явления интертекстуальности [7, 8], полимодальности [9], коммуникативно-прагматической вариативности [6, 10–14], а также лингвокультурологической соотнесенности [15]. В данной связи, однако, необходимо заметить, что малоформатные тексты как специфическое речевое явление привлекают внимание, главным образом, отечественных лингвистов; нам не встречались специализированные работы по данной проблематике, выполненные зарубежными исследователями.

Несмотря на обилие имеющихся публикаций, перечисленные выше исследования проводились, как правило, на материале одной жанровой разновидности МФТ, в результате представленные на данный момент сведения имеют фрагментарный характер и описывают дискретные сегменты функционирования текстов малого объема. В то же время высокая количественная репрезентативность малых текстов в современном коммуникативном поле и их удельная значимость в плане обеспечения коммуникативного процесса наводят на мысль

о том, что на данный момент можно говорить о формировании в современном языке системы МФТ, характеризующихся наличием ряда типологических черт, а также общих принципов и механизмов реализации прагматической задачи посредством малого количества языковых средств в рамках ограниченного текстового пространства. Таким образом, систематизация разрозненных данных, полученных в ходе различных исследований МФТ, уточнение ряда практических выводов, а также теоретическое осмысление системных параметров МФТ представляются на данный момент своевременными и актуальными.

Анализ имеющихся публикаций по проблематике МФТ показал, что, прежде всего, нерешенным остается базовый вопрос о границах малоформатности, и главным образом – об определении верхнего предела, отграничивающего текст *мало* объема от обычного текста. В связи с этим *цель* данной статьи может быть сформулирована как уточнение критериев и границ малоформатности в рамках терминологического понятия «малоформатный текст». Круг поставленных задач включает следующие аспекты: 1) обоснование правомерности выделения малоформатных текстов в особый текстотип; 2) критический обзор принятых в современной исследовательской практике способов измерения количественных параметров малоформатных текстов; 3) обоснование необходимости выработки единого подхода к фиксации малоформатности; 4) определение универсального инструментария описания границ малоформатности (включая количественные и критериальные параметры).

Мы, вслед за И. Б. Руберт, полагаем, что в терминологическом смысле «малоформатный текст» представляет собой *тип* текста, единицу «более высокого уровня абстракции по сравнению с реальной речевой манифестацией» [16, с. 3]. В таком случае МФТ как особый текстотип оказывается понятием более широким, чем конкретный речевой жанр, который, согласно известному определению, предложенному М. М. Бахтиным, представляет собой устойчивое коммуникативное образование, характеризующееся относительной стабильностью в плане тематического, композиционного и стилистического оформления [17, с. 159–160]. Понимаемые таким образом речевые жанры напрямую связаны с конкретной сферой использования языка. В то же время к разряду МФТ могут быть отнесены различные жанровые форматы, встречающиеся в разных коммуникативных сферах – начиная от сообщений о преступлении, прогнозов погоды, гороскопов, рекламных, научных,

художественных текстов и заканчивая афористическими сентенциями. Иными словами, под «типом текста» мы понимаем «культурно-исторически сложившуюся продуктивную модель, образец текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов с различным тематическим содержанием» [18, с. 60]. При этом «каждый тип текста характеризуется системой закрепленных за ним специфических признаков» [18, с. 60]. В соответствии с данным утверждением МФТ характеризуется набором типологических признаков, неких фокусных параметров, которые с одной стороны, служат консолидирующим основанием для объединения множества типологически однородных текстовых образований в единую категорию, а с другой – концентрируют наибольшее число общих черт и очевиднее всего характеризуют то, как репрезентирована данная категория в реальной коммуникативной практике.

Так, Т. М. Николаева отмечала, что «протяженность текста включается в число его категориальных признаков» [19, с. 415]. Более того, в современном мире объем текста выступает в качестве одного из критериев его коммуникативной эффективности [20].

На настоящий момент «малоформатный текст» относится к той категории языковых явлений, которые, по словам Е. С. Кубряковой, принадлежат к числу «естественных», построенных «по принципу “фамильного сходства”» [21]. Мы имеем в виду, что, с одной стороны, словосочетание «малоформатный текст» уже приобрело терминологический статус – об этом свидетельствует широкое употребление данного понятия в лингвистической литературе [1–16], а с другой стороны, как уже отмечалось, до сих пор не существует единого определения критериев малоформатности, и прежде всего – ее границ.

Для того чтобы установить критериальные признаки малоформатности на современном этапе, логичным представляется проследить становление данного понятия в процессе его функционирования в науке о языке. Так, впервые термин «малоформатный текст» был введен в лингвистический обиход в кандидатской диссертации И. Б. Руберт, где исследователь рассматривала типологические характеристики английских «жестких» (прескриптивных) малоформатных текстов жанра «рецепт» и «полезный совет», не оговаривая при этом параметров их физической протяженности [16].

Также основополагающей в плане изучения МФТ стала статья Е. С. Кубряковой «О тексте и критериях его определения», в которой «тексты малого объема, малые тексты» признаны средо-

точием «наибольшего числа наиболее репрезентативных признаков категории [текста] в скоррелированном виде, т.е. выступающих в виде пучка признаков, соотнесенных между собой» [21]. Подобные тексты причисляются автором к категории «прототипических», и параметр объема играет в этом ключевую роль: «...выделение прототипических текстов обусловливается прежде всего критерием материальной протяженности текстов» [21]. При этом объем малоформатного текста обозначается как «ограниченный по своей протяженности» [21].

Еще одной знаковой работой, посвященной изучению текстов малого формата, стала докторская диссертация О. И. Таюповой [13]. В данной работе, выполненной на материале разножанровых немецких социально-регулирующих и информирующих текстов, впервые сделана попытка определения квантитативных параметров малоформатности – «...объем [таких текстов] не превышает, как правило, 1500 печатных знаков, но может равняться и одному элементарному предложению, состоящему из одного слова» [13, с. 7]. Впоследствии многие исследователи МФТ ориентировались именно на этот количественный показатель [9, 22].

В целом нижняя граница протяженности МФТ не вызывает разногласий. Несмотря на наличие радикальных мнений о существовании, например, однобуквенных текстов [23] или текстов-морфем [24], большинство исследователей сходятся во мнении, что в строго лингвистическом понимании текста его нижняя граница равна одному высказыванию, которое при определенных условиях может состоять из одного слова [5, 13, 15, 18, 25–27]. Такой подход представляется обоснованным в связи с тем, что именно слово (в отличие, скажем, от буквы и морфемы) обладает номинативной силой и является единицей коммуникации: «...the word is a unit of speech which <...> serves the purposes of human communication. Thus, the word can be defined as a unit of communication» [28, с. 7]. Понимаемое таким образом слово может обеспечить малоформатному тексту необходимые признаки текстуальности, к числу которых традиционно относятся «целостность, связность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативная привязанность, интертекстуальность» [5, с. 84].

В то же время параметр верхней границы МФТ на данный момент остается неуточненным. Так, многие исследователи МФТ формально не фиксируют их протяженность либо произвольно определяют верхнюю границу объекта изучения, предлагая измерять объем текстового отрезка в самых различных единицах, таких как 60

газетных строк [29], одна стандартная страница авторского печатного листа [6], 5 синтаксических конструкций [15], 20–24 информационных блока [30], 10 минут, которые занимает чтение малоформатного текста [31], и т.д. Данные дескрипции представляются крайне разрозненными, неоднородными и лишенными единого основания; в целом они не обладают объяснительной силой и не дают четкого представления о реальном объеме малоформатного текстового фрагмента.

Как уже упоминалось, известный исследователь малоформатных текстов О. И. Таюпова фиксирует границу малоформатности в пределах 1500 печатных знаков [13]. В свою очередь, Е. А. Трунова перевела данный показатель в слова, получив цифру 150–160 слов, которую исследователь прокомментировала следующим образом: «...такие тексты весьма объемны, они являются полноценными текстами, где мысль может быть выражена вполне свободно, без ограничений; отнести тексты такого объема к числу малоформатных нельзя, поскольку они не удовлетворяют главному формальному критерию – краткости» [26, с. 51]. Однако мы не можем согласиться с предложенным мнением в силу того, что, например, в реальной речевой практике многие рекламные объявления, посты в соцсетях, аннотации к научным статьям и т.д., бесспорно относящиеся к категории малоформатных текстов, имеют объем 300 и более слов [32–34].

А. Ю. Корбут в своей монографии, выполненной на материале русского языка, установила, что «среднестатистический объем текста [в русском языке] <...> составляет 668,6 слов» [35, с. 47]. Согласно этому показателю исследователь разделила все тексты на «микротексты» (2–64 слова), «минитексты» (65–600 слов), «мидитексты» (600–3000 слов) и «макситексты» (от 3000 слов) [35, с. 51–53]. Опираясь на данную классификацию, можно предположить, что к разряду малоформатных следует отнести «микротексты» и «минитексты», объем которых варьируется от 2 до 600 слов. С другой стороны, представляется несколько искусственным подобное жесткое разграничение между предложенными группами текстов – в частности, чем обусловлена верхняя граница микротекстов, равная 64 словам?

Кроме того, учитывая то обстоятельство, что термин «малоформатный текст» применяется как при анализе русскоязычных текстов, так и текстов на европейских языках, при определении границ малоформатности следует также учитывать тот факт, что количество слов на условную единицу текста в разных языках различно. В частности, при равном количестве печатных символов количество слов в русском и, например, английском/немецком языках будет отличаться

в 1,2 раза (в английском/немецком языках слов будет больше [36] – в качестве наглядной иллюстрации этого факта можно привести аннотацию к настоящей статье, которая в русскоязычной версии содержит 227 слов и 2136 печатных знаков, а в англоязычном варианте – 268 слов и 1818 печатных знаков).

Подобная вариативность в трактовке границ малоформатности современных текстовых конструкций свидетельствует не только о множественных формах конкретной речевой реализации данного феномена, но и о принципиальной невозможности сведения всего многообразия малоформатных текстов к единому математически выверенному нормативу. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать малоформатность не как категорию абсолютную, статически зафиксированную посредством абсолютного числового показателя. Привязка к словам/символам, как наиболее универсальная из имеющихся методика определения объема текста (в отличие от, например, газетных строк, предложений, минут и пр.), является необходимой при описании конкретного эмпирического материала, поскольку она дает реальное представление об объеме текстовых фрагментов, однако не может служить категориальным признаком малоформатного текста как отдельного текстотипа.

Исходя из положения о том, что современные МФТ представляют собой сложные дискурсивные образования, в которых комплексный коммуникативный эффект достигается за счет взаимодействия всех без исключения текстовых элементов при консолидирующей роли когнитивного плана участников коммуникативного взаимодействия, представляется логичным определять понятие малоформатности через параметр визуальной интегративности, имея в виду то, что Е. С. Кубрякова определила как «обозримость и наблюдаемость в самых мелких деталях» [21]. При соблюдении условия визуальной интегративности дискурсивные механизмы комплексного взаимодействия разноуровневых элементов текста проявляются в полной мере, так как визуальные, структурные и языковые аспекты комплексно включаются в выстраивание необходимого функционального вектора и способствуют полноценной реализации заложенного автором текста прагматического потенциала. Так, например, при определенных условиях рекламная аннотация учебного пособия объемом в 750 слов, расположенная на одном развороте рекламного каталога (см., например: [37, р. 46–47], может быть визуально воспринята как целостное образование и, следовательно, отнесена к категории малоформатных текстов.

Таким образом, МФТ можно определить как текстовое образование небольшого объема, имеющее подвижные количественные показатели, в большинстве случаев ограниченные в пределах от 1 до 600 слов, характеризующееся традиционными признаками текстуальности, а также обладающее свойством визуальной интегративности, выполняющим консолидирующую роль в процессе выстраивания прагма-семантического плана текста при многоаспектном взаимодействии разноуровневых элементов текстовой организации.

Список литературы

1. Бокова О. В. Малоформатный текст «сообщение о преступлении»: особенности его семантической и структурной организации: на материале актуальных немецкоязычных медиатекстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
2. Толстоуцкая Е. В. Структурно-прагматические характеристики текстов малого формата: на материале французской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 24 с.
3. Дамм Т. И. Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты: лингвостилистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 31 с.
4. Апостолиди А. А. Лингвостилистические характеристики малоформатного новостного медиатекста // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г.) [Электронный ресурс] / ред. кол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клущина [и др.]. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD). С. 1611–1615.
5. Малюга Е. Н., Пономаренко Е. В., Минаева А. А. Стилистические приемы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на материале англоязычных экономико-политических медиаресурсов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 82–87. <https://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-82-87>
6. Нечепоренко Н. М. Категория информативности в малоформатном научном тексте энциклопедического характера: когнитивный и дискурсивный аспекты: на материале английских и русских лингвистических энциклопедий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 27 с.
7. Анисимов В. Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 24 с.
8. Ваганова Е. Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2002. 261 с.
9. Гайдичар А. П., Кулакова Т. А. Инстаграм-публикация как малоформатный поликодовый текст в роли

- мотивационного инструмента на уроке английского языка // Педагогическое образование на Алтае. 2020. № 1. С. 142–147.
10. Валеева Н. И. Полипредикативные сложные предложения как малоформатные тексты в коммуникативно-прагматическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 188 с.
 11. Карлик Н. А. Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 319 с.
 12. Петрова Н. Ю. Особенности публицистических текстов малого формата (на материале кратких заметок журнала «The New Yorker») : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 195 с.
 13. Таюпова О. И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 56 с.
 14. Турлова Е. В. Прагмалингвистические характеристики малоформатных текстов (на материале названий англоязычных учебно-методических пособий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 21 с.
 15. Непомнящих Е. А. Синтаксические конструкции малоформатных текстов в современном русском языке (лингвокультурный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
 16. Руберт И. Б. Типологические характеристики английских малоформатных текстов «рецепт» и «полезный совет» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 17 с.
 17. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
 18. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. : Флинта, 2020. 208 с.
 19. Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
 20. Леденева С. Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 97–101.
 21. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения (Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72–81). URL: <https://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 15.03.2022).
 22. Петрова Е. Р. Франкоязычный текст прогноза погоды как малоформатный тип текста // Студент – исследователь – учитель : материалы 22-й Межвуз. студ. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 01 апреля – 31 мая 2020 г.) / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 1344–1352.
 23. Лебедева М. Н. Микрожанры современной прозы : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 186 с.
 24. Сахарный Л. В. Морфема как текст и морфема как часть текста // Морфемика : принципы и методы системного описания : межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Л. В. Бондарко. Л. : ЛГУ, 1987. С. 157–169.
 25. Vedeneva Y. V., Kharkovskaya A. A., Malakhova V. L. Minitexts of poetic titles as markers of the English cognitive paradigm // Training, Language and Culture. 2018. Vol. 2, № 2. P. 26–39. <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.2>
 26. Трунова Е. А. Малоформатный текст как объект лингвистического исследования // Вестник РУДН. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 1. С. 49–53.
 27. Харьковская А. А. Названия произведений изобразительного искусства в языковой картине мира : функциональные аспекты // Эволюция и трансформация дискурсов : сб. науч. ст. / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Вып. 2. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2017. С. 111–119.
 28. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка = English Lexicology. М. : Дрофа, 2001. 288 с.
 29. Нечаев К. А. Сообщения экономического содержания в немецкой прессе : типологические особенности малоформатных текстов : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 140 с.
 30. Носова Л. Н. Особенности структурно-смысловой композиции текстов инструкций к лекарственным препаратам на примере французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19). С. 133–135.
 31. Кривченко И. Б., Савина И. В., Малашина С. С. Признаки малоформатных текстов в современной англоязычной драме // Инновации в науке и практике : сб. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Барнаул, 17 апреля 2019 г.) : в 3 ч. Уфа : Дендра, 2019. Ч. 2. С. 238–242.
 32. Гатина Ю. А. Дискурсивные характеристики британских образовательных сайтов (на материале приветственных обращений школьной администрации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 23 с.
 33. Черкунова М. В. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальных элементов в малоформатных текстах рекламных аннотаций // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 192–199. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_1_192_199
 34. Kharkovskaya A. A., Ponomarenko E. V., Radyuk A. V. Minitexts in modern educational discourse: Functions and trends // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1, iss. 1. P. 62–76. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.4>
 35. Корбут А. Ю. Текстосимметрия. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2004. 200 с.
 36. Таблица лаконичности текста при письменном переводе на русский язык. URL: <https://libete.ru/poleznaya-informatsiya/74-tablica-lakonichnosti-teksta> (дата обращения: 15.03.2022).
 37. Cambridge English Language Teaching 2019. Cambridge University Press, 2019. 116 p.

Поступила в редакцию 08.04.2022; одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 08.04.2022; approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254–260

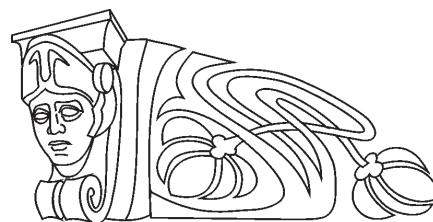
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 254–260

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>

Научная статья
УДК 81'373

Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм

С. Б. Козинец

Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Козинец Сергей Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарного образования, kozinec74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-367X>

Аннотация. В статье рассматриваются языковые единицы, в которых реализуется образный потенциал зоонимов (анимализмов, названий животных) – метафор, сравнений, фразеологизмов. Цель исследования состоит в установлении лексико-семантических особенностей единиц, входящих в образное поле зоонимов. В ядерную зону поля входят названия животных, птиц, рыб, насекомых, пауков и микроорганизмов; в приядерной зоне находятся названия доисторических животных, мифических и сказочных существ; в периферийную зону входят наименования жилища животных, помещения для их содержания и разведения, названия предметов для ловли животных и ограничения их движений, действий, обозначения звуков, издаваемых животными, их движения. Анализ материала позволил установить, что в подавляющем большинстве случаев зоонимы в образном употреблении служат для характеристики человека (его внешности, качеств характера, особенностей поведения, социального статуса). Анималистическая метафора расширяет свое пространство за счет производной лексики, куда относятся слова, усваивающие значение производящего, производные с компаративной семантикой и словообразовательные метафоры. Составляя ядро образного поля, анималистические метафоры, тем не менее, обладают меньшим образным потенциалом, чем сравнения, поскольку называют предмет, признак или действие напрямую, актуализируя определенные семы. Метафорических значений у зоонимов бывает обычно одно–два, реже – три. Сравнения же во многих случаях указывают на самые разные аспекты сопоставляемых предметов, поэтому они во многих случаях окказиональны.

Ключевые слова: зоонимы, анималистическая метафора, сравнение, фразеологизмы, тематические группы

Для цитирования: Козинец С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254–260. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Zoonyms in the figurative space of the language: Metaphor, comparison, phraseological unit

S. B. Kozinets

Saratov Regional Institute of Education Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Sergey B. Kozinets, kozinec74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-367X>

Abstract. This article discusses linguistic units which actualize the figurative potential of zoonyms (animalisms, animal names) – metaphors, comparisons, phraseological units. The purpose of this research is to establish the lexical and semantic features of the units included in the figurative field of zoonyms. The nuclear zone of the field includes the names of animals, birds, fish, insects, spiders and microorganisms; the circumnuclear zone contains the names of prehistoric animals, mythical and fabulous creatures; the peripheral zone includes the names of animal dwellings, premises for their keeping and breeding, names of objects for catching animals and restricting their movements, actions, designations of sounds made by animals, their movements. The analysis of the material made it possible to establish that in the overwhelming majority of cases, zoonyms in their figurative use serve to characterize a person (his appearance, character traits, behavioral characteristics, social status). Animalistic metaphor expands its space by means of derivative vocabulary, which includes words that acquire the meaning of the derivational base, derivatives with comparative semantics and word-formation metaphors. Constituting the core of the figurative field, animalistic metaphors, however, have less figurative potential than comparisons, since they name an object, feature or action directly, actualizing certain semes. Zoonyms usually have one or two metaphorical meanings, less often three. Comparisons, in many cases, point to very different aspects of the compared objects, so they are in many cases occasional.

Keywords: zoonyms, animalistic metaphor, comparison, phraseological units, thematic groups

For citation: Kozinets S. B. Zoonyms in the figurative space of the language: Metaphor, comparison, phraseological unit. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 254–260 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Зоонимы, или анимализмы, с давних пор служат для образного наименования человека и всего, что с ним связано. Причем процесс этот взаимонаправленный, поскольку язык по своей природе антропоцентричен, а следовательно, именно человек «проникает» в мир животных, находит общие черты, устанавливая внешнее или внутреннее сходство с самыми разными представителями фауны, а затем присваивает имена животных себе и предметам, которые он создал.

Зоонимы реализуют образное значение в двух основных видах тропов – метафоре и сравнении, а также в значительном количестве устойчивых выражений (подробнее об этом см.: [1]).

Метафора – вид тропа, состоящий в переносе одного названия на другое по сходству (внешнему, внутреннему или ассоциативному): *газель* ‘стройная женщина’ (< горная коза из семейства антилоп, отличающаяся стройностью и быстротой бега); *сорока* ‘о болтливом человеке; о сплетнике, сплетнице’ (< птица семейства вороновых, с белыми перьями в крыльях, издающая характерный крик – стрекотание); *бронтозавр* ‘человек прошлой эпохи, с остальными взглядами’ (< вымершее гигантское пресмыкающееся).

Так как метафоры обладают двуплановостью, т.е. «в одновременном указании на основной и вспомогательный субъекты образного сравнения» [2, с. 112], их принято классифицировать прежде всего по основному и вспомогательному субъектам.

Классификация метафор по *основному субъекту* базируется на объединении образных значений в семантические поля (характер вспомогательного субъекта не учитывается): *ц в е т о в а я* метафора: *изумрудные листья, золотые волосы, бронзовый загар, янтарные глаза*; *к о л и ч е с т в е н н а я* метафора: *море людей, гора книг, высокая скорость, низкая температура*.

Классификация метафор по *вспомогательному субъекту* основана на тематической принадлежности слова в прямом значении (характер основного субъекта не учитывается): *п р о с т р а н с т в е н н а я* метафора: *низкий поступок, на вершинах власти, глубокая скорбь, широкие возможности*; *м у з ы к а л ь н а я* метафора: *минорное настроение, мелодия леса, фальшивая нота*; *а н и м а л и с т и ч е с к а я* метафора: *акула пера, жирафы портовых кранов, стальная птица, офисный планктон*.

Анималистическая метафора (зоометафора) давно привлекает к себе внимание ученых, поскольку анимализмы широко представлены во всех языках мира и относятся к одним из самых древних и распространенных.

Зоонимы могут «проникать» – в образном значении – в самые разные группы слов. Прежде

всего, они переосмысляются в рамках своего же лексического поля (внутренняя метафора): животное → животное, что опровергает утверждение Н. Г. Скляревской о том, что «переносы из сферы ЖИВОТНОЕ направлены только на сферу ЧЕЛОВЕК» [3, с. 98].

Л. В. Балашова, исследовавшая метафору в диахронии, обнаружила, что «в номинации животного мира постепенный рост продуктивности метафоризации более очевиден <...> Исконная система номинаций животных почти не содержит метафор. В русском языке XI–XVII вв. можно обнаружить лишь отдельные примеры <...> В дальнейшем число метафорических номинаций значительно увеличивается, причем как в системе народных названий обитающих на территории России животных, так и в зоологической терминологии калькированного типа» [4, с. 41–42].

Подобные метафоры значительно распространены среди названий морских обитателей, что нередко маркируется соответствующим определением: *морской лев, морской котик, морской леопард, морская корова, морской слон, морской заяц, морская мышь, морской еж, морской конек, морской петух* и под. Кстати, некоторые иноязычные названия животных, давно освоенные русским языком, этимологически также являются метафорами. Так, слово *гиппотам* в переводе с древнегреческого означает буквально «речная лошадь» (*hippos* – лошадь, конь + *potamios* – река), а *орангутан* в буквальном переводе с малайского – «лесной человек».

Такая частотность метафорического переноса в этой группе объясняется, видимо, тем, что лексически давно освоенная наземная фауна поневоле выступала в качестве объекта сравнения с морскими обитателями, с которыми человек в основном знакомился – по вполне понятным причинам – гораздо позже. Значительная часть названий морских животных и рыб – результат метафорического переосмысления наименований человека, предметов: *рыба-клоун, морской монах, рыба-меч, рыба-пила, молот-рыба* и др. Этот тип метафор относится к словам с «ослабленным образом», они занимают промежуточное положение между живыми метафорами и мертвыми [2, с. 131].

Зоонимы служат и для наименования вещного мира (внешняя метафора): *галстук-бабочка, гусеница танка, бык* (промежуточная опора моста), *кошка* (абордажный крюк; легкий якорь), *хвост самолета, зебра* (пешеходный переход), *собачка* (спусковой крючок), *компьютерная мышь* и т.д. Рассмотренные примеры – разновидность *стертых* метафор, «которые находятся в процессе утраты смысловой двуплановости и внутренняя форма которых ощущается уже не всеми носите-

лями языка» [2, с. 134], поскольку они создавались для номинации предметов, а не для образного осмысления действительности.

Проанализированный нами материал (около пятисот слов) отражает образный потенциал названий животных и связанных с ними предметов и действий, служащих прежде всего для *характеристики человека* – внешности, черт его характера, поведения, социальной роли и др. Небольшая группа слов участвует в номинации предметов.

Анималистическая метафора понимается нами широко: в семантическую сферу «Животное» включаются названия животных, птиц, рыб, насекомых, части тела, части покрова животного, группы животных, места обитания, звуки, издаваемые животными, жилища животных, помещения для содержания и разведения животных.

Включение в эту группу помещений и предметов объясняется тем обстоятельством, что они не только реально, но и понятийно связаны с животными. Так, для слов *курятник*, *конюшня*, *свинарник* и т.п. важно не то, что они обозначают постройки, созданные людьми, а, то, что в них обитают соответствующие животные. Эта лексика «содержит такие устойчивые коннотации, которые соотносят ее с миром животных. Вычлняемый в этих случаях символ метафоры семантически объединяет не два предмета, но человека и животное» [3, с. 100]. Однако связь проявляется опосредованно, главным для метафоризации становится характеристика параметров предмета. Например, *скворечником* называют маленькое тесное помещение, и название птицы здесь, естественно, ни при чем.

В зависимости от того, что описывает анималистическая метафора – внешний облик или внутренние свойства человека, она бывает внешней, внутренней или ассоциативной. Сразу оговоримся, что данная классификация достаточно условна, поскольку провести четкую границу между типами метафор не всегда представляется возможным.

Внешняя метафора базируется на уподоблении внешних качеств сравниваемых объектов – размера, формы, особенностей строения. В такой метафоре «присутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий метафорическое значение с исходным» [3, с. 53]: *аквариум* ‘небольшое здание, помещение с прозрачными стенами’: *Тот по-прежнему висел на телефоне, но, почувствовав на себе взгляд профессора, затравленно посмотрел на него из своего аквариума* (А. Жолковский. На полпути к Тартару)¹; *анаконда* ‘пневмоконтейнерный трубопровод’:

¹ Здесь и далее примеры взяты из: *Козинец С. Б. Человек в мире животных. Образный потенциал зоонимов: словарь.* Саратов : Саратовский источник, 2022. 240 с.

Пневмотрассы сыграют большую роль в освоении природных богатств Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, ведь бездорожье «анаконде» нипочем (Г. Алова. Потомки первой «анаконды»); *бабуин* ‘некрасивый мужчина’: *Уже много лет я не жгу свечу с обоих концов, утратив смазливость и здоровье, превратился (внешне) в облезлого буржуина-бабуина* (В. Пригодич. Новый Пелевин, старый Лао-Цзы, или Вечный путь).

Внутренняя метафора устанавливает более отдаленную связь между объектами, находя что-либо общее в поведении: *страус* ‘о человеке, стремящемся спрятаться от проблем’: *Как письма в защиту Сахарова подписывать, так ты храбрец, настоящий лев, а как пережить папину (и, следовательно, нашу) трагедию – страус?* (С. Ландау. На краю круга девятого); *гарпия* ‘злая, агрессивная женщина’: *Несмотря на многочисленные заходы налево, жену свою он любил и со страхом гадал заранее, какая гарпия предстанет его глазам* (Е. Лукин. Грехи наши тяжкие), или в сходстве функций: *инкубатор* ‘место с благоприятными условиями для появления, становления кого-, чего-л.’: *Гарвардский университет называли инкубатором формирующейся американской элиты* (А. Шварцбург. Неизвестный Гарвард), *капкан* ‘безвыходное положение, организованное кем-л.’: *Восемьсот человек были окружены, были в ловушке, были в капкане* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Ассоциативная метафора «базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности» [3, с. 60]: *парить* ‘устремляться к возвышенным мыслям, чувствам»: *Гулимов существует на другом уровне, парит в своих поэтических небесах* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника); *волк* ‘о человеке, искушенном в каком-л. деле, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям’: *Один старый газетный волк, видя, как мне хочется всюду успеть, дал совет* (Ю. Поляков. Работа над ошибками); *павлин* ‘высокомерный, тщеславный человек’: *Недруги считали его самонадеянным, самовлюбленным павлином* (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть).

Некоторые ассоциации приняли более-менее устойчивую форму в виде так называемых *коннотаций* – устойчивых представлений носителей языка о каком-либо явлении действительности. Коннотация содержит оценки, характеристики, приписываемые какому-либо предмету или явлению; т. е. она тесно связана с прямым, базовым значением слова, но не входит в него.

Любая коннотация, естественно, антропоцентрична, поскольку оценка исходит от человека, и

представляет собой явление вторичного плана: прежде чем дать оценку какому-либо предмету (животному, растению и т.д.), человек обнаруживает какое-либо сходство этого предмета с собой. При этом оценка чаще всего негативная, поскольку «езде в качестве подразумеваемого члена противопоставления, своего рода точки отсчета, выступает сам человек! Тюлень для нас – лежебока, осел упрям, козел – вонюч и глуп... Зато наши собственные, человеческие свойства (размеры тела, скорость передвижения, способ питания и т.п.) считаются оптимальными, именно они принимаются за образец» [5, с. 218]. Таким образом, некая черта харак-

тера закрепляется за определенным объектом (лиса – хитрость, заяц – трусость, свинья – невежество, корова – глупость, орел – гордость и под.), а вербализуясь в этом слове (в метафорическом значении), становится ярким символом поведения или характера человека, который сравнивается с каким-либо животным, растением и т.д. Формальное выражение коннотация находит в *коннотативном значении* – добавочном значении мотивированного знака (эмоциональном, экспрессивном, оценочном), представляющем результат экспликации коннотативных элементов, связанных с прямым значением:

Человек	→	Животное	→	Человек
↓		↓		↓
Свойства человека	→	Свойства животного, ему приписываемые (коннотации)	→	Свойства человека как у животного
глупый	→	корова 1 (символ глупости)	→	корова 2 (глупая женщина)
коварный	→	змея 1 (символ коварства)	→	змея 2 (коварный человек)
трусливый	→	заяц 1 (символ трусости)	→	заяц 2 (трусливый человек)

Зоонимы, употребляющиеся в образном значении, объединяются в несколько смысловых групп [6]. В ядерную зону входят названия животных, птиц, рыб, насекомых, пауков и микроорганизмов; в приядерной зоне находятся названия доисторических животных, мифических и сказочных существ; в периферийную зону входят наименования жилища животных, помещения для их содержания и разведения, названия предметов для ловли животных и ограничения их движений, действий, обозначения звуков, издаваемых животными, их движения.

Каждая из выделенных тематических групп обнаруживает различную степень продуктивности в реализации образных значений. Рассмотрим в качестве примера четыре смысловых объединения.

Тематическая группа «**Животные**» – самая многочисленная (171 слово в обработанном нами материале) [6, с. 19–100]. В основной своей массе анимализмы служат для характеристики внешности человека: *бегемот* ‘очень толстый, неуклюжий, неловкий человек’, *боров* ‘толстый, неповоротливый человек’, *выдра* ‘очень худая женщина’, *дикообраз* ‘лохматый, непричесанный, неопрятный человек’, *каракатица* ‘неуклюжий, коротконогий человек’; качеств характера, поведения: *агнец* ‘кроткий, послушный человек’, *байбак* ‘неповоротливый, ленивый человек, лежебока’, *вол* ‘о том, кто много и тяжело трудится’, *гиена* ‘жадный, коварный человек’, *кобра* ‘злая

женщина’, *слизняк* ‘безвольный, бесхарактерный, ничтожный человек’; интеллектуальных качеств: *баран* ‘глупый, тупой, упрямый человек’, *корова* ‘толстая, неуклюжая, а также неумная женщина’, *овца* ‘робкий, безответный человек’, *олень* ‘простоватый, прямолинейный, безынициативный человек’; социального статуса: *аллигатор* ‘авторитетный в какой-л. отрасли человек’, *кит* ‘одно из главных или наиболее важных лиц в каком-л. деле, деятельности, на которых это дело держится’, *спрут* ‘очень влиятельный человек’, *улитка* ‘незначительный, ничтожный человек’.

Значительная часть метафор именуется какой-либо предмет: *амфибия* ‘автомобиль, танк и т.п., приспособленные для движения по суше и по воде’, *еж* ‘противотанковое или противопехотное сооружение в виде скрещивающихся кольев или железных брусьев, переплетенных колючей проволокой’, *жираф* ‘кран’, *кенгуру* ‘космический корабль’ (в романе И. Ефремова «Час быка»), *питон* ‘длинный вытянутый предмет’.

Большинство слов образует словообразовательные гнезда, в том числе сильноразвернутые (*еж*, *бык*, *ехидна*, *зверь*, *змея*, *ишак*, *свинья*, *скот*, *хищник*). Чаще всего от названий животных образуются прилагательные (*анакондовый*, *беличий*, *бычий*, *воловоий*, *дельфиний*, *дикообразный*, *ехидный*, *жабий*, *звериный*, *кабаний*, *кенгуриный*, *львиный*, *обезьяний*, *ослиный*), сложные прилагательные с компаративными аффиксоидами (*бегемотоподобный*, *бегемотообразный*, *быкообразный*,

гориллоподобный, дельфинообразный, жабоподобный, жирафообразный, зайцеподобный, ослоподобный, ракообразный), наречия (*по-щенячьи, по-беличьи, по-жеребьячьи, по-заячьи, по-зверски, по-кроличьи, по-львиному, по-свински*), глаголы (*бычиться, ехидничать, ежиться, звереть, змеиться, ишачить, крыситься, лисить, обезьянничать, свинячить*).

Тематическая группа «**Птицы**» – вторая по количеству группа (92 слова – почти в два раза меньше, чем в группе «Животные») [6, с. 101–141]. Зоонимы развивают метафорические значения по тем же семантическим моделям, что и названия животных. Это, прежде всего, характеристика внутренних качеств и поведения человека: *баклан* ‘глупый, достойный презрения человек’, *ворона* ‘рассеянный, невнимательный человек’, *индюк* ‘о том, кто имеет напыщенный и глупый вид, о заносчивом человеке’, *коршун* ‘хищный, агрессивный человек’, *пингвин* ‘недалёкий, глупый человек’, а также указание на возраст и жизненный опыт: *альбатрос* ‘бывалый, опытный моряк’, *галчонок* ‘о ребёнке’, *лунь* ‘о старом человеке’, *цыплёнок* ‘наивный молодой человек’.

В отличие от слов предыдущей группы, наименования птиц в метафорическом значении редко участвуют в наименовании конкретных предметов: *альбатрос* ‘реактивный самолёт-амфибия’, *ворон* ‘тюремный автобус с решетчатыми окнами’, *канарейка* ‘милицейский автомобиль желтого цвета с голубой полосой’, *сапсан* ‘высокоскоростной электропоезд’.

Значительное количество слов образуют словообразовательные гнезда, иногда сильноразвернутые (например, *петух, попугай, сова*). Чаще всего от названий птиц образуются прилагательные (*воробьиный, вороний, галочий, голубиный, гусиный, журавлиный, индюшиный, канареечный, лебединый, пеликаний*), наречия (*по-вороньи, по-голубиному, по-гусиному, по-журавлиному, по-индюшачьи, по-кукушечьи, по-лебединому, по-орлиному, по-ястребиному*), реже – глаголы (*бакланить, проворонить, петушиться, попугайничать, советь*).

Тематическая группа «**Рыбы**» (34 слова) [6, с. 142–155]. Метафорические значения слов этой группы служат прежде всего для оценочной характеристики внешности человека: *вобла* ‘худая некрасивая женщина’, *камбала* ‘некрасивая женщина’; качеств его характера, поведения: *вьюн* ‘юркий, вертлявый человек, непоседа’, *налим* ‘неприятный, скользкий человек’, *пиранья* ‘беспринципный человек’, *рыба* ‘вялый, медлительный или холодный, бесстрастный человек’, *угорь* ‘изворотливый человек’; социального статуса: *акула* ‘авторитетный в какой-л. отрасли человек’, *осётр* ‘важное лицо, персона, особа’,

пескарь ‘незначительный человек’, *плотва* ‘о незначительных по своему общественному весу, значимости, личным качествам людях’. Незначительная часть метафор называет неодушевленные предметы: *барракуда* ‘ударный транспортный вертолет Ми-248’, *ёрш* ‘щётка для мытья или чистки внутренних поверхностей каких-л. предметов’, *плавник* ‘то, что внешним видом напоминает плавник’, *чешуйя* ‘то, что внешним видом напоминает чешую’.

Некоторое количество слов, так же как наименования животных и птиц, образует небольшие гнезда, основу которых составляют прилагательные (*акулий, лососиный, налиимый, пескариный, рыбий, сазаний*), наречия (*по-акульи, по-карасьи, по-рыбы, ершисто*), а также сложные прилагательные с аффиксоидами *-видный, -образный* (*акулообразный, рыбообразный, сомовидный*).

Тематическая группа «**Насекомые. Черви. Пауки. Микроорганизмы**» (62 слова) [6, с. 156–183]. Метафоры этой тематической группы служат для характеристики внешнего вида человека (*глиста* ‘очень худой, долговязый, нескладный человек’, *жужелица* ‘некрасивый человек’, *членистоногий* ‘человек с длинными и гибкими конечностями’), указания на возраст (*клоп* ‘о ребенке или малорослом, невзрачном мужчине’, *сверчок* ‘о ребенке’). Значительная часть слов называет качества характера человека, особенности его поведения: *бабочка* ‘легкомысленный, ветреный человек, живущий без забот’, *гнида* ‘тот, кто совершает гнусные поступки, исподтишка делает подлость, ничтожество’, *клец* ‘тот, кто живёт за счёт чужого труда’, *мотылёк* ‘беззаботный человек’, *оса* ‘злой, ядовитый человек’; обозначают социальный статус: *блоха* ‘ничтожный, презираемый человек’, *вошь* ‘незначительный, ничтожный человек’, *микроб* ‘незначительный человек’, *насекомое* ‘незначительный, ничтожный человек’, *планктон* ‘о ком-л. незначительном, второстепенном, ничтожном’.

Небольшое количество слов, связанных с названиями микроорганизмов, обозначают нечто негативное, вредное, отрицательное (*бактерия* ‘то, что является возбудителем, катализатором чего-л.’, *бацилла* ‘о каком-л. негативном явлении в области духовной жизни’, *вирус* ‘отрицательное, вредное свойство, качество, распространяющееся подобно заразе’). Единичными случаями представлены метафоры, именующие конкретные предметы: *бабочка* ‘способ завязывания на шее галстука-ленты, а также сам галстук в виде короткого жёсткого банта’, *гусеница* ‘замкнутая сплошная лента в виде цепи, надеваемая на колеса самоходных машин’, *жало* ‘дуло оружия’, *шмель* ‘название огнемётного орудия’.

Образный потенциал слов этой группы реализуется также в производных словах: прилагательных (*амёбный, бацилльный, блошинный, вирусный, гнусный, комариный, муравьиный, осинный, сверчковый, шмелиный*), сложных прилагательных с компаративными аффиксоидами (*амёбоподобный, амёбообразный, бабочкообразный, пауковидный, паукообразный, пиявкообразный, скорпионоподобный, червеобразный*), наречиях (*по-осиному, по-паучьи, по-шмелиному, членистоногого*).

Как показывает анализ материала, заголовочные слова-метафоры часто образуют словообразовательные гнезда, в которых производные либо усваивают метафорическое значение зоонима, либо – гораздо чаще – развивают новое.

Среди образных производных можно выделить три группы слов: метафоры, слова с компаративной семантикой, словообразовательные метафоры.

К **метафорам** относятся, прежде всего, прилагательные (*акулий, лисий, медвежий, звериный, ослиный, лебединый, орлиный, воробьиный, голубиный*), некоторые существительные с модификационным значением (*бегемотиха, бычина, рыбёшка, волчонок, зверёныш, кошечка, овечка, слониха, тигрица, воробьишка, кукушонок, птенчик*) и небольшая группа глаголов (*мимикрировать, табуниться, жалить, закуклиться, паразитировать, роиться, гнездиться*).

Производные с **компаративной семантикой** представлены двумя типами слов – наречиями и сложными прилагательными.

Сложные прилагательные с аффиксоидами *-видный, -подобный, -образный* выражают сравнительно-конкретизирующее значение, т.е. 'подобный тому, что названо первым компонентом': *звероподобный, гориллоподобный, дельфинообразный, крысовидный, сомовидный, окуневидный*.

В подобных производных сравнение выражено с помощью аффиксоида, т.е. оно не скрытое, а следовательно, не выполняется главное условие метафоры – «понимания и переживания сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [7, с. 27]. Кроме того, указанные композиты являются посредниками при описании внешнего сходства какого-либо предмета с другим (*обезьяноподобный мужчина, бабочкообразный чепец, акулообразное лицо*), т.е. характеризуют предмет посредством ссылки на другой предмет, в то время как метафора должна называть или характеризовать предмет напрямую: *Он – настоящая обезьяна*. В связи с этим подобные производные достаточно легко поддаются словообразовательному синтезу, а именно: мы можем, во-первых, «образовать от данного

слова другое слово по заданному различию в значении» и, во-вторых, «зная значение морфов членимого слова, уметь определить значение слова в целом» [8, с. 87].

В зону компаративной семантики (а не метафорической) входят также отсубстантивные наречия префиксально-суффиксального способа словообразования с общим значением 'подобно лицу или животному, названному в производящей основе': *по-лошадиному, по-лиси, по-скотски, по-бульдожьей, по-шакальи* и под., поскольку лексическое значение таких слов полностью исчерпывается их деривационным значением. Эта группа практически безгранична (ее границы определяются конечным списком слов, обозначающих лиц и животных) – ее потенциал очень высок.

Словообразовательные метафоры – это производные с метафорической мотивацией, образное значение в них возникает в акте деривации или наследуется от производящего (при этом прямое значение не наследуется): *змеиться* 'блуждать, скользить' (< змея 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с длинными зубами'), *попугайничать* 'повторять чужие мысли, слова' (< попугай 'тот, кто не имеет своего собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова'), *советь* 'впадать в полусонное, дремотное состояние' (< сова 'ночная птица с мягким рыхлым оперением, с большой круглой головой'), а также *проворонить, крысятничать, бычиться, ёжиться, звереть, лисить, обезьянничать, окрылить, хомячить, шакалить, разлапистый, ершистый, змеевик, крылатка, журавлино, ершисто, соловьино, ястребино* и др. (подробней об этом см.: [9, с. 3–20]).

Образный потенциал зоонимов реализуется также в таком тропе, как **сравнение**, где, в отличие от метафоры, присутствуют оба объекта: тот, который подвергается сравнению, и тот, с которым его сравнивают.

Сравнение основано на сопоставлении языковыми средствами двух различных объектов с целью подчеркнуть их сходство или различие. Сравнение может выражаться различными способами [10]:

а) сравнительным оборотом: *Маленький и юркий, как чиж, он сладко улыбается желторотым своим покупательницам* (К. Чуковский. Серебряный герб);

б) сравнительными придаточными предложениями: *Я много раз видел ледоход, и всегда это было так, как будто какая-то сила нехотя ломала грязный лед* (В. Каверин. Ничего нельзя изменить);

в) существительным в форме творительного падежа «творительный сравнительный»: *Пото-*

лок на нас пошел снижаться **вороном**... (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин); *Там дыбилося левиафаном, что всплыл в ночи посередине мира, здание ДК* (А. Дмитриев. Призрак театра);

г) конструкциями с лексемами сравнительной семантики: *Маленькие домики **вроде курятников**, свежие, светло-фанерные, с красными веселыми крышами* (И. Грекова. Первый налёт.); *Митенька торжествующе следил за ними, **подобно дикому барсу**, притаившемуся за скалой* (Э. Шим. Ребята с нашего двора).

Сравнения, как показывает анализ примеров, обладают большим образным потенциалом, чем метафоры, которые называют предмет, признак или действие напрямую, актуализируя определенные семы. Метафорических значений у зоонимов бывает обычно одно–два, реже – три. Сравнения же во многих случаях указывают на самые разные аспекты, поэтому они во многих случаях окказиональны. Так, слово *анаконда* в сравнительных конструкциях реализует такие признаки, как беспощадность (*беспощаден, как анаконда*), огромная длина (*Россия очень большая и растянулась, как анаконда*), способность извиваться (*баржи вьются среди них, словно анаконды*). Слово *бизон* оказывается актуальным для характеристики различного поведения человека (*напролом идти к цели, как бизон; хмурый и подозрительный, как бизон в джунглях*), звучащей речи (*вопить, словно голодный бизон; взревел ревнивым бизоном*), внешнего вида (*склонив голову, как бизон*).

Некоторые зоонимы (*антилопа, аист, барсук, беркут, дрозд, карась, кузнечик, лосось, стегозавр, ягуар, ящерица*) реализуют образное значение только в сравнениях: *А потом я вижу вдалеке меж стволов Сергея, стоящего на одной ноге, **как аист**, с задумчиво склоненной головой* (С. Токарев. Турне, или Две недели с фигуристами); *И вот уже шоссе, и он виляет между автомобилями, **как лосось** между камнями* (И. Ефимов. Суд да дело); *А за Таркуликом поражает взгляд какая-то фантазмагория вершин, острых и зубчатых, **как хребты стегозавров*** (О. Гусев. Три дня прекрасного).

Еще один пласт языковых единиц, в которых реализуется образный потенциал зоонимов, – **фразеология**. Это самая малочисленная группа: только 62 зоонима (из 460) употребляются в устойчивых оборотах, при этом большая часть из них (44 идиомы) приходится на названия животных и птиц.

Отнималистические фразеологизмы отражают многовековые наблюдения человека

над внешним видом и повадками животных, но не передают отношение людей к их «меньшим братьям», а служат средством характеристики самого человека: его внешних качеств (*драная кошка, мокрая курица, седой как лунь, гамбургский петух*), физических возможностей (*загнанная лошадь, спать как сурок*), социального статуса (*офисный планктон, волчий билет, белая ворона*), межличностных отношений (*медвежья услуга, как кошка с собакой, прижать хвост*), черт характера (*волк в овечьей шкуре, серая мышь, синдром страуса*), поведения (*как бык на красную тряпку, вола вертеть, виться ужом*), интеллекта (*как баран на новые ворота, ежу понятно, дятел новогодний, клювом щёлкать*), жизненного или профессионального опыта (*морской волк, стрелный воробей, акула пера*).

Как видим, зоонимы обладают достаточно высоким образным потенциалом, который реализуется как в метафорических значениях (анималистическая метафора), так и в сравнениях и фразеологизмах. Все вместе они образуют образное поле, в центре которого находится метафора.

Список литературы

1. Альбрехт Ф. Б. Отнималистическая субстантивная метафора в лексике и фразеологии современного русского языка : Опыт комплексного анализа : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 319 с.
2. Москвин В. П. Русская метафора : Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
3. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
4. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1998. 216 с.
5. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта, 2006. 344 с.
6. Козинец С. Б. Человек в мире животных. Образный потенциал зоонимов : словарь. Саратов : Саратовский источник, 2022. 240 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Милославский И. С. Вопросы синтеза производного слова по заданному семантическому различию // Филологические науки. 1977. № 6. С. 87–93.
9. Козинец С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. М. : Флинта, 2017. 285 с.
10. Правда Е. А. Способы выражения сравнений в языке русской поэзии : ядерные структуры // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. Филологические науки. 2015. № 2 (267). С. 160–164.

Поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 09.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 09.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 261–266
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 261–266
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>

Научная статья
УДК 811.161.1'282.2(470.40/.43)

Лексика вторичных говоров Среднего Поволжья в статике и динамике

Т. Е. Баженова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Баженова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, bazhenova@pgsga.ru, orcid.org/0000-0002-4151-0686

Аннотация. В статье рассматривается диалектная лексика русских говоров на территории Среднего Поволжья. Автор опирается на новые материалы, собранные в региональном атласе и словаре. Приводятся факты отражения в источниках неравномерного развития диалектных лексических систем, в которых, с одной стороны, под влиянием стандартизации и междиалектного контактирования появляются новые слова и, с другой стороны, сохраняются архаизмы. Консервативные процессы отмечаются в той части лексики, которая отражает связи самарских говоров с диалектами владимирско-поволжского типа. Обращается внимание на узлокальный характер диалектных слов, сохраняющих память об архаических языковых особенностях. Динамизм языковой системы проявляется в широте потенциальных возможностей производства новых слов и семантических вариантов диалектных слов. Приводятся факты появления новых значений у слов, обозначавших в прошлом исчезнувшие теперь понятия и реалии. Динамические процессы наблюдаются в группах лексики растительного и животного мира, метеорологии, в словарных группах, объединенных темой «Человек». Делается вывод о том, что в условиях стандартизации и глобализации диалектная лексика обладает способностью сохранять свои традиционные черты, а диалекты не утрачивают коммуникативные возможности и способность к словопроизводству.

Ключевые слова: русский язык, русские народные говоры, диалектология, диалектная лексика, Среднее Поволжье, самарские говоры, лексические карты, динамика и статика в лексике

Для цитирования: Баженова Т. Е. Лексика вторичных говоров Среднего Поволжья в статике и динамике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 261–266. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Vocabulary of secondary dialects of the Middle Volga Region in statics and dynamics

T. E. Bazhenova

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Tatyana E. Bazhenova, bazhenova@pgsga.ru, orcid.org/0000-0002-4151-0686

Abstract. The article deals with the dialectal vocabulary of Russian dialects on the territory of the Middle Volga region. The author relies on new materials collected in the regional atlas and dictionary. The article provides the facts that the sources reflect the uneven development of dialect lexical systems, in which, on the one hand, under the influence of standardization and inter-dialectal contact, new words appear and, on the other hand, archaisms are preserved. Conservative processes are noted in that part of the vocabulary that reflects the connections of Samara dialects with those of the Vladimir-Volga type. It is noted that the dialect words have a narrow-localized nature and retain the memory of archaic linguistic features. The dynamic character of the language system is manifested in the scope of potential for the production of new words and semantic variants of dialect words. The article provides the facts that new meanings appear in words, previously denoting concepts and realities that have disappeared by now. Dynamic processes are observed in the vocabulary groups of flora and fauna, meteorology, in vocabulary groups united by the topic "Person". It is concluded that in the context of standardization and globalization, dialectal vocabulary can preserve its traditional features, and dialects retain their communicative capabilities and the ability for word formation.

Keywords: the Russian language, Russian folk dialects, dialectology, dialect vocabulary, Middle Volga region, Samara dialects, lexical maps, dynamics and statics in vocabulary

For citation: Bazhenova T. E. Vocabulary of secondary dialects of the Middle Volga Region in statics and dynamics. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 261–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-261-266>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Многочисленными исследованиями подтверждается, что диалектная лексика является наиболее подвижной: выходят из употребления старые и появляются новые слова в связи с изменениями в жизни народа, усиливаются интеграционные процессы в говорах. Изучение динамических процессов в диалектах и выявление причин устойчивости диалектных явлений на различных ярусах диалектного языка лежит в основе научных исследований Л. М. Орлова и Р. И. Кудряшовой [1, с. 8–9, 117–130], Л. И. Баранниковой [2], Т. И. Мурзаевой [3] и других ученых, выполненных на материале вторичных говоров Среднего и Нижнего Поволжья.

Участие в сборе словарных материалов для «Лексического атласа русских народных говоров» и самарского областного атласа и словаря дали нам возможность «вживую» наблюдать одну из особенностей современного состояния диалектов, которая заключается в одновременном сочетании изменчивости и устойчивости диалектной лексики. Несмотря на разрушение традиционного уклада жизни в селе, определенная часть диалектной лексики остается коммуникативно значимой, обнаруживаются активные процессы словопроизводства. Следовательно, изучение диалектного словарного состава по-прежнему остается актуальной задачей, несмотря на стремительное заимствование говорами общеупотребительных эквивалентов на лексическом ярусе диалектных систем под воздействием целого ряда факторов, как внешних, так и внутренних.

Подобные выводы, сделанные на материале вторичных говоров Среднего Поволжья, не противоречат общему представлению об активных процессах в диалектной лексике, сложившемся в последние десятилетия. В русской диалектологии и лингвогеографии накопилось достаточно сведений для теоретических обобщений по поводу динамики лексики и словообразования. В работах Т. И. Вендиной [4], Л. Я. Костючук [5], Н. С. Ганцовской [6] и других поднимается вопрос о неравномерности развития диалектных лексических систем, в которых, с одной стороны, под влиянием стандартизации и междиалектного контактирования появляются новые слова и, с другой стороны, сохраняются архаизмы. К такому выводу исследователи приходят, рассматривая функционирование диалектных слов как в границах макроатласа русского языка, так и на территории отдельных областей.

Актуальность нашего исследования вызвана тем, что динамический характер лексического уровня современных говоров, неочевидность парадигматических отношений в процессе синхронического изучения диалектной лекси-

ки, генетическая неоднородность вторичных говоров – все эти объективные причины затрудняют выявление системообразующих факторов и вызывают научный скептицизм, который выражается в утверждении стремительного и полного исчезновения диалектной лексики в говорах, которые являются вторичными по отношению к традиционным диалектным типам и образовались позднее. Тезис о невозможности системного представления диалектной лексики на заволжских территориях опровергается новыми свежими данными о лексике периферийных говоров, которые представлены в самарском региональном атласе [7] и словаре [8].

Изоглоссы диалектных лексем и значительная лексическая плотность отдельных тематических групп, зафиксированных на картах лексического атласа и словаря самарских говоров, убеждают нас в том, что в диалектах идет процесс непрерывного обновления лексического состава, в результате которого одни лексеммы уходят на периферию, уступая место общеупотребительным словам, а другие, образованные на основе внутренних диалектных ресурсов, продолжают активно употребляться. Например, в самарских говорах на смену таким устаревшим лексеммам, как *барáк*, *враг*, *ендовá*, пришли современные *дол*, *лог* ‘овраг’; в то же время отмечается региональный лексико-семантический вариант у лексеммы *эрик* ‘узкая промоина, заливаемая водой’, позволяющее носителям диалектов использовать его и для обозначения оврага [7, с. 23].

О сложности динамических процессов в диалектной лексике свидетельствует также наличие большого количества лексико-словообразовательных вариантов и производных значений диалектных слов. Некоторые лексические карты поражают сложностью переплетения изоглосс диалектных слов, служащих наименованиями отдельных реалий. Например, на карте, посвященной наименованиям древка косы, наряду с общеупотребительными словами *черен* и *палка* отражены диалектные *косовьё*, *косьё*, *косовище*, *окосиво*, *окосье* [8, с. 36]. На фоне этого разнообразия, отмеченного на сравнительно небольшой территории, выделяется довольно плотный массив лексеммы *окосиво*, группирующийся в основном в правобережных и ближайших центральных районах Самарской области, и незамкнутая изоглосса лексеммы *окосье* в восточных, заволжских районах. Как и следовало ожидать, четкая граница между ареалами данных лексем не наблюдается, однако разнообразие лексико-словообразовательных вариантов, наличие признаков диалектного соответствия между говорами северо-западной и юго-восточной части территории, взаимопроникновение их изоглосс

и сосуществование с общеупотребительными лексемами дают основание говорить о динамике процессов словообразования и сложности современных соотношений диалектной и стандартизированной лексики.

Еще более сложную картину можно наблюдать на семантической карте «Кулига» (по техническим причинам не вошедшая в настоящее издание лексического атласа самарских говоров), на которой зафиксированы значения одного из слов народной земледельческой терминологии. Диалектное слово *кулига* в русских говорах было одним из терминов подсечно-огневого земледелия в прошлом, имело значение 'участок бывшего леса, расчищенного под пашню' и в этом значении употреблялось преимущественно в севернорусских говорах [9, с. 86]. На территории Самарской области оно известно, несмотря на полное отсутствие старинного способа обработки земли, с которым оно связано. В самарских говорах слово *кулига* продолжает активно функционировать в виде семантических дериватов: 1) участок земли в лесу, поляна; 2) участок земли на лугу, заливной луг; 3) участок обрабатываемой земли в поле; 4) полоска земли, мера площади; 5) участок поля, луга, оставшийся необработанным, огрех; 6) мера скошенной травы. Среди производных семантических вариантов наиболее распространенными в наших говорах являются первые три значения. В современных говорах Среднего Поволжья слово *кулига* функционирует как в окающих, так и в акающих говорах, причем в говорах южнорусских оно получает гораздо большее семантическое развитие, чем в говорах севернорусских. Данные словаря самарских говоров свидетельствуют о том, что это слово в переселенческих говорах Среднего Поволжья приобрело обобщенное локальное значение: его теперь употребляют не только для обозначения любого участка пахотной земли, но и как ландшафтный термин. Ср.:

Кулига, ж. 1. Полянка, небольшой участок поля, луга, занятый растениями одного вида. *Безенч., Кошк., Похв., Шигон., Сызр.* Полянка, и вот на ней растут одинаковые растения, например, кулига иван-чая (*Безенч.*). 2. Участок в лесу, на лугу или в поле, отличающийся от других в каком-либо отношении, например, хорошей травой, грибами, ягодами, грибное место, ягодное место. *Шигон.* Ягоды на кулиге водятся (*Похв.*). Кулига – это место, где косят постоянно, куда постоянно ходят за грибами (*Безенч.*). Хороша кулижка (*Сызр.*). 3. Полянка ягод, семейка грибов, пучок одинаковых растений и т. д. *Похв., Кин., Богат., Хвор., Краснояр.*

Нашёл кулигу ягод (Кин.). Кулига земляники (Безенч.). 4. Пересохшее озеро, заросшее травой. *Краснояр., Серг.* [7, с. 24].

В данном случае у слова с первоначально архаичным значением, свойственным материнским говорам, в Среднем Поволжье преобладают производные значения слова, осложненные дифференциальными семами, значит, в современных говорах слово живет, развивается, это не архаизм; сложность семантической структуры диалектного слова – верный признак его устойчивости воздействию литературного языка.

Об активных процессах в говорах Поволжья свидетельствуют также следующие факты.

В комментариях собирателей есть прямые свидетельства того, что одни слова выходят из употребления, уступая место другим: так, лексемы *петух* и *кочет* 'петух', *хряк* и *пороз* 'нехолощенный кабан' сопровождаются указанием на то, что первое слово функционирует в говоре как основное наименование, а второе сохраняется только в речи стариков или употреблялось раньше [8, с. 52]. Часто приходится наблюдать, как современные сельские жители среднего и предпенсионного возраста употребляют в своей речи новые варианты наименований, а старые знают/помнят и используют в качестве производных семантических и словообразовательных вариантов (*петух*, но *полотенце с кочетами* (узор), *кочетаться* 'задираться, петушиться', *кочетыга* 'курица, которая поет петухом'). В экспедициях нам неоднократно приходилось убеждаться в том, что изменился социальный облик информанта, которого можно считать транслятором диалектной лексики. Наиболее ценными источниками сведений становятся не пожилые малограмотные женщины, никуда не выезжавшие из села, как раньше, а вполне образованные, в прошлом социально активные, а потому общительные жители села, до старости сохранившие хорошие коммуникативные способности. Первые зачастую не могут вспомнить нужного слова и при ответе на вопрос «Как у вас называется...?» повторяют слово, произнесенное собирателем, например: «Как у вас называется петух?» – «Петух». Последние очень хорошо понимают важность сохранения диалектного слова, поэтому могут подсказать, как говорят или говорили в селе, как изменилась семантика слова, привести примеры словоупотребления, дать параллельный вариант: «А в соседнем селе говорят так...». Из этого следует, что диалектная лексика функционирует в изменившихся условиях, которые следует учитывать в момент ее фиксации, помня о том, что диалект как форма национального языка продолжает существовать.

У нас нет основания опровергать тезис о том, что фактор влияния литературного языка на развитие диалектных лексико-семантических систем остается наиболее сильным и результаты его очевидны. Однако это не всегда приводит к полному исчезновению диалектного слова. Отношения между литературными и диалектными вариантами, часто употребляющимися в пределах одного говора, иногда приводят к тому, что значение диалектного слова, функционирующего наряду с общеупотребительным вариантом, сужается. Так, в самарских говорах сосуществуют варианты *навоз* и *назём*, *волк* и *бирюк*, *усадыба* и *позьмо*, *пить* и *буздать* и др. Диалектные слова в этих случаях изменяют значение: *назём* – это перепревший навоз, перемешанный с землей, *бирюк* – это матерый волк, *позьмо* – это только огород, а не весь земельный участок одного хозяина, *буздать* – означает жадно, много пить или пить спиртное.

Появление внутрисистемных вариантов у активно функционирующих слов в одинаковых с точки зрения типологии говорах или даже в одном говоре обусловлено живыми процессами лексической производности, относящимися к различным лексико-семантическим группам и тематическим разделам, например: *ляда* ‘низкое болотистое место, заросшее лесом’ – *ляда* ‘неудобная земля’ – *ляда* ‘ленивый человек’; *крыга* ‘льдина’ – *крыга* ‘рыболовная снасть’ – *крыга* ‘вошина’; *лука* ‘излучина реки’ – *лука* ‘местность вдоль берега реки’ – *лука* ‘поле вдоль берега реки’.

Изменению семантической структуры наиболее подвержены диалектные слова, служащие наименованиями реалий, по экстралингвистическим причинам не характерных для нашей территории. Так, например, среди наименований одежды южнорусское слово *понёва* имеет в самарских говорах трансформированные значения ‘нижняя юбка’ и ‘домотканая шерстяная материя’, *бахча* – ‘огород, расположенный около дома и в поле’, *бахчи* – ‘овощи’.

Факты лексической производности на основе внутренних языковых ресурсов можно наблюдать в группах лексики растительного и животного мира, метеорологии, в словарных группах, объединенных темой «Человек» (внешняя и внутренняя характеристика человека, семейные отношения), а также в наименованиях современных реалий трудовой жизни сельских жителей (огородничество, птицеводство, пчеловодство, животноводство). Динамизм языковой системы проявляется в широте потенциальных возможностей, которая обусловлена способностями словопроизводства, позволяющими в полной мере отвечать потребностям общения его носителей.

Широко представлены в самарских говорах и охватывают всю картографируемую территорию лексемы *избá* ‘традиционная жилая постройка, рубленый дом среднерусского образца’, *городьба́* ‘изгородь’, *клу́шка* ‘курица-наседка’, *подловка* ‘чердак’, *пóсконь* ‘мужская особь конопли’, *кули́га* ‘участок, делянка’, *пóроз* ‘мирской бык’, *шабёр* ‘сосед’, *зы́бка* ‘колыбель’, *каля́кать* ‘говорить, разговаривать’, *я́года* ‘лесная земляника’, *пирóг* ‘белый хлеб из сеяной пшеничной муки’, *запóй* ‘сговор, сватовство’ и т.д. Эта лексика активно используется носителями говора, известна городским жителям и носителям других языков. С. А. Мызников также отмечает широкое распространение и активное употребление многих перечисленных слов в средневожских русских говорах Чувашии и Марий Эл [10, с. 489–550]. Широта ареалов таких слов является свидетельством их активного участия в интеграционных процессах и значительной устойчивости влияния литературного языка. Даже если лексема имеет узкодиалектный статус, в условиях существования в однородных диалектных массивах она живет полноценной жизнью.

Так, например, в самарских говорах в группе ландшафтных наименований активно используются междиалектные лексемы, образующие ареал в Поволжье и в Предуралье (*студене́ц* ‘родник, источник с холодной ключевой водой’, *лука́* ‘луг, лес, огибаемый рекой’, *калу́жина* ‘лужа, яма, заполненная водой’; *наслу́з*, *наслу́д* ‘вода, выступившая на поверхности льда’).

На их фоне выделяются на картах слова, изоглоссы которых образуют в Среднем Поволжье компактные ареалы, например *кухня* ‘жилая постройка особой планировки’, *лазейка* ‘вход в подполье’, *шиш* ‘постройка для сушки снопов’, *лапáс* ‘сарай для хозяйственных нужд с плоской крышей’, *чапельник* ‘приспособление для захватывания сквороды’, *копя́жка* ‘жеребенок первого года жизни’. Такие лексемы известны только носителям говоров, функционируют локально, редко «кочуют» в условиях междиалектного контактирования.

О консерватизме русских говоров, на протяжении длительного времени противостоящих внешнему влиянию, свидетельствует то, что на многих картах самарского атласа нашли отражение слова редкие, отмеченные на нашей территории точечными фиксациями. Уникальными для самарских говоров являются лексемы, отмеченные в других русских говорах дисперсными и сравнительно небольшими ареалами: *казёнка*, *подызы́ца*, *гори́ще*, *тырло*, *полоуз*, *пуня*, *сушня*, *игри́ща*, *чичерно*, *оболока́ться*. Ограниченное их употребление во вторичных говорах говорит о процессе вытеснения узколокальных слов.

Несмотря на активные процессы трансформации диалектных типов, в поздних по времени образования переселенческих говорах сохраняются междиалектные параллели с говорами других территорий. В приволжских говорах междиалектные связи просматриваются не только на уровне фонетики (в частности, в предупредительном вокализме после мягких согласных), но и на уровне лексики. Можно выделить такие слова, которые имеют закрепленность в самарских говорах, с одной стороны, за севернорусским диалектным типом (*твори́ло* 'ход в подполье, дверца в погреб', *подло́вка* 'чердак', *лонца́к* 'жеребенок по второму году', *гадю́га* 'змея', *ба́ять* 'говорить, рассказывать'), с другой стороны – за южнорусским типом (*корец* 'ковш', *буга́й* 'бык-производитель', *икра́* 'льдина', *гутарить* 'говорить, разговаривать', *дю́же* 'очень', *крича́ть* 'причитать' *по покойнику*). В среднерусских акающих говорах Самарской области наблюдаются лексические параллели с владимирско-поволжскими говорами, о чем свидетельствуют фиксации слов *бу́шма* 'брюк-ва', *волжа́нка* 'гриб волнушка', *ке́лья* 'вечерние собрания молодежи', *кле́в* 'хлев', *коку́шка* 'кукушка', *мо́рда* 'рыболовная снасть типа ловушки' и другие, имеющие изоглоссы во многих говорах Среднего Поволжья (см.: [10, с. 260–470]). Все эти факты лексических параллелей, которые свойственны вторичным самарским говорам с проявлениями владимирско-поволжских материнских основ и на других уровнях, тоже можно рассматривать как элементы архаики.

Конфигурация и плотность ареалов отдельных лексем, а также их локализация в Самарском Заволжье говорят о том, что функциональная нагрузка отдельных разрядов слов неодинакова. Карты атласа и материалы словаря показывают, что существуют самарские говоры, в которых зафиксировано минимальное количество узколокальных диалектных слов, но среди них есть и такие, в которых в лексикализованном виде сохраняются следы архаичных диалектных особенностей (*исть* 'есть', *кепина* и *цепина*, *кепе́ц*, *тепе́ц* и *цепе́ц*, *цепи́нка* и *чапи́нка* 'бьющая часть цепа'). В самарских переселенческих, т. е. вторичных, говорах сохранились такие лексические архаизмы, как диалектные наименования связующей части цепа с корнем *пут-* (*пу́то*, *пу́тце*), *оби́лье* 'урожай', *ора́ть* 'пахать', *веселье* 'свадьба', *ва́тола* 'самодельное войлочное одеяло', *по́ршни*, *поро́шни* 'легкая кожаная обувь', *лиме́нь* 'озеро', *кря́га* 'льдина', *волна́* 'овечья шерсть высокого качества', *зобня́* 'плетенный из хвороста короб для переноски на спине мякины и соломы' и др.

В пассивном словарном запасе современных носителей говоров оказываются, как и следовало ожидать, целые тематические разряды диалектной лексики, отражающие реалии традиционного сельского уклада. Архаизмами в современных самарских говорах являются лексемы *борова́к*, *кресте́ц*, *хрест* 'разновидности укладки снопов', *вяза́во* 'жгут для связывания снопов', названия ручных орудий труда и их частей (*те́рница* 'приспособление для измельчения стеблей льна, конопли', *ба́бка* 'часть плуга, деталь, на которую насаживались лемех и отвал', 'металлическая чушка, на которой отбивают, точат косу', *валёк* 'часть сохи, деревянная поперечная палка, удерживающая сошники', 'часть конской упряжи', 'деревянный брусок для выколачивания белья при стирке'), названия частей русской печи (*борова́к*, *бо́ров* 'лежачая часть печной трубы, проводник дыма по чердаку', *душник* 'дымовое отверстие, отдушина в потолке для печки без дымохода'), реалий традиционной народной культуры (*туши́ть овин* 'прыгать через костер на заключительном этапе свадьбы', *красота*, *репе́й* 'наряженное деревце, символ просватанной невесты', *кутушо́к* 'мифологический персонаж, живущий в овине', *корово́д* 'вечернее собрание молодежи'), предметов быта (*бузы́нка* 'глиняный горшок', *изва́ра* 'ушат', *рубель* 'деревянный рубчатый брусок для стирки и глажения белья'), строительная и ремесленная терминология (*пелена́* 'снопики соломы, удерживающие соломенную крышу', *турлу́чить* 'плести забор, ставить плетеную изгородь') и др.

Существование в современных говорах различных по широте распространения пластов слов сопровождается неодинаковой лингвистической плотностью отдельных участков диалектной лексики. Собственно диалектная лексика, выделяющаяся многочисленными лексическими параллелями самарских говоров с восточными владимирско-поволжскими говорами, концентрируется в отдельных тематических группах. Так, в самарских говорах высокой концентрацией диалектных слов отличается тематическая группа наименований грибов: *сосе́нка* 'маслёнок', *березник*, *березник*, *боровик* 'подберёзовик', *пенёчник*, *осе́нник*, *луговичо́к* 'опёнок', *волжа́нин*, *волжа́нка* 'волнушка', *свино́ройка* 'свинушка', *сыро́ега*, *синю́ха*, *красну́шка* 'сыроежка'. В этой группе диалектная приуроченность лексем всегда подтверждается признаками владимирско-поволжских основ на уровне фонетики и морфологии. Факты сохранения диалектной приуроченности отдельных разрядов слов в условиях активного

междиалектного контактирования тоже можно рассматривать как проявления тенденции к статичности системных связей в говорах.

Потенциальные признаки сосуществования консервативных и динамических процессов мы считаем проявлением жизнестойкости диалектной лексики в условиях глобализации и стандартизации. Вторичные говоры, несмотря на их относительно позднее образование, в языковом плане могут сохранять архаичную лексику материнских говоров, потому что в них происходит «консервация» исходного состояния отдельных элементов диалектных систем. В отдельных сегментах лексических систем наблюдаются проявления консерватизма. В то же время другие участки лексической системы говоров характеризуются лексической плотностью и способностью к саморазвитию. На этих участках возможны инновации, обусловленные не только общим влиянием литературного языка, но и взаимопроникновением разнодиалектных особенностей. Диалектическое единство статичности и динамики языковых процессов просматривается даже в диалектных лексических системах периферийных вторичных говоров, какими являются самарские говоры.

Список литературы

1. Орлов Л. М., Кудряшова Р. И. Русская диалектология : современные процессы в говорах. Волгоград : Перемена, 1998. 143 с.
2. Баранникова Л. И. Эволюционные процессы в лексических системах говоров территории позднего заселения // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка : тезисы докладов и сообщений (Вологда, 24–26 мая 1983 г.) / редкол. : Ю. И. Чайкина (отв. ред.) [и др.]. Вологда : ВГПИ, 1983. С. 82–84.
3. Мурзаева Т. И. Диалектная лексика в современных говорах Саратовской области (на материале говоров с южнорусской основой) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 596–614.
4. Вендина Т. И. «Лексический атлас русских народных говоров» о динамике русской диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2018. С. 96–113.
5. Костючук Л. Я. Народная речь как объект синхронного и диахронного изучения // Русское народное слово в языке и речи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Арзамасского госпединститута им. А. П. Гайдара (22–24 октября 2009 г.) / редкол. : Л. А. Климкова (отв. ред.) [и др.]. Арзамас ; Саров : СГТ, 2009. С. 203–212.
6. Ганцовская Н. С. Русский литературный язык в его соотношении с внелитературными образованиями : костромской региолект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 1996. № 1 (5). С. 72–77.
7. Лексический атлас самарских говоров : карты и комментарии / под ред. Т. Е. Баженовой. Самара : [Б.и.], 2021. 80 с.
8. Баженова Т. Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара : Изд-во СГСПУ, 2020. 192 с.
9. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике северно-русских говоров / редкол. : Н. А. Мещерский [и др.]. Вологда : [Б.и.], 1975. С. 3–187.
10. Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья : Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб. : Наука, 2005. 636 с.

Поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 267–272

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 267–272

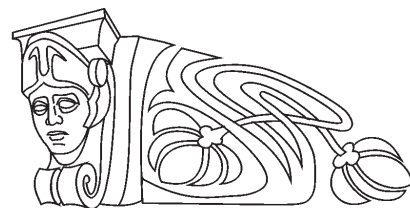
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-267-272>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+811.161.1

Языковые особенности повести о Выдропусской иконе Божией Матери

П. Д. Садыков

Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации, Россия, 101000, г. Москва, ул. Жуковского, д. 16

Садыков Петр Дмитриевич, ведущий специалист, psadykov@natlang.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3502-4507>

Аннотация. Для второй половины минувшего века характерно усиление интереса к литературе Древней и Средневековой Руси. Начиная с 40-х гг. появилось большое число фундаментальных исследований, посвященных различным произведениям допетровского времени. Это внимание сопровождалось и более глубоким изучением самого церковнославянского языка: его орфографии, морфологии и, конечно же, лексики, о чем свидетельствует начатая в 70-е гг. работа по составлению словаря русского языка XI–XVII вв. Но, к сожалению, многие литературные памятники до сих пор остаются вне внимания ученых. В данной статье будет представлен краткий обзор языковых особенностей агиографического произведения конца XVI столетия – повести о Выдропусской иконе Божией Матери. Прежде всего, внимание будет уделено стилистическим особенностям, к которым прибегал автор сказания, используемой лексике, морфологической и синтаксической специфике. Все это будет сопоставлено с происходящими в то время в языке и литературе изменениями. При этом в качестве источников выделяются агиографические и гимнографические тексты, из которых нередко черпали содержательный материал авторы житийных произведений. Изучение подобного рода вопросов позволяет представить более детальную картину происходящих в русской литературе изменений и господствующих в ней тенденций в избранный период. Особенно когда исследуемый памятник является малоизученным, поскольку позволяет ввести в научный оборот новые сведения.

Ключевые слова: церковнославянский язык, лексика, морфология, агиография, литературные памятники Средневековья, Выдропусская икона Божией Матери

Для цитирования: Садыков П. Д. Языковые особенности повести о Выдропусской иконе Божией Матери // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 267–272. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-267-272>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic features of the narrative about the Vydropus Icon of the Mother of God

P. D. Sadykov

The Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation, 16 Zhukovskogo St., Moscow 101000, Russia

Petr D. Sadykov, psadykov@natlang.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3502-4507>

Abstract. The second half of the last century is characterized by an increased interest in the literature of Ancient and Medieval Russia. Since the 40s, a large number of fundamental studies dedicated to various works before the time of Peter the Great have appeared. This attention was accompanied by a more thorough study of the Church Slavonic language itself: its spelling, morphology and, of course, vocabulary, as evidenced by the work begun in the 70s on compiling a dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries. But, unfortunately, many literary monuments still remain unaddressed by scientists. This article will provide a brief overview of the linguistic features of the hagiographic work of the end of the 16th century – the story of the Vydropus Icon of the Mother of God. First of all, the article will note the stylistic features that the author of the narrative drew on, the vocabulary, morphological and syntactic specific features. All these will be compared with the changes in the language and literature taking place at that time. At the same time, hagiographic and hymnographic texts are singled out as sources, from which the authors of hagiographic works often drew meaningful material. The study of such issues allows us to present a more detailed picture of the changes taking place in Russian literature and the prevailing trends in it during the selected period. This obtains a particular significance in case the literary monument in question is understudied, because this makes it possible to introduce new information into scientific circulation.

Keywords: Church Slavonic language, vocabulary, morphology, hagiography, literature masterpieces of the Middle ages, the Vydropus icon of the Mother of God

For citation: Sadykov P. D. Linguistic features of the narrative about the Vydropus Icon of the Mother of God. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 267–272 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-267-272>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Нередко, когда речь заходит о русской литературе, прежде всего, вспоминаются произведения XVII–XX вв., древние же источники, как правило, остаются вне внимания исследователей. Большой прорыв по изучению древнерусской литературы был сделан в минувшем столетии такими выдающимися учеными, как Д. С. Лихачев, Л. П. Жуковская [1, 2] и др. Несмотря на все это, работа в данном направлении находится на начальной стадии, поскольку еще многие памятники Древней и Средневековой Руси предстоит изучить исследователям.

Анализ языковых и художественных особенностей произведения можно назвать одним из основополагающих методов изучения литературы того или иного периода, ее развития, обогащения. В данной статье рассматривается повесть о Выдропусской иконе Божией Матери, написанная в конце XVI столетия. До сих пор данный текст не становился предметом научных работ, а лишь упоминался вскользь в некоторых публикациях.

В сказании говорится о боярине из Муром, который, возвращаясь из похода на Великий Новгород, забрал из храма села Выдропуска (в настоящее время – Выдропужск, входит в состав Тверской области, тогда же относился к Новгороду) образ Божией Матери Одигитрия и перенес в церковь своего села. На протяжении всей повести автор всячески осуждает данный поступок и показывает, что он не мог остаться без последствий. После же того, как боярин дерзнул назвать богородичную икону своей пленницей, она с шумом исчезла. Лишь это заставило главного героя осознать свою вину и принести искреннее покаяние.

Стоит отметить, что до настоящего времени сохранилось небольшое количество списков этого произведения. Наиболее ранним и, скорее всего, тождественным первоисточнику можно назвать вариант, включенный в июльскую Четью-Минею иеромонаха Германа (Тулупова) 1632 г. [3]. Именно по нему будет осуществлен анализ языковых особенностей произведения. Цитаты из агиографических произведений будут транслироваться из используемых рукописей с сохранением грамматических и графо-орфографических особенностей.

В XV в. в агиографической традиции происходит возвращение к использованию в текстах витиеватых риторических конструкций, добавляющих повествованию определенную торжественность и пышность [4, с. 116]. Объясняется это стремлением авторов придать своим произведениям, восхваляющим святых и события, имеющие сверхъестественный характер, более возвышенный и сакральный с этической точки зрения вид [5, с. 155–156.]. Данная черта присутствует и в рассматриваемом произведении.

Так, в самом начале сказания автор обращается к Божией Матери, прося у нее помощи для осуществления задуманного. При этом он добавляет в данный фрагмент противопоставление Божественной чистоты и своей обремененности грехами, которая может стать препятствием для изложения чудес, произошедших с иконой: «но тѣ влѹце полрачѣннѣю дѣшѣ мою, южѣ ѿирачѣ стѣтнѣми своѣми дѣла, свѣтлаго слнца ижѣ словѣхъ мѣти просвѣти свѣто^м иже просвѣщаѣт сѣть твою хс <...> да твоєю помочию црце возмогѣ повѣсть сѣю чюднѣю писанию предати» [3, л. 218–218 об.]. Данный отрывок напоминает византийские тексты, переполненные различными оборотами, добавляющими определенную торжественность. Достаточно вспомнить молитву из богослужебных часов «Иже на всякое время...», содержащую пространное обращение с перечислением свойств Иисуса Христа [6, с. 114].

Следует отметить: для русской агиографической литературы характерно обращение к Богу, Божией Матери или святым за помощью во вводной части произведения и указание на свою греховную скверну, малую образованность.

Например, в житии прп. Стефана Махрицкого игумен Иоасаф пишет: «Но о сем молю отческую и духовную вашу любовь. Яко да молитвою вашею поможете ми еже податимися от всемогущаго бога слову во отвержение оустъ моих, еже нѣчто написати от житія» [7, л. 306]. Связано это, прежде всего, со следующим: главной задачей авторов было передать духовный облик святого или показать роль Творца в жизни человека. Книжники были убеждены, что являются лишь орудием для написания текста, составителем же его выступает Сам Господь [8, с. 6–7].

В качестве примера риторической украшенности можно привести момент раскаяния муромского боярина после исчезновения иконы, с витиеватыми оборотами: «оухъ оуѣты лиѣхъ злѣкогубѣши, како нарекоухъ пленницу свокоднѣ сѣшѣ, и свокодѣвшаго ѿ вѣка вѣсь мирѣ рѣтѣмѣхъ своѣмѣхъ ѿ пленѣнѣа дѣавола иѿадовѣхъ нѣдѣрѣхъ» [3, л. 220]. В данном случае автор вспоминает дело спасения человеческого рода, произошедшее через Пречистую Деву, тем самым подчеркивая или даже усугубляя вину воина и усиливая его покаяние.

В сказании встречаются и сравнительные обороты, добавляющие поэтическую красоту повествованию.

Например, шум, сопровождавший чудесный перелет иконы, сравнивается с бурей: «вѣсть лимо яго шѣмѣ, іаконосимѣ дыханію вѣрнѣ» [3, л. 220 об.], а чудотворный образ уподобляется солнцу: «и оузрѣ ѿбра^з прѣчѣхъ бѣхъ <...> столѣхъ

на своѣмъ мѣстѣ, ꙗко слнце свѣтлѣше» [3, л. 223 об.]. Сравнение с солнечным светом довольно распространено в христианской письменности, особенно в богослужебных текстах (например, в тропаре Тихвинской иконе Божией Матери: *Днесь, словно солнце пресветлое, воссияла нам* [9, с. 351]; стихире свт. Николаю Чудотворцу: *Возсия якоже солнце, твоя святителю память* [10, с. 189]).

В сказании встречается много повторов при описании одних и тех же событий. Агиограф делает уточнение о владениях боярина и добавляет: именно здесь герой и живет – «принесе ѿго въ вѣстину свою во ѿвласть мѣромскую и дѣже въ житіе ѿго» [3, л. 219 об.], хотя об этом уже упоминалось выше. Рассказывая о желании того же боярина после исчезновения образа проследовать в храм Выдропуска, автор поясняет – «идѣже ѡнъ възвѣдотворнии сѣи ѡбра» [3, л. 220 об.], вопреки надобности.

В тексте несколько раз описывается обречение Выдропусской иконы в местном храме. Сначала это делает автор [3, л. 220–221 об.], а потом он влагает историю в уста свидетеля и местных жителей [3, л. 219, 222 и др.]. Неоднократно говорится и о ходе похищения и перенесения в муромский храм [3, л. 222]. В данном случае наблюдается придание автором особой роли пояснениям или напоминаниям как видам особого синтаксического воздействия.

Вообще, в тексте часто встречаются авторские комментарии. Как правило, они не делают картину более полной, без их добавления смысл произведения несколько не изменился бы. Например, во фрагменте о походе государя на Новгород вносится и без того понятный факт: «понеже въто время вѣлѣ великіи новѣгѣа во своѣи вѣли» [3, л. 218].

Но в некоторых случаях подобного рода добавления агиографа служат источником дополнительных, необходимых сведений. При первом упоминании Выдропуска он замечает: «ѣже и нѣкѣ линогими знаємо» [3, л. 218 об.]. Благодаря данной придаточной части предложения можно предположить, что слава о происшедшем чуде широко распространилась, и спустя практически 100 лет после описанных событий народ продолжал помнить и почитать образ Божией Матери.

Имеет место употребление синонимичного ряда. Как отмечают исследователи, данный прием занимал особое место в книжной традиции того времени, поскольку «ряды синонимов взаимно обогащали понимание сущностного начала и дополняли друг друга» [4, с. 117]: «наумъ бояринъ плакати и рыдати» [3, л. 220]. Помимо значений *плакать*, *скорбеть*, церковнославян-

ский глагол *плакати* имеет семантику *просить*, *молиться со слезами*, и поэтому употребление его вместе с «рыдати» (*плакать*, *скорбеть* [11, с. 952]) призвано подчеркнуть всю глубину раскаяния боярина, которое выразилось не только в сокрушении и плаче, но и в зове к Богу с просьбой о прощении.

В сказании находятся и однородные члены, обороты, являющиеся синонимичными. Результаты похода на Новгород автор описывает тремя тождественными друг другу по семантике конструкциями, каждая из которых свидетельствует об удачном для Ивана III финале: «хотѣнѣа дѣрѣдѣрѣвльшѣ, и все своѣи желаніе совершившѣ, и великіи новѣгѣа во ѿвласть свою прѣлѣша» [3, л. 219].

Встречаются и сложные слова, зачастую являющиеся кальками с греческих: «вѣголювцаи» (θεοφιλος [12, с. 42; 3, л. 218]; «хѣтолюбиваго» [3, л. 218 об.]; «страстотѣрца» (μαρτυς [12, с. 618; 3, л. 218 об.] и др.

Боярин неоднократно называет Выдропусскую икону пленницей: «ѡпѣи ми моленъ полонѣнкѣ» [3, л. 219 об.], «ѡже полонѣи» [3, л. 220]; *пленница* – «та, что захвачена у неприятеля в качестве трофея» [13, с. 224]). Данное слово («полонѣнка») нередко употребляется в устном народном творчестве [14, с. 685]. Например, в песне «Было у Чечоточки девять сыновей»:

Ты скажи, скажи, *полоненочка*,
Ты коей земли ты коей ягоды,
Коего отца, коей матери? [15, с. 112].

Лексемы «полонѣнка/полонѣнинъ» используются и в литературных произведениях (например, в «Повести о бесноватой Соломонии» [16, с. 97]), но, как правило, именно по отношению к людям. Употребление же этого слова для обозначения иконы Богородицы свидетельствует об определенной отдаленности война от церковной и духовной жизни. В данном случае можно говорить об умалении православной сакральности икон и обытовлении этих образов.

Это говорит об использовании автором произведения как разговорной, так и книжной лексики, что также является характерным для письменности того времени.

Несколько слов следует сказать о морфологии рассматриваемого произведения. Если говорить о прилагательных, то автор чаще прибегает к полным формам: «дрѣгѣи» [3, л. 221], «чюдотворнии» [3, л. 222], иначе дело обстоит с причастиями, краткие формы которых фигурируют чаще полных: «нейзречѣненъ», «непостѣжила» [3, л. 218], «възѣмъ» [3, л. 220 об.] и т.д. Данная особенность лишь дает характеристику отличительных черт изложения агиографа и несколько не свидетельствует о литературных веяниях того времени.

Следует рассмотреть и те формы, которые не являются исконно древнерусскими, но вошли в письменность из старославянских памятников. Например, действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-ащ/-ащц*, *-шц/-ющ* [17, с. 11]. Первоначально они образовались от основ на *-o/-e*, а не от вторичных на *-i*: поэтому полученные на их основе прилагательные сохранили старые суффиксы (*-уч/-юч*. – П. С.). Позднее, в результате стилистического отталкивания от церковнославянских форм на *-уц/-юц*, сложилось типичное для литературного языка противопоставление по признаку «идеальное качество: конкретное проявление (его)» в коррелятивном соотношении двух форм [18, с. 381–382] – южнославянской (церковнославянской) и восточнославянской (древнерусской), например, *гремящй* и *гремячй* (при возможном также *гремячй*), *летащй* / *летащй* и *летучй* [18, с. 381–382] и т.д. В рассматриваемом тексте обозначенные причастия хотя и редко, но встречаются: *стоащъ* [3, л. 218 об.], *црѣвѣющѣмъ* [3, л. 219], *сѣющѣмъ* [3, л. 220 об.] и т.д. Помимо этого, автор прибегает к страдательным причастиям с суффиксами *-нн/-енн*: *поирачѣннѣю* [3, л. 218]; *повелѣннѣю* [3, л. 220]; *нейзречѣннѣю* [3, л. 225].

Стоит отметить: в прямой речи, чтобы передать эмоции героя, часто используются восклицания. Для этого автор прибегает к нескольким междометиям «плачущего и сетующего» [19, с. 65].

Так, когда боярин сокрушается о содеянном и обращается к Божией Матери, употребляется междометие «(Ѹ)» [20, с. 7]: «(Ѹ) прѣта дѣво <...> (Ѹ) великое чюдѣо» [3 л. 224]. Употребляется оно в соответствии с правилами грамматики – со звательной формой. Данное междометие часто встречается в молитвах и гимнографических текстах при обращениях к Творцу, Божией Матери или святым, например в молитве к Богородице: «О пренепорочная и преславная божиа мати» [6, с. 251].

Имеет место и междометие с зависимыми словами, указывающее на состояние горя «оувы» [11, с. 1124] («оувы миѣ слѣсогрѣши» [3, л. 220]), которое употребляется с дательным падежом. Оно тоже часто используется в молитвенных покаянных воззваниях и агиографических произведениях [21, с. 153], например в богородичне первого гласа: «Оувы мне что буду» [6, с. 274]. Встречается и такое междометие, как «оухъ» [3, л. 220], стоящее также со словом в дательном падеже.

Саму форму изложения повествования можно назвать довольно примитивной. В тексте преобладают простые односоставные предложения. Относительно редко встречаются и сложносочи-

ненные, что является показателем склонности автора к разговорному языку. Как правило, они соединяются при помощи следующих союзов: чаще всего соединительного «и» («и принесе ѣго въ вѣтчинѣ свою» [3, л. 219 об.]); реже противительных: «но» («хощѣ вѣмѣ вѣблѣвцамъ повѣдати <...> но ты вѣуцѣ <...> дѣшъ моею <...> просвѣтити [3, л. 218]) и «а» («иснесе ю вѣдромскѣ вѣвласть всею своею. а дрѣи ѡбраъ с нею пришешь» [3, л. 221; 22, с. 411–412]).

Сложноподчиненные предложения можно разделить по функциям придаточных на следующие: придаточное определительное – «идѣже» («до цркви стѣго великомѣчника хѣа георгіи идѣже ѡнѣ въз <...> ѡбраъ [3, л. 220 об.]); причины – «ѣко» («члѣтъ <...> пономарьскѣю слѣжѣв ѣмѣщѣ <...> и кадити въ цркви стѣща тѣ иконѣ . ѣко послѣ вѣнѣ стѣватога, іерію несѣщѣ тѣ оу цркви» [3, л. 221]); цели – «давѣ» («имолѣше ѣго, давѣ послѣшалѣ ихѣ» [3, л. 223 об.]); условия – «аще» («неѡврати лица своего ѡ мене <...> аще ѣнедостѡинѣ ѣсть» [3, л. 224]).

Отдельное внимание следует обратить на относительные местоимения «иже – ѣже – ѣже», нередко используемые в рассматриваемой рукописи. Данные единицы появились в церковнославянском языке вследствие того, что у равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия «возникла необходимость в специализированных средствах, которые организуют структуру словосочетаний и предложений» [23, с. 35].

Исследователи пишут: со временем, уже после XIII столетия, книжники стали отказываться от употребления обозначенных лексем, так как последние являлись излишними и отделяли зависимое слово от главного [24, с. 107]. Но когда создавалась рассматриваемая повесть, для авторов важнее была не грамматическая чистота, а сущность понятия [25, с. 300], поэтому данные местоимения употреблялись часто. При этом нередко составители предпочитали их причастным оборотам. Т. П. Рогожникова это объясняет следующим образом: «Такая конструкция служила более точной передаче смысла, нежели традиционный причастный оборот» [25, с. 301].

В повести присутствуют обороты с двойным именительным падежом, заимствованные из греческой грамматики [26, с. 635–636]. Конструкция «двойной именительный» включает в себя два именительных падежа, «первый из которых обозначает лицо или предмет, второй – состояние, в котором он находится» [27, с. 108]. Например, «просвѣщаѣтѣ сиѣ твои хѣ свѣтъ ѣстинниѣи» [3, л. 218 об.], «ѣсть сѣло зовѣмо въдрѡвѣжѣ» [3, л. 218 об.] и др.

Обороты с «двойным винительным» и «двойным дательным» в повести отсутствуют.

Стоит отметить, что последний в целом крайне редко используется авторами новозаветных книг и церковнославянских текстов [27, с. 132].

Как отмечает Т. П. Рогожникова, в произведениях XVI столетия «дательный самостоятельный», как правило, имеет роль «придаточных времени, причины, уступки, следствия, условия, сравнения, дополнения» [25, с. 271–272]. Из повести о Выдропусской иконе Божией Матери можно привести такие примеры: «кнѣзю <...> всѣмъ вѣдѣи и хотѣніа дѣврѣсправльшѣ, и всѣ своѣмѣ желаніе совершишѣ» [3, л. 219].

Необходимо обратить внимание и на то, что текст повести написан русским полууставом XVII в., для которого характерны простота, отсутствие букв с узелками, усиками, хвостами, вытянутыми и широкими верхними частями [28, с. 133]. В то же время в повести о Выдропусской иконе Божией Матери автор использует слова с диакритическими знаками. Их употребление соответствует традиции полуустава XVII в., описанной В. Н. Щепкиным [28, с. 134]. При этом четкая систематизация и последовательность в употреблении надстрочных текстов в исследуемой рукописи отсутствует.

Орфография рукописи соответствует принятой в то время. В тексте есть буквы, которые возвращаются в обиход вследствие происходящих в правописании изменений. Так, в греческих словах используются графемы «ф» (фита), «v» (ижица), «w» (омега) [20, с. 7–10]: «ἀκάφιστὴ, εὐλίε, γεόργι». Единожды употребляется слово с буквой «з» (зело), также отсутствовавшей в книжном обиходе до XIV столетия: «злѣсогрѣши» [3, л. 220]. При этом «w» (омега) не употребляется на конце наречий, как это принято в современной церковнославянской орфографии [20, с. 8].

Еще можно назвать употребление в рукописи «ї» перед гласной вместо «-и», «-ы» вместо «-ѣ»: «плєніїа» [3, л. 220], в начале слова пишется «оу»: «оутрѣ» [3, л. 220 об.], а в середине или конце «-ѣ»: «вѣдропѣска» [3, л. 220 об.] и т.д. [28, с. 129–131].

Есть и случаи употребления «а» (азь) после гласного вместо «я» ((и)я) подобно тому, как это делалось в болгарской и русской орфографии XI–XIII вв. [28, с. 130]. Данная новация, по свидетельству Б. А. Успенского, продержалась в церковнославянском языке лишь до окончания второго южнославянского влияния. Но исследователь отмечает: несмотря на это, в некоторых примерах продолжали использовать сознательно именно такое правописание, как правило, для маркировки архаизма. В качестве примера он приводит слово «всѣа» из титулов русских царей и предстоятелей Церкви [29, с. 308]. В анализируемой же рукописи книжник пишет как «а», так

и «а» (нос малый): «всѣа рѣсі» [3, л. 219], «всѣа рѣсїи» [3, л. 218 об.], титул же государя пишет всегда полностью.

Таким образом, текст повести выдержан в простом стиле. С одной стороны, в нем отражены литературные традиции того времени (например, распространенные в XVI столетии риторические обороты, добавляющие красоту и витиеватость повествованию), с другой – превалируют простые предложения и конструкции.

Встречается немалое количество лексем, относящихся к разговорной речи, междометий, используемых в ней. Главное, что нужно здесь отметить, рассматриваемый литературный памятник отражает наметившийся в то время постепенный отход от строгого канона для подобного рода текстов. Орфографические же особенности отражают стихийную русификацию церковнославянского правописания, происходящую в то время.

Помимо этого, близость сказания к разговорному языку объясняется его бытовой темой. В отличие от иных произведений подобного жанра, данное посвящено не иконе Божией Матери и исходящим от нее чудесам, а конкретному случаю из жизни боярина, духовность и церковность которого, скорее всего, далеко не были предметом для подражания. Все это характеризует происходящие изменения в мировоззрении людей того времени: церковная составляющая постепенно отходит на второй план, а литература все больше становится светской.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Т. 1. Л. : Художественная литература, 1987. С. 261–654.
2. Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й половины XV – 1-й половины XVI вв. (об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому : сб. ст. / отв. ред., авт. предисл. Л. П. Жуковская. М. : Наука, 1987. С. 144–176.
3. РГБ. Ф. 304. № 679. Л. 218–226.
4. Камчатнов А. М. История русского литературного языка : XI – первая половина XIX вв. : учеб. пособие. М. : Академия, 2015. 624 с.
5. Кусков В. В. История Древнерусской литературы : учебник. 7-е изд. М. : Высшая школа, 2003. 336 с.
6. Часослов. М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2020. 288 с.
7. РГБ. Ф. 304/1. № 679. Л. 303–335.
8. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М. : Академика, 2015. 512 с.
9. Минея. Июнь. Ч. 2. М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2011. 616 с.

10. Минея. Декабрь. Ч. 1. М. : Издат. совет Русской Православной Церкви, 2011. 606 с.
11. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : труд И. И. Срезневского : в 3 т. Т. 3. СПб. : Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1906. 513–1024 стб.
12. Русско-греческий словарь, составленный Иваном Синайским. Изд. 2-е, исправ. и доп. М. : Университетская типография (Катков и К^о), 1869. 730 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б) / сост. Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович [и др.]. М. : Наука, 1975. 372 с.
14. Большой академический словарь русского языка. Т. 18. СПб. : Наука, 2011. 772 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб. : Наука, 1995. 346 с.
16. Христофорова О. Б. «Повесть о бесноватой Соломонии» : мифологические контексты и параллели // Фольклор : структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3, № 1. С. 94–127. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2020-3-1-94-127>
17. Маршева Л. И. Церковнославянский язык. Причастие. Теоретический очерк. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 80 с.
18. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник. СПб. : СПбГУ, 2010. 512 с. (Русский мир : учебники для высшей школы).
19. Кондратьев Ю. А. Церковнославянский язык. Морфология : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Реноме, 2015. 88 с.
20. Маршева Л. И. Орфография церковнославянского языка. Теоретический очерк. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 56 с.
21. Коломейченко С. В. Стиль «Жития Стефана Пермского» : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2012. 261 с.
22. Маршева Л. И. Славянские соединительные союзы в историческом аспекте // Сретенский сборник. Вып. 5. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. С. 407–416.
23. Маршева Л. И. Церковнославянский язык. Местоимение. Теоретический очерк. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 64 с.
24. Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М. : Языки русской культуры, 2001. 400 с. (Studia Philologica / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова).
25. Рогожникова Т. П. Язык житийных текстов конца XV – середины XVI вв. (на материале «Макариевского цикла») : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 347 с.
26. Маршева Л. И., Протасова А. В. Характер связи компонентов в оборотах с двойными падежами в церковнославянском языке (исторический аспект) // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2017. С. 635–670.
27. Жирова А. В. Обороты с двойными падежами в церковнославянском языке (синхронно-диахронный анализ) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 252 с.
28. Щепкин В. Н. Русская палеография. М. : Наука, 1967. 224 с.
29. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М. : Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 22.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья
УДК 811.161.1' 27

Повседневная семейно-родственная коммуникация: новая реальность, динамика языковых и культурных процессов

А. Н. Байкулова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Аннотация. В статье на материале блокнотных и расшифрованных диктофонных записей семейной речи автора работы и студентов её спецсеминара, переписки членов семей и родственников на платформе различных мессенджеров, а также на материале речи, представленной в опубликованных статьях и монографиях разных авторов, рассматриваются изменения, которые происходят в семейно-родственной коммуникации. Цель исследования – показать, как изменения в повседневной сфере, обусловленные новыми реалиями быта, различными событиями, которые происходят в стране и мире, развитием информационных технологий, влияют на семейно-родственную коммуникацию и речь, а по большому счёту и на само существование семьи. Изменения в быту – появление новых социальных объектов, новых средств для уборки дома; развитие индустрии моды и всего, что так или иначе связано с повседневным существованием человека, – расширяют и обновляют лексическое поле семейно-родственного общения. Отмечается широкое проникновение в семейную речь, в том числе и в речь детей, новых лексических единиц, прежде всего, заимствований из других языков. Показано, что процесс такого активного, стремительного заимствования способен порождать недопонимание между разными поколениями в семье. Особое внимание уделено развитию опосредованного общения в повседневной сфере. Отмечаются как положительные, так и негативные факторы влияния информационных технологий. Медиатизация населения, использование средств сотовой связи влияют на характер семейной коммуникации, этикетные и культурные устои, поглощают свободное время; стирается грань между рабочим и домашним общением, что разрушительно сказывается на жизни семьи как одного из важнейших институтов общества, призванных обеспечивать стабильность его существования.

Ключевые слова: русский язык, неофициальная коммуникация, семейное общение, иноязычная лексика, культура речи

Для цитирования: Байкулова А. Н. Повседневная семейно-родственная коммуникация: новая реальность, динамика языковых и культурных процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 273–277. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-273-277>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Everyday family-related communication: A new reality, the dynamics of linguistic and cultural processes

A. N. Baikulova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Abstract. The article examines the changes that have occurred in family-related communication. The research is based on family speech handwritten notes and transcripts of voice records made by the author and the students of her special seminar, correspondence of family members and relatives in various messengers, as well as on the speech material presented in articles and books published by various researchers. The purpose of the study is to show how changes in everyday life, caused by new realities of the domestic sphere, various events in the country and the world, the development of information technology, affect family-related communication and speech, and by and large, the very existence of the family. Changes in the domestic sphere – the emergence of new social objects, new household cleaning supplies, development of fashion industry and everything that is, in one way or another, connected with the daily routine of a person – lead to expanding and updating the lexical field of family-related communication. There is high penetration of new lexical units, primarily borrowings from other languages, into family speech, including the speech of children. The research has shown that such an active and rapid borrowing process can give rise to misunderstanding between different generations in the family. The focus of the study is on the development of mediated communication in everyday life. Both positive and negative factors of information technologies influence are noted. Mediatization of the population, the use of cellular phones affect the nature of

family communication, etiquette, and cultural norms and absorb free time. The line between work and home communication is blurred, which has a devastating effect on the life of the family as one of the most important institutions of society, designed to ensure the stability of its existence.

Keywords: Russian language, informal communication, family communication, foreign vocabulary, culture of speech

For citation: Baikulova A. N. Everyday family-related communication: A new reality, the dynamics of linguistic and cultural processes. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 273–277 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-273-277>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Коммуникация в повседневной сфере, в том числе и семейно-родственная, постоянно привлекает к себе внимание лингвистов (см., например, [1–6] и др.).

В 2014 г. вышла монография автора статьи «Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан» [7]. В ней рассматривалась неофициальная коммуникация, в том числе семейно-родственная: была зафиксирована и проанализирована семейная речь конца 80-х гг. XX в. и начала XXI в. Но очень скоро мы стали свидетелями серьёзнейших изменений в этой сфере, касающихся использования языка. Во многом они связаны с изменением быта современной семьи, социально-экономическими переменами, информационно-технологическим развитием общества.

В семейный быт россиян вошли компьютеры, сканеры, принтеры, смартфоны, айфоны, микроволновые печи, посудомоечные машины, роботы-пылесосы и другие технические приспособления. Когда-то автором был записан семейный разговор о том, как школьники мылом и молоком оклеивали окна в городской школе (это было важным занятием перед наступлением зимы). Сейчас такие темы если и возникают, то, на наш взгляд, гораздо реже. В активном употреблении членов семей, особенно молодых, такие слова, как *пластиковые окна, микроволновка, ноутбук, компьютер / комп, флешка, зарядка* (зарядное устройство для телефона), *эсэмэска, отскерокопировать / отскерить, файл, лайфхак, селфи, лайки, видик* (видеоизображение, видеofilm), и многие другие.

Появились новые средства для уборки дома: (из разговора родственниц) *Взяла вот эту пшикалку / что купили / **доместос*** (чистящее средство «Domestos»); (муж жене) *Купи **крота*** (средство для прочистки труб «Крот») / *надо раковину (трубы) прочистить*; (мать дочери о салфетке) *Ты из **микрофибры** возьми* и др.

За последние годы во многих городах России введены в строй новые социально-бытовые объекты (поликлиники, кинотеатры, магазины, торговые центры и т.д.), и их названия не могли не войти в семейную речь в полном, сокращённом или узкосемейном вариантах: (из речи саратовцев) *Мы вчера в **Сову*** (в поликлинику «Сова») *ходили; А где смотрели (фильм)? – В **Синем ките***

(Торговый центр «Синий кит»); *Это именно **лентовская?*** (из гипермаркета «Лента»); *Поехали в **Леруа*** (строительный гипермаркет «Леруа Мерлен») / *там я видела такие обою; Это я в **Светофоре*** (магазин продуктов «Светофор») *купила; А колбасу тоже во **Вкусах*** (магазин «Вкусы Поволжья») *покупала?; В **синей стекляшке** я смотрела / нет ничего* (о гипермаркете с фасадом из синего стекла) и др. Из материалов В. С. Анохиной и О. В. Кравченко: *И поэтому надо посмотреть где они дешевле // Вроде в **Эльдорадо** были этой же фирмы* [5, с. 290].

Повседневный семейный обиход постоянно пополняется названиями новых фирм и лекарств: *Я **авентовские*** (фирма «Philips Avent») *соски только покупаю; А // **сульфангином*** (мазь «Сульффаргин») – *Но я **баниацином*** (мазь «Банеоцин») //... *Юлке говорю / «Купи **банацин**» // **Димон** мажется **салкасерилом** //* (примеры из [5, с. 288]); *А ты **живокост** купи* (бальзам «Живокост»); *На / **корнем** помажь* (бальзамом «Корень»); *В **Сибирском здоровье** продают?* (корпорация «Сибирское здоровье») и др.

С развитием индустрии моды и косметологии связано появление в семейной речи новых названий одежды и обуви: *леггинсы, балетки, угги, лоферы* и др.; номинаций косметических приспособлений, средств ухода за лицом: *спонж* (губка для нанесения на кожу крема), *хайлайтер, консилер, бронзер, корректор, праймер* (косметические средства) и др.; косметических процедур – *шугаринг, татуаж* и др. В нашем материале: (дочь матери) *Я эти **угги** носить не буду; Я хочу **шугаринг** себе сделать*; (из разговора сестёр) *Дай мне вот эту – **Хайлайтер?***

В семейной коммуникации реализуется новая тема, которую условно можно назвать «Интернет-покупка / продажа». Возможность покупать и продавать товары в интернет-магазинах, на специальных интернет-сайтах обусловила появление в семейном общении названий этих сайтов: (из разговора мужа М. и жены Ж.) *М. Я на **алиэкспрессе*** (сайт «AliExpress») *посмотрю, есть там **гриндер*** (шлифовальный станок, от англ. *grind* – молотить; точить) *или нет // – Ж. А этот ты где нашёл? – М. На **авито*** («Авито» – интернет-сервис для размещения объявлений, а также услуг частных лиц и компаний).

Расширение межкультурных связей, появление на экранах телевизоров и кинотеатров продукции иностранной киноиндустрии способствуют проникновению в речь семьи номинаций героев зарубежных фильмов, а также персонажей мультипликации (*Шрек, Пикачу, свинка Пенпа, Стич, Губка Боб, кукла Лол, Рапунцель, Дизи, Донни, Рокки, Сюзи, Джордж* и др.), многие из которых получили воплощение в детских игрушках. Из речи ребёнка 2 лет и 8 месяцев: *Нету маленькой Дизи на даче; Пони Педро пришёл / Кэнди нашлась и Сюзи нашлась / где Ребекка?* (из материалов Т. А. Милёхиной [8, с. 175]). Появление новых популярных детских игрушек вызвало закрепление в семейной речи и таких номинаций, как *слайм-смузи* (от английского *slime* – *слизь*), или *лизун* (игрушка из вязкого материала); *прикольши* (пластиковая мини-игрушка); *попыт / пупырка, снайперс / снаперс* (игрушки-антистресс); *Беззубик, Миньон* (мягкие игрушки); *мякиш* (игрушка фабрики «Мякиши») и др. Анализируя речевой портрет двухлетней девочки, Т. А. Милёхина отмечает, что особое положение в словаре ребёнка занимает ЛСГ «гаджеты»: *телефон, планшет, интернет, вай-фай, Мегого* (сайт Интернета, где демонстрируются мультфильмы) (см.: [8]). Активный словарь детей пополняется номинациями блокнотов разных видов: *скетчбук, артбук, крафтбук, планер, элдэ* (личный дневник). И уже не всегда члены семьи разных поколений могут понять друг друга: новые номинации создают риски недопонимания: (из разговора бабушки Б. с внучкой В.): В. *Баб / а тебе в Магните дали скрепыша?* – Б. *Кого?*; В. *А купи мне снайпера* (снайперса)? – *Какого ещё снайпера? Зачем он тебе?*

Начавшаяся в 2019 г. пандемия коронавируса Covid-19 способствовала актуализации в семейной речи тематики, обусловленной этим событием, и таких номинаций, как *корона, ковид* (о коронавирусе), *ковидники* (больные, заражённые вирусом Covid-19, или медицинские учреждения, где лечат от этого вируса), *удалёнка, дистанционка* (о дистанционной форме обучения или работы), *космонавты* (о врачах в специальных противовирусных костюмах), *кюар-код* (по QR-коду определялось наличие прививки от ковида) и др. Из разговора родственниц: *Ну как дела? Тест на корону сдали?* – *Да / ковид;* (из разговора матери М. с дочерью Д.) Д. *Вы что ушли на дистанционку?* – *Да / на удалёнке сейчас работаем; Д. А кюар-код (QR-код) у тебя спрашивали в магазине?* – *Да / пришлось показывать.* И это, безусловно, далеко не полный перечень тех номинаций, которые вошли в жизнь современной семьи.

Часть такой, ставшей уже общеупотребительной, лексики приобрела свои семейные аналоги: *А нам надо хепу* (фильтр для пылесоса HEPA) *купить / потому что те тогда мы с тобой заказывали на симе* (интернет-магазин «Simaland») (пример из [5, с. 289]).

В целом семья, являясь частью общества, впитывает всё, что происходит в общественной сфере, в том числе и в коммуникации. Но особую роль в изменении быта современной семьи и семейной речи внесли информационно-коммуникационные технологии, Интернет: появление названий социальных сетей и мессенджеров «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир», «Фейсбук» («Facebook»), «Инстаграм» («Instagram»), «Ютуб» («YouTube»), «Вотцан» («WhatsApp»), «Вайбер» («Viber») и др.; новых программ для организации видеоконференций, которые вошли в семейный быт вследствие введения дистанционной формы обучения и работы: «Зум» (*Zoom*), «Скайп» (*Skype*) и др. Из разговора отца О. с сыном С.: О. *Ты мне по воцану позвони.* – С. *Давай по скайпу.* – О. *Он у меня не работает.* – О. *Я и в вайбере есть;* из разговора дочери Д. с матерью М.: *Мам / можно посмотреть на вэка* («ВКонтакте») *или в инсте* (в «Инстаграме»); Д. *А вы как общаетесь / в Зуме?* – М. *Нет / мы в Гугл-мите* (*Zoom, Google Meet* – сервисы для проведения видеовстреч).

Важно отметить, что развитие техники и внедрение новых технических устройств в семейный быт привело к широкому распространению опосредованной коммуникации. Члены семьи стали больше общаться с помощью имеющихся почти в каждой семье ноутбуков, смартфонов, электронных планшетов и т.п. В связи с этим изменились или расширились ассоциативные поля отдельных лексических единиц. Например, если кто-то из членов семьи скажет, что надо написать письмо родственнику или отправить поздравительную открытку, это уже не значит, что он напишет его на бумаге и отправит типографскую открытку: скорее всего, человек напишет сообщение в чате мессенджера и отправит электронное письмо с электронной открыткой. А если скажет: *Давай вечером поговорим*, то это не обязательно означает, что человек придёт или приедет для разговора: общение может состояться в виртуальном пространстве.

Если раньше мы отмечали, что в пределах квартиры или дома (в разных комнатах) может работать одновременно несколько телевизоров (причём включенных на одном и том же канале), и это было показателем разобщённости членов семьи, то теперь наблюдения показывают, что домочадцы для связи из разных комнат используют свои сотовые телефоны.

Серьёзной проблемой в жизни многих семей стала вовлечённость в виртуальное коммуникативное пространство: наблюдается уход от межличностного семейного общения, выполнения семейных и других обязанностей, необоснованная трата времени на общение в социальных сетях. Из разговора матери М. с сыном С.: М. *Ром / тебе что мешало помыть посуду до моего прихода? Мне щас надо готовить / а посуда грязная // Я выкину твой компьютер к чертовой матери! Меня это уже достало!*; М. *В общем слушай меня // Неделю ты сидишь дома // Никаких гулянок / никакого компьютера // Будешь заниматься / готовиться к учебе //* – С. *Да мам / я тут подохну без компа! Я там особо ничего не пропустил / я за выходные сделаю все дз и все.* Представленные фрагменты разговора свидетельствуют о риске конфликтного взаимодействия между самыми близкими людьми вследствие того, что виртуальное пространство становится для ребёнка важнее реального.

Обеспеченность многих семей компьютерной техникой привела к тому, что в семейный локус прочно вошла рабочая коммуникация: время для выполнения семейных обязанностей и семейного общения уходит на решение рабочих задач. Децентрализация рабочего пространства стирает границы между домом и работой, что не лучшим образом влияет на существование семьи.

Следует отметить и то, что поле семейного общения существенно расширилось: теперь оно выходит за рамки семейного локуса и за рамки только (или преимущественно) устного непосредственного интимного общения: семейные разговоры по сотовой связи (или обмен репликами), нередко без учёта присутствия окружающих, происходят в транспорте, в магазине, в поликлинике, в театре, т. е. повсеместно, если в этом возникает необходимость. Появились новые коммуникативные возможности: использование печатного знака, звука, изображения, нередко в их сочетании; только устной формы или устно-письменной (набор текста в чатах мессенджеров). В устно-письменной форме интернет-общения, которая имеет тенденцию к экономии языковых средств и всё больше заменяет письменную (записки, письма на бумаге), невербальный компонент представлен различными смайлами или эмодзи. Схематично представим фрагмент общения родственниц А. и В. в мессенджере: А. отправляет видео, затем пост: *Вальс. Яна где-то посередине* (смайл-улыбка) – В. отправляет крупный смайл – А. отправляет два фото – В. отправляет крупный смайл – А. *Яна очень рада))))))* – В. отправляет крупный смайл-смех –

А. отправляет три фото – В. (смайл-выражение любви) *Януса красотуся*). Эмоции, переданные графическими средствами, становятся, пожалуй, красноречивее слов.

Представляется существенным то, что общение членов семьи и родственников с помощью Интернета приобрело важные для существования семьи функции: информационную, объединяющую и регулирующую. Информационная функция связана с возможностью в любую минуту получить информацию от члена семьи: (муж М. жене Ж. из больницы): (орфография и пунктуация сообщений здесь и далее сохранены) М. *Катя, передай завтра мне две батарейки ААА (мизинчиковые), ложку столовую, Амлотоп.* – Ж. *Хорошо, привезу;* М. *Галя, скинь тел. Максима Викторовича.* – Ж. (отправляет номер телефона); М. (отправляет фотографию) *Корнев прислал.* – Ж. (об изображённых на фото) *Красавцы;* (переписка тёти и племянницы) *У меня проблемы со здоровьем хочу советоваться с тобой когда звонить;* (переписка свекрови С. и невестки Н.) Н. *Таня сдала экзамен в математический класс.* – С. *Ну молодец!!!* При этом работает принцип экономии языковых средств: постоянно встречаются сокращения, коммуниканты пренебрегают постановкой знаков препинания, упрощают речевые конструкции, передают в письменной форме особенности устной речи.

Объединяющая функция позволяет членам семьи, не проживающим совместно (при их позитивном настрое, гармоничных отношениях), не только получать информацию, но и в формате мгновенной связи осуществлять психологическую поддержку, выражать свои чувства в телефонных разговорах, голосовых и СМС-сообщениях: (из СМС-переписки родственниц, проживающих в разных странах) *Таня, ответь пожалуйста, я беспокоюсь П; Хочу тебя видеть и слышать; Напиши что-н. Я жду. Целую; Душа моя согласна с тем что пишешь мы очень похожи по сути и разуму целую; Спасибо моя дорогая хорошо что есть ещё кому об этом напомнить; Мне сегодня грустно а это (о песне) очень хорошо спасибо тебе целую.* Обращение *моя дорогая*, а также выражение беспокойства (*жду, мне грустно*), чувства единения и согласия с адресатом, благодарности ему восполняют и укрепляют частично утраченные родственные связи.

Регулирующая функция позволяет на расстоянии обеспечивать контроль за местоположением членов семьи и их действиями: (разговор мужа М. и жены Ж. с помощью СМС-сообщений) М. *Ты где?* – Ж. *В магазине* – М. *Не забудь веснушки (булочки) купить;* (разговор брата Б. и сестры С.) Б. *Ты во сколько с работы выезжать будешь?* – С. *Я до 17.30* – Б. *Ну а выезжать?*

– С. Ну в 17.50; С. Не знаю – Б. Понял...; Б. Ну позвони как закончишь – С. Ок; С. Вов... С. Ну мы будешь роллы заказывать?; С. Вов Вова! – Б. Чё – С. Зайди в аймеседж (iMessage – один из сервисов Apple)! – Б. Захожу ...; Б. Ты хочешь на двоих заказать? В ситуациях, когда возникает необходимость ухода от контроля, техническое средство намеренно отключается. Представленные примеры ещё раз демонстрируют новый пласт иноязычной лексики, которая входит в семейный обиход: *роллы*, *Ок*, *аймеседж* и др.

Подвергаются изменениям семейные обиходные и речевые традиции, в том числе и этикетные. Уже никого не удивляет, если в транспорте кто-то громко разговаривает по телефону, во всеуслышание обсуждает свои семейные дела. Не лучшие образцы решения семейных проблем навязываются СМИ в различных ток-шоу, где семейные ссоры в их самом неприглядном виде выносятся на всеобщее обозрение.

В целом исследование показало, что в последние годы в семейной коммуникации и семейной речи произошли существенные изменения. Конечно, трудно представить эти изменения во всей полноте, но автор попытался показать наиболее заметные. Во многом изменения связаны с процессами формирования нового быта современной семьи, проникновением в него интернет-технологий. Не могло не отразиться на семейной коммуникации и событие планетарного масштаба – пандемия коронавирусной инфекции Covid-19. В результате в общении актуализируются новые темы, появляется новая лексика, которая приобретает семейные аналоги. Изменения особенно заметны в речи молодых семей, а также в семьях, где подрастают дети, с самого раннего возраста активно осваивающие иноязычные заимствования.

Прочно входит в семейную коммуникацию устно-письменная форма речи, позволяющая информировать членов семьи, объединять род-

ственников, в том числе проживающих в разных городах и странах, регулировать семейно-родственные отношения.

Меняются культурные традиции. Так, семейная речь перестала быть принадлежностью только семейного локуса: семейные разговоры посредством сотовой связи можно услышать теперь повсеместно.

Список литературы

1. Занадворова А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 381–402.
2. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей : коммуникативно-культурологический аспект. 2-е изд. М. : Научный мир, 2005. 396 с.
3. Черничкина О. В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на материале супружеского дискурса) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 190 с.
4. Анохина В. С., Кравченко О. В. Повседневная коммуникация в стратегиях и тактиках обиходно-бытового общения (на материале семейной речи). Таганрог : Изд-во Волошина О. И., 2017. 183 с.
5. Анохина В. С., Кравченко О. В. Стратегические речевые предпочтения жителей южного провинциального города (на материале семейного общения). Таганрог : Изд-во Волошина О. И., 2018. 325 с.
6. Ценностное содержание разговорного диалога / Т. В. Матвеева, И. В. Шалина, И. Т. Вепрева [и др.] ; отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2021. 228 с.
7. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : повседневная речь горожан. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. 216 с.
8. Милёхина Т. А. Речевой портрет девочки в возрасте двух лет и восьми месяцев // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2017. Вып. 17. С. 171–180.

Поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 278–284

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 278–284

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-278-284>

Научная статья
УДК 811.111'272

Гендерная принадлежность как один из социальных факторов и его лингвистическая реализация в речи политиков (на материале записей интервью британского премьер-министра Терезы Мэй)

Г. В. Лашкова , Ю. А. Белоножко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лашкова Галина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Белоножко Юлия Алексеевна, ассистент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, yulia.belonozhko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9106-9286>

Аннотация. В работе концепт «гендер» рассматривается как один из социальных факторов, определяющих выбор носителем британского варианта языковых средств, охарактеризованных рядом лингвистов как более частотные в мужской или женской речи. Предметом исследования является речь бывшего британского премьер-министра Т. Мэй, второй женщины-премьер-министра после М. Тэтчер, в 10 интервью с журналистами-мужчинами и журналистами-женщинами. Анализ материала основан на классификациях маскулинных и феминных языковых средств, описанных в исследованиях лингвистов Р. Лакофф – представителя феминистской критики языка, У. О'Барра и Б. Аткинса, отметивших важность учета социального статуса говорящего, Д. Таннен, Дж. Холмси Д. Хайд, изучивших реализацию гендера в коммуникационных стилях. В статье черты речи Т. Мэй были охарактеризованы как более маскулинные или феминные в зависимости от частотности и ситуации употребления таких маркеров, как личные местоимения 1-го лица, этикетные клише, позволяющие установить контакт, интенсификаторы, выражающие эмоциональность, модальные глаголы «must» и «can», а также склонность прерывать высказывание собеседника. В речи Т. Мэй были выделены как феминные, так и маскулинные черты, при этом отмечено, что феминные черты чаще проявляются в интервью с журналистами-женщинами, что обусловлено тематикой обсуждения, в то время как маскулинные показатели более характерны в ситуации общения с интервьюерами-мужчинами, чьи вопросы освещали социальную и политическую жизнь страны и были обращены к Т. Мэй именно как к лидеру государства. Проявленные в подобной ситуации феминные черты, свидетельствующие в большей мере об эмоциональности и поиске поддержки мнения говорящего, рассматриваются как факторы, ослабляющие статус Т. Мэй как адекватного лидера, особенно в ситуации критики интервьюером.

Ключевые слова: гендер, социальный фактор, социолингвистика, гендерные исследования, феминистская критика языка, маскулинные и феминные черты

Для цитирования: Лашкова Г. В., Белоножко Ю. А. Гендерная принадлежность как один из социальных факторов и его лингвистическая реализация в речи политиков (на материале записей интервью британского премьер-министра Терезы Мэй) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 278–284. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-278-284>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Gender as one of the social factors and its impact on the politicians' speech (Based on the interviews of Theresa May, the former British Prime Minister)

G. V. Lashkova , Yu. A. Belonozhko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Galina V. Lashkova, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Yuliya A. Belonozhko, yulia.belonozhko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9106-9286>

Abstract. Current research studies the concept of “gender” as one of the social factors that determine the choice of language means defined as more typical for female or male speech. The study focuses on the speech of Theresa May, the former British Prime Minister, the second female Prime Minister after M. Thatcher. The analysis of 10 interviews with male and female journalists is based on the classifications of masculine and feminine language means described in the studies of such linguists as R. Lakoff, a representative of feminist criticism of language, W. O’Barr and

B. Atkins, who highlighted the influence of the speaker's social status, D. Tannen, J. Holmes and D. Hyde. This study characterizes the features of T. May's speech as masculine or feminine, depending on the communicative situation when the Prime Minister uses such markers as the 1st person pronouns, etiquette clichés, intensifiers, modal verbs "must" and "can", as well as the tendency to interrupt the interlocutor. T. May's speech features both feminine and masculine traits, notably feminine ones are more frequent in interviews with female journalists, due to the discussion topics, while masculine indicators are more typical for her communication with male interviewers, whose questions were addressed to T. May as the leader of the state and concerned social and political life of the UK. The feminine traits in such a situation indicate emotionality and seeking for the support of the speaker's opinion. They might be considered as factors weakening T. May's status of an appropriate leader, especially when criticized by an interviewer.

Keywords: gender, social factor, sociolinguistics, gender studies, feminist criticism of language, masculine and feminine speech traits

For citation: Lashkova G. V., Belonozhko Yu. A. Gender as one of the social factors and its impact on the politicians' speech (Based on the interviews of Theresa May, the former British Prime Minister). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 278–284 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-278-284>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Язык и общество тесно взаимосвязаны. Посредством языка регулируется жизнь общества в условиях влияния различных социальных факторов, среди которых социальная структура общества, возраст, гендерная принадлежность, социальный статус носителя. Гендерная принадлежность является одним из социальных факторов, определяющих существование социолингвистического варианта.

В контексте современной тенденции к минимизации различий в речи мужчин и женщин, обусловленной изменением гендерных социальных ролей, интерес для исследования представляет речь политических деятелей-женщин, так как политика традиционно считалась сферой деятельности мужчин. В связи с этим представляется важным рассмотреть различные теории зарубежных лингвистов, которые сформулировали основные языковые особенности, характеризующие женскую речь в отличие от мужской, что и положило начало формирования гендерного подхода к исследованию речевого облика.

Переосмысление социальных ролей женщины в 60-е гг. XX в., положения, занимаемого ею в обществе, в сравнении с восприятием социумом роли мужчины, стало одним из актуальных направлений – феминистской критики языка.

Среди первых исследователей феминистской критики языка была Р. Лакофф, автор труда «Язык и место женщины» (1975) [1], в котором обосновывался антропоцентризм языка. Также важным в данной работе представляется отображение в сознании индивидов посредством языка второстепенной роли женщины в социокультурной картине мира, что положило начало первого направления феминистской лингвистики – исследования межполовых различий на уровне реализации в языке. Р. Лакофф выделяет следующие лингвистические особенности женской речи.

Это, во-первых, то, что в английском языке отмечается тенденция к использованию определенных фонетических и грамматических особен-

ностей. Например, использование эмфатического ударения (*When we take the big calls, we'll think not of the powerful but you* [wen 'wi: 'teik ðə 'big kɔ:lz | wi:l 'θiŋkɪnɒt əv ðə 'praʊəfəl bət ɔ:ju:]), преимущественное использование низко-восходящего тона в утвердительном предложении, которое стандартным английским предлагает использование низко-нисходящего тона. К грамматическим особенностям относится частое использование разделительных вопросов (*You do like it, don't you?*), которые особенно характерны для британского английского вообще и английской речи в частности.

Во-вторых, к особенностям женской речи также относится частотное употребление различного плана интенсификаторов (*of course; very; obviously, absolutely, exactly, indeed, certainly, even, extremely*).

В-третьих, в ходе анализа материала подтвердился факт использования женщиной «мужских» речевых тактик, что, по мнению Р. Лакофф, в ряде случаев может привести к восприятию ее как неженственной. Р. Лакофф называет такое положение вещей «ситуацией двойной связанности». Подобное речевое поведение женщины часто приводит к коммуникативным неудачам.

Каждое из положений теории Робин Лакофф подтверждается или опровергается исследователями. Например, черты речи, определяемые Р. Лакофф как показатели женской речи, лингвисты У. О'Барр и Б. Аткинс (1980) (цит. по: [2, с. 13]) рассматривают как особенности, характерные не только для женской речи. Исследуя речь женщин и мужчин, дающих показания в зале суда в качестве свидетелей, исследователи выделили некоторые лексические особенности, характерные для употребления женщинами: ограничители (*sort of, kind of, I guess*), этикетные клише (*would you please*), интенсификаторы (*so* и *very*), использование так называемых пустых прилагательных (термин У. О'Барра и Б. Аткинса) (*sweet, divine, charming, adorable*), недостаток чувства юмора (неумение рассказывать анекдоты), предпочте-

ние прямого цитирования, использование большего числа лексических единиц, описывающих цвет, по сравнению с мужчинами, использование восходящего тона в повествовательных предложениях (*I enjoy watching thrillers on Sundays*).

В ходе исследования У. О'Барр и Б. Аткинс убедились в том, что данные особенности речи могут быть интерпретированы как показатели речи лиц с низким социальным статусом, так как женщины с высоким уровнем образования и социальным статусом реже используют в речи выделенные исследователями черты женского речи. У. О'Барр и Б. Аткинс ввели новый термин – «язык слабых», объединяющий выделенные ими особенности речи, традиционно приписываемые женщинам ввиду ассоциирования власти исключительно с мужчинами. Стоит отметить, что данный термин объясняет причину выбора женщинами подобных языковых средств: речь женщин отражает их социальный статус, уровень образования, а не пол как биологическую характеристику. Так происходит плавный переход к анализу межполовых различий в языке не только на основании пола, но и в совокупности с некоторыми другими социальными факторами, что привело к формированию концепта «гендер».

Реализацию гендера в коммуникативных стилях рассмотрела последователь взглядов Р. Лакофф, Дебора Таннен, в книге «Ты меня не понимаешь» (1996) [3]. Автор, анализируя мужской и женский речевые стили, объясняет различия тем, что мужчины и женщины в детстве осваивают язык в совершенно разных мирах мальчиков и девочек, в связи с чем в ходе межполовой коммуникации явные различия в мужском и женском стилях приводят к непониманию и ситуации конфликта, поэтому при ведении разговора в разнополых группах стиль общения чаще всего близок к мужскому. Выбор женщиной женского или мужского стиля общения может приводить к еще более глубокому непониманию. Женщины-лидеры, выбирающие женский стиль коммуникации, воспринимаются как неадекватные лидеры. Если же они используют мужской стиль, являющийся нормой в сфере лидерства, то воспринимаются «как неполноценные женщины».

Новозеландский лингвист Дж. Холмс, исследовавшая речевое поведение мужчин и женщин, пришла к выводу о том, что мужчины и женщины имеют разные нормы общения, преследуют разные цели в коммуникации. По мнению Дж. Холмс, мужчины ориентированы на игнорирование потребностей собеседника, в то время как женщины стараются их учитывать. Главной функцией коммуникации для мужчин является передача информации, для женщин –

эмоциональный обмен. Помимо цели и норм общения, Дж. Холмс выделяет следующие различия коммуникативных стилей мужчин и женщин, называя их «социолингвистическими универсальными тенденциями»¹: речь женщин и мужчин характеризуется различными моделями использования языковых средств; эмоциональный компонент коммуникации более важен для женщин, чем для мужчин.

Женщины, в отличие от мужчин, более склонны к использованию языковых средств, акцентирующих солидарность, общность. В речи женщин прослеживается тенденция к построению коммуникативного взаимодействия таким образом, чтобы поддерживать и усиливать солидарность, в то время как мужчины, в особенности в ситуациях формального общения, предпочитают подчеркивать свои власть и статус. Кроме того, в отличие от мужского, коммуникативный стиль женщин более гибок стилистически [4].

Однако наряду с исследованиями, результаты которых подтверждают наличие значительных различий между мужской и женской речью, существует и мнение о том, что данный феномен проявляется не так ярко и имеет место по большей части лишь в некоторых коммуникативных ситуациях.

В частности, Дж. С. Хайд, американский ученый в области гендерных исследований, является сторонницей теории гендерных сходств (*gender similarities theory*), согласно которой различия между мужчинами и женщинами незначительны, но не во всех психологических показателях. Дж. С. Хайд выделяет классификацию вербальных аспектов [5], демонстрирующих некоторые различия в характеристике речи мужчин и женщин. К ним относятся такие параметры, как понимание прочитанного, словарный запас, орфография, вербальное мышление, речеобразование, склонность перебивать собеседника, разговорчивость, утвердительная речь, устанавливающая связи речь, саморазоблачение и др. Для каждого критерия в исследовании Дж. С. Хайд существует числовое обозначение, отражающее преимущественное проявление феномена в мужской или женской речи. На основе данных исследования ученый также утверждает, что когнитивные и психологические различия между мужчинами и женщинами всегда были выражены незначительно, а за последние двадцать лет степень их проявления еще более уменьшилась.

Принимая во внимание все существующие теории, анализирующие лингвистические особенности женской речи, в данном исследовании была предпринята попытка проанализировать

¹ Здесь и далее перевод с английского мой. – Ю. Б.

языковые средства реализации гендерной обусловленности социолингвистической вариативности. В качестве материала исследования были выбраны записи интервью премьер-министра Великобритании Терезы Мэй.

В ходе анализа материала необходимо было учитывать социальные факторы, оказывающие влияние на речь премьер-министра и определяющие ряд используемых Т. Мэй языковых средств. К данным социальным факторам относятся возраст, образование и социальный статус (в том числе родительской семьи).

Тереза Мэй родилась 1 октября 1956 г. в Истборне (графство Сассекс) в семье священника Губерта Брайзера. Начальное образование она получала сразу в двух школах – в церковно-приходской и государственной. Позже политик поступила в Оксфорд на факультет географии, из стен которого в 1977 г. вышла с дипломом бакалавра [6].

Т. Мэй является выпускником Оксфорда, что позволяет минимизировать объем влияния фактора «образование» на различия в речи данного политика. Т. Мэй принадлежит к Консервативной партии Великобритании – единственной партии, представителями которой являются две женщины – премьер-министры.

Рассмотрим некоторые особенности речи Т. Мэй в 10 интервью (2015–2019 гг.), 5 из которых были проведены журналистами-мужчинами, 5 – женщинами.

Журналисты-женщины, беседовавшие с Т. Мэй, чаще задавали вопросы о политической обстановке в Великобритании, чем о личной жизни премьер-министра, но вопросы о детстве Т. Мэй, ее жизни в качестве премьер-министра встречаются как в интервью журналистов-женщин, так и в интервью с мужчиной – Эндрю Марром (который в первом интервью Т. Мэй в качестве премьер-министра активно поддерживал ее, а в интервью 2017 г. – критиковал в связи со всеобщим осуждением СМИ предложений Т. Мэй по Брэксит).

В гендерных исследованиях лингвистов, упомянутых в данной работе, выделяется ряд языковых средств, которые необходимо учитывать при анализе речи с точки зрения маскулинности и феминности. К ним относятся употребление личных местоимений 1-го лица ед. ч. (*мы – we*, *я – I*), интенсификаторов, выражающих эмоциональность, этикетных клише, устанавливающих контакт между собеседниками, модальных глаголов *must* и *can*, а также параметры, среди которых склонность перебивать собеседника, обеспечивающая связи речь, саморазоблачение.

Анализ некоторых особенностей одного из первых интервью Т. Мэй в качестве премьер-ми-

нистра (журналист – Эндрю Марр) показал, что местоимения «я» и «мы» используются почти в одинаковой мере (72 и 74 соответственно), поскольку интервью содержит вопросы как о политических реформах, так и о родителях Т. Мэй, ее детстве. В употреблении интенсификаторов Т. Мэй сдержанна, в большей мере они проявляются при рассказе о родителях, которых премьер-министр рано потеряла, что Э. Марр и выделяет: *of course 9, really 1, certainly 1, very 4*. Э. Марр также отмечает, что Т. Мэй – второй премьер-министр-женщина после М. Тэтчер и что в биографиях Т. Мэй и М. Тэтчер много похожего, например их происхождение. Т. Мэй отметила, что в партии консерваторов были премьер-министры разного происхождения, чье правление принесло положительные перемены, в частности Д. Кэмерон: *I think what David Cameron did for the Conservative Party over last 6 years is important*.

В одном из своих выступлений на дебатах в парламенте Т. Мэй заявляла о том, что Консервативная партия много сделала для женщин, о чем говорит уже тот факт, что премьер-министры-женщины являются представителями тори [7]. На вопрос журналиста Дж. Дикерсона о том, ощущает ли она к себе, как к премьер-министру-женщине, особенное отношение, Т. Мэй ответила, что именно, по ее мнению, значит быть женщиной-лидером: *Well, throughout my political career I've always believed that it's not right to say «I'm a woman, I'm doing that», but actually just to say «What's the job and what do I need to do?» the one thing where we do face a slight difference is of course, rather more attention is paid to our clothes, than, perhaps, to male leaders*.

Этикетные клише, которые, согласно теории Дж. Холмс, могут рассматриваться как один из признаков более гибкого коммуникативного стиля, присущего женщинам, также отмечены в речи Т. Мэй, когда Э. Марр перебивал Т. Мэй (дважды), она использовала **If I may...**, сопровождаемое прямым обращением к журналисту по имени: *Crucially, if I may just, Andrew; Well, it won't mean a variety of things, Andrew, that's the point*.

В других интервью Т. Мэй также использует прямое обращение к собеседнику, особенно в ситуации критики: *I want to see the country that works for everyone, Andrew; What I'd like to see, Andrew, is ensuring an education system; You're absolutely right, Andrew, that this is a historic moment for our country* (в интервью с Э. Нейлом по вопросам о выходе Великобритании из состава ЕС); **If I may, John**, *in your introduction there you said that what people are voting on is that we are withdrawal from the EU. They're voting on the deal that I've negotiated, and this is a good deal for the UK; John, what*

I'm saying is that we're in the middle of the debate. В одном интервью Т. Мэй сама пыталась перебить журналиста-мужчину, чтобы указать ему на то, что это он прерывает ее повествование (что чаще отмечается как маскулинная черта речи): **Sorry, sorry, John, I said** «*There are three options*», *we talked about one of them, if I can get to remind everyone what the other two are.* Женщины, как правило, реже, чем мужчины, прерывают речь собеседника, а если же перебивают их самих, то не реагируют на это возмущением как на акт некой агрессии [4].

Этикетные клише в беседе с журналистами-женщинами также используются, но гораздо реже, и когда Т. Мэй перебивают, она перестает говорить и слушает собеседника либо вежливо его останавливает. Это было отмечено как один случай за пять интервью – при разговоре с Э. Барнетт: *Can I just finish this particular point?* Несмотря на то что собеседник ее перебивает, Т. Мэй предпочитает не реагировать, чтобы, вероятно, избежать конфликтной ситуации, что можно рассматривать как проявление более феминного стиля поведения.

Общее число глаголов **can** и **may** превалирует в интервью с женщинами (20 и 18 глаголов): *can* (м. – 14, ж. – 19), *may* используется чаще в коммуникации с мужчинами (м. – 4, ж. – 1). При общении и с мужчинами, и с женщинами, помимо этикетных клише, глаголы *can* и *may* используются и в прямом значении глаголов вероятности.

Рассмотрим другое интервью с Э. Марром, проведенное накануне парламентских выборов [8]. Оно было посвящено обсуждению ряда социальных проблем Великобритании. Хотя обсуждением этот разговор назвать сложно: вместо четкого и прямого ответа на заданный вопрос Т. Мэй предпочитала обходиться общими формулировками и слоганами, что в целом является типичной чертой ее поведения во время большинства интервью с журналистами разного пола (*I want a country that works for everyone*, например). Не получая точного ответа на свой вопрос, Эндрю Марр перебивал ее 7 раз, уточняя вопрос, оперируя фактами, при этом в конце интервью его раздражение сложно не заметить, так как он завершил беседу, перебивая Т. Мэй фразой *Thank you very much*, используя категорический, нисходящий, тон высказывания. Т. Мэй оставляла без внимания факт того, что ее перебивают, но дважды все-таки отреагировала следующим образом: *Can I just finish this point? ... Sorry, Andrew, I think this is an important point.*

Далее интервьюер говорит о том, что, согласно предварительным опросам, люди

проголосуют против объявленного плана, но Т. Мэй утверждает, что у людей еще есть время подумать и все может измениться, чем вызывает эмоциональную реакцию интервьюера:

Интервьюер: *It seems to some people that you are not listening!*

Т. Мэй: *I am listening, I am listening, if I may. This deal is in two parts...*

Вопрос о судьбе премьер-министра в случае несогласия населения с ее планом задавали также журналисты (мужчина и две женщины) из «*This Morning Show*» [9].

– *What about if that fails?* (журналист-мужчина) *We all want to know what happens to us, what happens to you. What will happen?*

– *What's clear and a negotiation is this. The deal – it isn't a sort of «Oh, well, go back and spend another six months and come back with something different. This is the deal».*

– *What happens to you?*

– *I'm very clear that I've got a duty as PM...*

– *If it doesn't ...*

– *I've got a duty to...*

– *If you don't...*

– **Just let me finish my sentence (smiling).**

– *I know what you're gonna say.*

– *Why do you ask me the question if you know what I'm gonna say?*

Т. Мэй говорит о том, что положительный исход голосования принесет перемены, что вызвало вопрос у журналиста-женщины: *Well, we'll be better off under your deal. Or house prices go up or down, or fuel costs go up or down or we'll be better off?* Данный вопрос вызвал смех у Т. Мэй, и она ответила, что подобные изменения зависят от британцев, а не от выхода из состава ЕС (*I believe we can be better off, but it's not just about the deal*). Мужчина-журналист решил уточнить вопрос, полагая, что получит ответ:

Интервьюер: *Are we gonna be better off?*

Т. Мэй: *We can be better off.*

Интервьюер: *Will we be?*

Т. Мэй: *That's up to us.*

В интервью, проведенном на «*This Morning Show*», интервьюером и аудиторией не создавалось ситуации критики политической ситуации в стране, и Т. Мэй не обращалась к собеседникам по имени. В других интервью она довольно часто обращается к интервьюеру, используя неформальные выражения: *Come on, Andrew!*, при намеке Э. Марра о том, что в преддверии выборов снова прозвучат громкие слоганы, Т. Мэй отвечает, как бы «подыгрывая» собеседнику: *You know that, we will all be talking. I will be talking about strong and stable leadership.* В один из моментов обсуждения Т. Мэй вынуждена защищаться,

отрицая вывод Эндрю Марра, при этом еще во время его высказывания она не соглашалась с его заключением: *I haven't said that, Andrew.*

Во время интервью с журналистами-женщинами Т. Мэй лишь один раз обращается к собеседнику по имени, делая при этом комплимент, например, Софи Ридж: *It's a pleasure to be here at your new program, Sophie.* Комплимент собеседнику символизирует попытку установить контакт с ним, наладить беседу, расположить к себе журналиста, что не наблюдается в общении Т. Мэй с интервьюерами противоположного пола в силу того, что ее комплимент может быть расценен неверно.

В ходе интервью с Э. Марром Т. Мэй 92 раза использовала местоимение *we* и 58 местоимение *I*. Особенностью интервью является то, что Т. Мэй ссылается на предыдущего премьер-министра – Дэвида Кэмерона, называя статистические данные, сигнализирующие об улучшении показателей, а также свое личное мнение о его правлении: *I served in David's Cameron Cabinet... I was very proud to serve with David. If you look at what he did in government, he took a country from the brink of bankruptcy to a point where we had growth and where we see the deficit coming down by 2/3. We see 1.8 million more children in good or outstanding schools.* Данная ссылка на Дэвида Кэмерона (выполненная также и в ряде других интервью) может рассматриваться как укрепление последующего высказывания о собственном взгляде на текущее положение социальной сферы в Великобритании, что может быть объяснено как стереотипно женский поиск поддержки собственного мнения. Однако в данном случае не стоит оставлять без внимания и другую возможную личностную причину – неуверенность в себе Т. Мэй по причине критики в парламенте или общего недоверчивого тона интервью [10], так как обозначение собственного мнения все-таки присутствует: *but, of course, I'm my own person*, что в большей мере можно отнести к проявлению маскулинной черты в речи. Учитывая социальный статус говорящего, это также может рассматриваться как попытка имитации речи уверенного в себе лидера.

В целом, во время интервью с журналистами-мужчинами Т. Мэй использовала местоимение *we* чаще, чем местоимение *I* (344 и 305 соответственно), что может рассматриваться в контексте социальной роли премьер-министра как представительство парламента. В интервью с женщинами Т. Мэй чаще употребляла *I*, а не *we* (322 и 216 соответственно), что обусловлено тематикой интервью: вопросы о политике, о собственном отношении к своему социальному статусу.

О личных переживаниях при вступлении в новую должность с Т. Мэй беседовала Э. Бернетт. В начале интервью она отметила, что предвыборную кампанию Т. Мэй сложно назвать удачной, с чем премьер-министр сразу согласилась. Далее в ходе интервью Т. Мэй трижды произнесла фразу *I knew it wasn't a perfect campaign*, за которой следовало замечание, что в настоящий момент она провела бы предвыборную кампанию по-другому. На вопрос Э. Бернетт, насколько сильными были эмоции в тот момент, когда она узнала о собственной победе, Т. Мэй ответила, что о результатах ей сообщил супруг. Кроме того, о поддержке супруга Т. Мэй говорит и в интервью «This Morning Show» при общении с журналисткой:

Э. Бернетт: *But what about you, personally? Does your husband Philip ever just say «Let them do it! Let's go on holiday!»*

Т. Мэй: *Well, it's... look, it is tough, I mean... sometimes politics, look..., in any job there are times when it's really tough. I mean, Philip is a huge support to me, he says I must do what I believe to be right.*

Рассмотрим еще один пример из интервью с Лорой Квенсберг, в котором также упоминается важность супруга в жизни Т. Мэй:

Л. Квенсберг: *Your colleges often talk about your astonishing resilience, just that ability to keep going. Where do you think that comes from?*

Т. Мэй: *To be honest, I don't know. I mean it's important that I've had, oh, you know, Philip, my husband, is hugely supportive. And that's been important.*

Л. Квенсберг: *This is a place of work, but also somewhere you lived and did the job that you've dreamt to do for a long time.*

Т. Мэй: *Yes, I will leave with happy memories. And you know, I felt it at home here as PM, but it's not obviously the home that Philip and I built up together.*

Упоминание семьи, супруга и в особенности факта огромной поддержки с его стороны относится к сфере типично женской коммуникации (и встречается только в интервью с журналистами-женщинами) [11]: *To be honest with you, I didn't actually watch the exit poll myself. I had a little bit of superstition about things like that. My husband watched it for me and came and told me. Yes, it was (hard), but, you know, he's, you know, he'd been huge support for me over the years.*

Э. Бернетт дважды в разное время интервью пыталась выяснить, были ли все-таки слезы радости на глазах Т. Мэй в момент объявления результатов, на что в первый раз Т. Мэй пыталась уйти от ответа, сказав: *Maybe, a little hug from my husband*, во второй раз она все-таки призналась: *Yes, a little tear at that moment.*

Эмоциональность в интервью с мужчинами, помимо невербальных сигналов, проявляется и в интенсификаторах, но число их ниже, чем в

интервью с женщинами-журналистами (72 и 94 соответственно), что можно объяснить как стараниями сохранить позицию адекватного лидера в коммуникации с мужчинами и отсутствием данной необходимости в беседе с женщинами, так и разностью обсуждаемых тематик.

Итак, в рассмотренных интервью можно отметить наличие как феминных черт речи (более частое употребление местоимения *we* по сравнению с *I* в интервью с журналистами-мужчинами, ссылка на опыт предыдущего премьер-министра, упоминание супруга и важности его поддержки, а также тот факт, что Т. Мэй позволяет перебивать себя, в большем объеме использует этикетные клише в интервью с журналистами-мужчинами, большее число интенсификаторов в интервью с женщинами), так и маскулинных (утверждение собственной позиции посредством встречной критики, выражение несогласия с оппонентом).

Стоит отметить, что такие феминные черты, как использование интенсификаторов, упоминание супруга, чаще используются при общении с журналистами-женщинами, что обусловлено тематикой обсуждения, а также тем, что в интервью с представителями своего пола женщина-политик не видит необходимости утверждения себя в роли лидера – это признается интервьюером-женщиной, и предметом интереса становится личность именно женщины в роли лидера страны. В свою очередь, такие феминные черты, как более частое использование этикетных клише, упоминание опыта предыдущего лидера, прерывание речи в случае возражения собеседника, более частотны в интервью с журналистами-мужчинами, сфокусированными на беседе с Т. Мэй именно как с лидером страны. Феминные черты в речи Т. Мэй в таком случае, несмотря на проявляемые маскулинные черты речи, ослабляют ее статус уверенного адекватного лидера, особенно в ситуации критики интервьюером.

Таким образом, изучение гендерной принадлежности как одного из социальных факторов с

точки зрения лингвистической реализации позволяет выделить особенности в речи политиков, свидетельствующие о преимущественной тенденции к маскулинности, которая обусловлена, главным образом, коммуникативной ситуацией (формальной и неформальной), и может проявляться в различной степени в зависимости от пола собеседника.

Список литературы

1. *Lakoff R.* Language and Woman's Place. New York : Harper and Row, 1975. 328 p.
2. Гендер и язык : антология / науч. ред. и сост. А. В. Кирилина. М. : Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
3. *Таннен Д.* Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга : пер. с англ. М. : Вече : Персей : АСТ, 1996. 429 с.
4. *Wardhaugh R.* An Introduction to Sociolinguistics. 5th ed. Blackwell, 2006. 418 p.
5. *Hyde J. Sh.* The Gender Similarities Hypothesis // *American Psychologist*. September, 2005. Vol. 60, № 6. P. 581–592. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.60.6.581>
6. Мэй Тереза // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мэй,_Тереза (дата обращения: 21.05.2018).
7. UK Parliament. PMQs. URL: https://www.youtube.com/channel/UCMasyWuE1P2AaEKw_FkGq9g (дата обращения: 07.03.2021).
8. Britain turns against Theresa May on Brexit, Sky Data poll finds. URL: <https://news.sky.com/story/britain-turns-against-theresa-may-on-brexit-sky-data-poll-finds-11431288> (дата обращения: 30.03.2021).
9. This Morning. URL: <https://www.itv.com/thismorning> (дата обращения: 30.03.2021).
10. *Попова Т. Г., Кокорина К. А.* Речевой портрет Терезы Мэй : вербально-семантическая составляющая // *Политическая лингвистика*. 2020. № 5 (83). С. 121–129. <https://doi.org/10.26170/pl20-05-11>
11. *Воронина О. А., Клименкова Т. А.* Гендер и культура // *Женщины и социальная политика – Women and social policy : (гендерный аспект) : сб. / отв. ред. З. А. Хоткина. М. : Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1992. С. 10–22.*

Поступила в редакцию 08.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 08.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

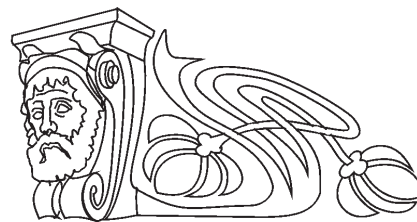

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 285–288
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 285–288
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-285-288>

Научная статья
УДК 811.111(073)373.46

Юридические термины и их особенности в британском и американском вариантах английского языка

Е. А. Дегтярева

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Дегтярева Екатерина Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка, katerina742003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7943-8448>

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ терминов права в британском и американском вариантах английского языка. Подчеркивается, что под британским термином в данном случае понимается лишь терминология права Англии и Уэльса, так как в Шотландии и Северной Ирландии действует иная правовая система. В работе содержится классификация юридических терминов в зависимости от отсутствия или наличия различий между британским и американским вариантами, а также характера различий. Выделяются пять категорий на основе данного принципа: термины с одинаковым значением термины; имеющие разные дефиниции; термины, выражающие одно и то же понятие по-разному; термины, существующие только в одном варианте; термины, используемые в основном в одном варианте английского языка, но встречающиеся и в другом варианте. Все указанные сходства и различия иллюстрируются с помощью примеров. В статье также приводятся примеры различного правописания отдельных терминов в двух вариантах английского языка.

Ключевые слова: юридический термин, правовая система, термин британского права, термин американского права, классификация терминологических различий, различия в правописании

Для цитирования: Дегтярева Е. А. Юридические термины и их особенности в британском и американском вариантах английского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 285–288. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-285-288>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Legal terms and their peculiarities in British and American variants of English

E. A. Degtyarova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russia

Ekaterina A. Degtyarova, katerina742003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7943-8448>

Abstract. The article contains a comparative analysis of legal terms in the British and American variants of the English language. The author points out that the British term is understood as the one belonging to the law of England and Wales since Scotland and Northern Ireland have a different law system. The article contains a classification of legal terms based on the absence or presence of differences between the British and American variants, as well as the character of differences. According to this principle legal terms are divided into five categories: 1) terms with the same meaning, 2) terms having different definitions, 3) terms expressing the same concept differently, 4) terms existing only in one variant (British or American), 5) terms used predominantly in one variant of the English language but occurring in the other variant. All the given similarities and differences are illustrated by examples. The paper also gives examples of differences in spelling in the two variants.

Keywords: legal term, law system, British law term, American law term, classification of terminology differences, differences in spelling

For citation: Degtyarova E. A. Legal terms and their peculiarities in British and American variants of English. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 285–288 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-285-288>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В работе рассматриваются различия в юридической терминологии в британском и американском вариантах английского языка. Исследование проводилось на материале бри-

танского [1] и американского [2] юридических словарей, «Англо-русского словаря юридических терминов» [3], «Англо-русского глоссария юридических терминов» [4], а также учебников [5, 6].

Представляется важным отметить, что, используя словосочетание «американский термин», мы имеем в виду юридический термин, применяемый в юриспруденции США. Называя термин «британским», мы будем говорить о юридической терминологии, принятой только в Англии и Уэльсе, так как в Шотландии и Северной Ирландии сложилась иная правовая система, оперирующая другими юридическими понятиями. Эти различия сложились в ходе исторического развития как в Шотландии, так и в Северной Ирландии в связи с тем, что данные части Великобритании были самостоятельными государствами в определенный период времени, что и обусловило формирование особой правовой системы. При этом необходимо отметить, что как в Ирландии, так и в Шотландии юридическая терминология складывалась на основе своих языков, а именно ирландского и скотс. Например, такие термины правовой системы Англии и Уэльса, как *covenant* (договор, обязательство по договору, условие договора) и *suspended sentence* (приговор, отсроченный исполнением), отсутствуют в шотландском праве. В праве Шотландии не существует различий между терминами *libel* (клевета в СМИ) и *slander* (устная клевета), так как в правовой системе Шотландии признается только термин *defamation* (диффамация, разглашение позорящих другое лицо правдивых сведений). У нескольких терминов правовой системы Англии и Уэльса есть шотландские эквиваленты, примеры которых приведены в табл. 1.

Таблица 1

Термины британской правовой системы

Термины правовой системы Шотландии	Термины правовой системы Англии и Уэльса
aliment	alimony
confirmation	probate
defender	defendant
interdict	injunction
pursuer	claimant
repel	overrule
solemn case	serious case

Согласно классификации Д. Кристала [7], анализирующей развитие лексикона британского и американского вариантов английского языка, существуют три категории слов с точки зрения их происхождения: слова, употребляющиеся только в британском варианте (англицизмы); слова, употребляющиеся только в американском варианте (американизмы); слова (пришедшие из одного или другого варианта), ставшие частью стандартного английского языка (World Standard English – WSE).

В данной статье используется тот же критерий классификации юридических терминов. Большая часть юридических терминов совпадает по значению и используется и в британском, и в американском вариантах английского языка, так как правовая система США сложилась на основе норм, заимствованных из английского права.

Как показывает анализ материала, большинство юридических терминов употребляется с одинаковым значением в обоих вариантах. Примерами являются следующие термины, относящиеся к уголовному праву, процессуальному праву и договорному праву соответственно: *aid and abet* – помогать и содействовать, *abuse of process* – злонамеренное использование одной стороной процессуальных законов во вред противной стороне, *CIF (cost, insurance, freight)* – стоимость, страховка, фрахт (условия поставки).

Однако на развитие терминологической системы оказывают влияние различные экстралингвистические факторы. Вопреки устоявшемуся в терминоведении мнению, национально-культурная специфика юридического термина не может не проявляться даже в вариантах одного языка, обслуживающих разные государства со схожими правовыми системами (общее право) [8]. Этим объясняется появление различий в терминосистемах британского и американского права.

Иллюстрацией процесса развития терминосистем может послужить следующая категория, которую составляют термины, присутствующие в обоих вариантах английского языка, но с различными дефинициями. Например, термин *abduction* в британском варианте английского языка означает похищение и удержание другого лица и включает противоправное лишение свободы (*false imprisonment*), в то время как в американском варианте этот термин имеет более узкое значение: похищение ребенка, опекаемого или жены. Иногда понятие «похищение» ограничено похищением лиц женского пола с целью заключения брака, сожительства или проституции. Примером термина данной категории является также термин *debenture*: в британском варианте он означает долговой инструмент, как обеспеченный, так и необеспеченный, в то время как в американском варианте *debenture* используется для обозначения обеспеченного долгового инструмента, защищающего права держателя долгового обязательства.

Ряд юридических терминов сформировался в результате раздельного развития Соединенного Королевства и США. В результате одно и то же понятие обозначается разными терминами. Данные термины составляют третью категорию, к которой относятся многие термины корпоративного права.

Например, в Соединенном Королевстве и США для обозначения одних и тех же типов акций используются разные термины: *ordinary shares* и *preference shares* (бр.) соответствуют *common shares* и *preferred shares* (ам.).

По-разному называются дробление и консолидация акций: в британском праве используются термины *share subdivision* и *share consolidation*, в то время как в американском праве – *stock split* и *reverse (stock) split*.

Различные термины используются для обозначения деловых ассоциаций: *company* – в британском праве, *corporation* – в праве США.

Отличаются также названия учредительных документов: договор об учреждении обозначается в британском варианте термином *memorandum of association*, а в американском варианте *articles of incorporation* или *certificate of incorporation*; термину *articles of association* в британском праве соответствует в корпоративном праве США термин *bylaws*. Следует отметить, что термин *bylaw* существует в британском праве, но имеет значение *местный закон*.

Для обозначения отдельных отраслей права также используются разные термины, например, термину британского права *Competition law* в американском праве соответствует термин *Antitrust law*, а термину *Company law* – термин *Corporate law*.

Для дальнейшей иллюстрации многочисленных различий в юридических терминах, используемых в двух вариантах английского языка, приведем следующие примеры (табл. 2).

Таблица 2

Британские и американские юридические термины, обозначающие одни и те же реалии

British term	American term
CV (curriculum vitae)	résumé or resume
case note	case brief
bin raiding	dumpster diving
trade union	labor union
to lift the corporate veil	to pierce the corporate veil
redundancy	layoff
genuine occupational qualification	bone fide occupational qualification
charge	security interest
floating charge	floating lien
compulsory winding-up	involuntary bankruptcy
estate agent	realtor, real estate agent
hire purchase	installment plan
Inland Revenue	Internal Revenue Service
third-party insurance	liability insurance

Некоторые различия в юридической терминологии в двух вариантах возникли совсем недавно: в 1999 г. в Соединенном Королевстве были приняты Гражданские процессуальные нормы. В результате термин *plaintiff* (истец) был заменен термином *claimant*. В американском варианте по-прежнему используется термин *plaintiff*.

Четвертую категорию образуют термины, существующие только в одном варианте – британском или американском. Так, в праве США не могут существовать такие понятия британского права, как *Crown Court* или *Queen's Bench Division*. Только в американском варианте существует термин *blue sky laws* – законы, которые применяются в разных штатах для борьбы с мошенничеством в сфере рынка ценных бумаг. Следующий пример: в праве Англии и Уэльса (а также Австралии и Канады) существует термин *actual bodily harm* (*фактические/реальные телесные повреждения*), который отсутствует в американском праве. В качестве синонимов используются термины *injury* или *bodily injury*. В американском праве используется термин *injury*, который имеет более широкое значение: *любой вред, нанесенный другому лицу: личный вред репутации или собственности*.

В корпоративном праве Англии для обозначения видов компаний используются термины *private limited company (LTD)*, *public limited company (PLC)*, в США – *C corporation*, *S corporation*.

Целесообразно выделить и пятую категорию терминов, к которой следует отнести термины, используемые в основном в одном варианте английского языка, но встречающиеся и в другом варианте.

По-разному в двух вариантах английского языка называется профессия адвоката: британскому термину *solicitor* соответствует американский термин *lawyer*, термину *barrister* – *trial lawyer/trial attorney*. Однако нужно отметить, что термин *lawyer* также используется в Англии и Уэльсе, например, *a barrister is a lawyer who is qualified to plead on behalf of clients*. Следовательно, термин *lawyer* (адвокат) является частью стандартного английского языка (WSE). К данной категории можно отнести целый ряд юридических терминов: *bill* (AmE) – *note* (BrE) в значении *деньги*, хотя слово *note* также используется в американском варианте; термину *апеллянт* – *petitioner* (BrE) соответствует *appellant* (AmE), но также используется термин *petitioner*; термину *ответчик по апелляции* – *respondent* (BrE) соответствует *appellee* (AmE), но также используется слово *respondent*.

Термин *Administration* (AmE) – *администрация, правительство* может использоваться и в

британском варианте, так же как и *Government* (BrE) используется в американском варианте.

Для обозначения кредитного счета в британском варианте используется термин *credit account* (кредитный [ссудный] счет), в американском варианте ему соответствует термин *charge account*, который может также использоваться в британском варианте. Однако термин *credit account* не используется в американском варианте.

Характеризуя различия в юридической терминологии Соединенного Королевства и США, необходимо отметить и различие в правописании терминов (табл. 3).

Таблица 3

Различия в написании юридических терминов

BrE	AmE
cheque	check
defence	defense
endorsement	indorsement
misdemeanor	misdemeanor
trade mark	trademark
kidnapper	kidnapper/kidnapner

В заключение можно отметить наличие определенных особенностей в британской и американской юридической терминологии и

тенденцию к увеличению количества отличий в юридической лексике британского и американского вариантов английского языка. Подобного рода исследования представляются актуальными и перспективными, так как позволяют изучить своеобразие юридической терминологии, используемой в юриспруденции данных стран.

Список литературы

1. *Law J. Oxford Dictionary of Law*. 9th ed. Oxford University Press, 2018. 768 p.
2. *Gifis. S. H. Law Dictionary*. 5th ed. Barron's Educational Series, Inc., 2003. 591p.
3. Англо-русский словарь юридических терминов / под ред. Л. Д. Дегтяревой. М. : Проспект, 2021. 216 с.
4. Англо-русский глоссарий юридических терминов / под ред. Л. Д. Дегтяревой. М. : Британия Холдинг, 2012. 136 с.
5. *Krois-Lindner A. International Legal English*. Cambridge University Press, 2011. 336 p.
6. *Krois-Lindner A. Introduction to International Legal English*. Cambridge University Press, 2016. 160 p.
7. *Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press, 2019. 506 p.
8. *Максименко Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем : на материале английской и американской юридической терминологии : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 194 с.*

Поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 289–292
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 289–292
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-289-292>

Научная статья
УДК 811.161.1'34+811.111'34

Сравнительный анализ артикуляционно-акустических характеристик вокализма современных английского и русского языков (на материале биологической терминологии)

Э. С. Адзиева

Российская академия естествознания, Россия, 107078, г. Москва, ул. Садовая-Спасская, д. 21/1

Адзиева Эльвира Серажединовна, кандидат филологических наук, профессор, elfee777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5511-158X>

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ артикуляционно-акустических характеристик вокализма современных английского и русского языков (на примерах научного дискурса) с учетом комбинаторных и позиционных изменений, влияющих на характеристики безударного вокализма. Определен ряд типичных модификаций в тембральных, темпоральных, динамических и тональных характеристиках безударных языков. А именно: вариативность тембральных признаков гласного в зависимости от гласного русского языка, которому уподобляют его говорящие; увеличение продолжительности звучания безударных гласных; полнозвучное произношение (отсутствие процессов элизии и гаплоггии) слов в слабой позиции; недостаточная степень редукции гласных; вариативность и выразительность тональных характеристик безударных гласных. Теоретико-методологической базой исследования являются научные труды в областях фонологии, просодии, акустической теории речи, экспериментальной фонетики, учитывая проблематику взаимодействия компонентов интерферирующей фонетической системы в английском языке носителей русского языка с разным (высоким, средним и низким) уровнем фонетической компетенции. Применена комплексная методика экспериментально-фонетического исследования просодических признаков безударного вокализма в английской речи носителей русского языка. Методика проведения экспериментально-фонетического исследования включает использование эмпирических общенаучных методов (измерение, эксперимент), специальных методов аудитивного и акустического анализа (компьютерно-осциллографического и спектрального), метода количественного анализа обработки результатов фонетического эксперимента и лингвистической интерпретации результатов исследования. В работе проанализированы количественные показатели и степень указанных модификаций английского безударного вокализма в речи говорящих, учитывая уровень их фонетической компетенции и опыт общения на английском языке.

Ключевые слова: акустические характеристики, акцентная структура слова, аллофоническое варьирование, английская речь, аудитивный анализ, интенсивность, интерферирующая речь, безударный вокализм, просодические признаки

Для цитирования: Адзиева Э. С. Сравнительный анализ артикуляционно-акустических характеристик вокализма современных английского и русского языков (на материале биологической терминологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 289–292. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-289-292>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Comparative analysis of the articulatory-acoustic characteristics of the vocalism of the modern English and Russian languages (Based on biological terminology)

E. S. Adzieva

Russian Academy of Natural History, 21/1 Sadovaya-Spasskaya St., Moscow 107078, Russia,

Elvira S. Adzieva, elfee777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5511-158X>

Abstract. The article considers the comparative analysis of the articulation-acoustic characteristics of the vocalism of the modern English and Russian languages (on the examples of the scientific discourse), taking into account combinatorial and positional changes that affect the characteristics of unstressed vocalism, a number of typical modifications in the timbre, temporal, dynamic and tonal characteristics of unstressed languages are identified. Namely: the variability of the timbre features of the vowel depending on the vowel of the Russian language, to which it is assimilated by the speaker; increasing the duration of unstressed vowels; full-sounding pronunciation (absence of elision and haploggy processes) of words in a weak position; insufficient degree of the reduction of vowels; variability and expressiveness of the tonal characteristics of unstressed vowels. The theoretical and methodological basis of the study is the scientific works in the fields of phonology, prosody, acoustic theory of speech, experimental phonetics, taking into account the problems of interaction between the components of the interfered phonetic system in the English language of Russian speakers with different (high, medium and low) levels of phonetic competence. The paper uses a complex methodology of the experimental phonetic study of the prosodic features of unstressed vocalism in the English speech of the Russian

language speakers. The methodology for conducting experimental phonetic research includes the use of empirical general scientific methods (measurement, experiment); special methods of auditory and acoustic analysis (computer-oscillographic and spectral), the method of quantitative analysis of processing the results of a phonetic experiment and the linguistic interpretation of the results of the study. The paper analyzes the quantitative indicators and the degree of these modifications of English unstressed vocalism in speech, taking into account the level of their phonetic competence and the experience of communicating in English.

Keywords: acoustic characteristics, word stress structure, allophonic variation, English speech, auditory analysis, intensity, interfered speech, unstressed vocalism, prosodic features

For citation: Adzieva E. S. Comparative analysis of the articulatory-acoustic characteristics of the vocalism of the modern English and Russian languages (Based on biological terminology). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 289–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-289-292>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Теоретико-методологической базой исследования являются научные труды в областях фонологии, просодии, акустической теории речи, экспериментальной фонетики, учитывая проблематику взаимодействия компонентов интерферирующей фонетической системы в английском языке носителей русского языка с разным уровнем фонетической компетенции. В работе применена комплексная методика экспериментально-фонетического исследования просодических признаков безударного вокализма в английской речи носителей русского языка, которая базируется на методах морфологического анализа и синтеза систем с использованием элементов общенаучных (абстрагирование, обобщение, формализация) и эмпирико-теоретических методов (анализ, синтез, сравнение).

Ввиду того что количество носителей английского языка значительно меньше тех, кто общается на английском как иностранном, возникает интерес к его исследованию в контексте межъязыковой коммуникации. Ориентация на международные стандарты обучающей и профессиональной сфер обуславливает рост спроса на изучение английского языка как языка международного общения.

Необходимость межкультурного общения вызывала потребность в новых взглядах на взаимодействие языковых систем, в частности фонетических, и выявление произносительных отклонений, характеризующих английскую речь носителей разных языков мира. Поскольку фонетическая интерференция является неотъемлемой характеристикой английской речи носителей русского языка, а ее проявления зависят от многих факторов, естественно, изучение этого явления привлекает внимание фонетистов, исследующих английскую речь.

Несмотря на внимание лингвистов к изучению фонемного состава и характерных процессов в фонетической системе в целом, типичные признаки интерферирующей речи, а именно сегментные особенности и коммуникативный аспект их произносительного акцента, специфика фонетического проявления интерференции, ее перцептивные признаки, когнитивные и комму-

никативно-прагматические аспекты в английской речи являлись предметом немногочисленных исследований в отечественном языкознании. Таким образом, в современной лингвистике нет окончательно сформированного четкого представления о функционировании английского безударного вокализма, поскольку ее просодические признаки в речи русскоговорящих, в зависимости от уровня их фонетической компетенции, не были предметом отдельного научного труда.

Исследование этих направлений позволит пополнить языковедческую науку знаниями закономерностей и специфики функционирования интерферирующей системы безударного английского вокализма и использовать полученные знания для практического решения проблем корректного просодического оформления английской речи русскоговорящих.

Тенденции современной лингвистики к изучению межкультурной коммуникации и межъязыкового взаимодействия обуславливают актуальность нашего исследования, направленного на выявление характерных модификаций в реализации английского безударного вокализма и их влияния на просодическое оформление английской речи у русскоговорящих. Недостаточное раскрытие вопросов взаимодействия английского и русского безударного вокализма, их акустических характеристик, функционирования в речи и влияния на просодическое оформление высказываний обуславливает необходимость проведения отдельного экспериментально-фонетического исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на материале интерферирующей речи осуществлен комплексный анализ просодических признаков безударного вокализма в английской речи.

Учитывая, что исследование характеристик аллофонов обычно начинается с определения их позиции в структуре слова, рассмотрение проблемы функционирования безударного вокализма осуществляется в рамках акцентной структуры слова, т. е. в связи с ударением. Реализация английских гласных в сильных и слабых позициях исследовалась в работах А. С. Ахмановой [1],

Ю. А. Клейнера [2], А. Cruttenden [3], D. Crystal [4], М. Gordon [5], М. Hammond [6], D. Jones [7].

Тенденция к сокращению длинных гласных в безударных слогах, их ослабление и изменение качества, а также приближение коротких гласных к центральным [ə], [i] наблюдалась на протяжении всех периодов формирования английского вокализма, что объясняет частоту их употребления в современной английской речи или полное выпадение в слабых позициях. Процесс редукции стал характерной особенностью безударного английского вокализма. Разница в подходах к лингвистическому определению явления редукции освещает значение этого процесса для фонетической системы изучаемого учеными языка.

Некорректное произношение аллофонов безударных гласных в разном комбинаторно-позиционном окружении, специфика их коартикуляции, недо- и предифференциация, реинтерпретация и субституция становятся главными причинами проявления фонетической интерференции в реализации английских гласных.

Артикуляционная база как особый вид активности речевого аппарата отражает специфику фонетической системы языка. В зарубежном языкознании для обозначения артикуляционной базы языка употребляется термин *articulatory setting* «артикуляционная установка» [4], подразумевающая общую конфигурацию всех артикуляторных органов по отношению друг к другу. В исследованиях артикуляционной базы выделяют два основных аспекта: статику – определенное фиксированное положение органов речи непосредственно перед фонацией, постоянно поддерживаемой также во время речи – артикуляционный уклад; и динамику – совокупность привычных для каждого конкретного языка артикуляций.

Критический обзор теоретических источников по проблематике исследования английского и русского вокализма позволил выявить общие и отличительные черты в характеристиках безударных гласных. Так, имеется общее наличие гласных [i], [u], [e], [ɔ], хотя их акустические, артикуляционные и просодические характеристики не совпадают. Для обоих языков характерны процессы аккомодации и редукции в безударных слогах, но степени их проявления отличаются. С другой стороны, ключевыми для связной английской речи являются процессы элизии безударных гласных и гаплоггии, не типичные для русской речи.

Исследование просодических особенностей безударных английских гласных в речи осуществлено на материале подготовленной речи, а именно чтение TED Talks. Для выявления характерных признаков безударного вокализма в английской речи носителей русского языка темпоральные, динамические и тональные показатели реализо-

ванных ими аллофонов гласных были сравнимы с показателями аллофонов в речи носителей британского варианта английского языка.

Специфика просодических признаков безударного вокализма в английской речи носителей русского языка изучалась с применением экспериментально-фонетических методов, в частности аудитивного и акустического анализов. Результаты исследования позволили оценить просодические характеристики безударных английских гласных в интерферированной речи носителей русского языка. Во время прослушивания озвученных текстов аудиторы-фонетисты осуществляли их членение на синтагмы, фразы и ритмогруппы согласно реальному звучанию интерферированной английской речи носителей русского языка.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что наибольшие трудности сегментации предложенных текстов возникали у читателей в сложноподчиненных предложениях, где почти нет пунктуационных знаков. Формирование синтагм происходило произвольно и отличалось значительным образом даже у говорящих из одной группы. Так, например, в приведенном предложении носители британского варианта английского языка выделяют 7 синтагм, тогда как носители русского языка с низким уровнем фонетической компетенции – от 12 до 14:

Investigating animals living| in their natural habitat| is challenging| since| they are hard| to identify individually| and follow for long periods. Zoos represent a good alternative| for those studies| since| they keep track| of animals' activities and|, most importantly|, medical records| and necropsy information [8].

Изучение жизни животных| в их естественной среде обитания | сложно | так как | их трудно идентифицировать индивидуально и следовать в течение длительного периода времени. Зоопарки представляют собой хорошую альтернативу| для тех исследований| так как| они отслеживают активность животных и|, самое главное|, медицинские записи| и данные вскрытия.

Анализ синтагматического членения речи установил, что ориентация только на пунктуационную систему влечет отклонение в акцентной структуре предложений и смещение фразовых и логических ударений. Членение интерферированной английской речи и определение мест ударения стало основанием для дальнейшего изучения фонетических модификаций слов.

При проведении аудитивного анализа было отмечено, что избыточное ударение слов придает английской речи иноязычное звучание и приводит к нарушению речевого ритма.

На следующем этапе проводилось исследование особенностей структуры ритма британского варианта английского языка. Установлено, что более половины всех ритмических групп в озвученных текстах независимо от уровня фонетической компетенции образованы проклетическим способом.

Анализ засвидетельствовал, что прежде всего изменения претерпевают просодические признаки аллофонов фонемы [i] в префиксальной морфеме *ep-* перед ударением, в суффиксах *-ly*, *-tu* и флексиях *-ing*, *-ed* после ударения. Также, изучению подлежали реализации нейтрального [ə] в предударных (указанный на письме графемами *e*, *o*, *a*) и послеударных слогах (суффиксах *-ful*, *-less*, *-ness*).

В общем, в произношении аллофоны безударного *i* гласного [i] тяготеют к верху трапецеида и продвигаются вперед, варьируя по показателям обоих формантов. Полученные результаты также позволяют утверждать, что акустические характеристики безударного [ə] в двусложных словах независимо от позиции имеют общую тенденцию к продвижению аллофона вперед и более высокому поднятию.

В результате акустического анализа слов иноязычного происхождения установлено, что в английской речи русскоговорящих сохраняется тенденция приближения произношения безударных английских гласных к похожим по звучанию гласным русского языка, за исключением группы слов, которые имеют в безударных слогах полнозвучные гласные. Отмечены также уподобление звучания безударных гласных в разном комбинаторно-позиционном окружении (недодифференциация) и отсутствие сглаживания в дифтонгах.

В результате проведенного экспериментально-фонетического исследования установлено, что в иноязычной речи русскоговорящие ориентируются на фонетические правила родного языка, уподобляя просодические признаки безударных громких звуков английского подобным звукам родного языка. Такие модификации связаны с артикуляционными характеристиками безударных гласных в интерферированной речи и производят впечатление иностранного произношения.

Анализ безударных гласных позволяет утверждать, что среди просодических признаков, характерных для всех групп носителей русского языка, можно выделить увеличенную продолжительность безударных гласных в словах, где словообразующую (словоизменяющую) функцию выполняет сонорный согласный из-за выпадения гласной. Зарегистрировано отклонение в темпоральных признаках безударных гласных в слабых формах безударных слов. В произношении прояв-

ляется изменение тональных признаков гласных в словах иноязычного происхождения и недостаток редукации и отсутствие случаев элизии гласных и гаплоггии, что можно считать характерным для интерферированной английской речи русскоговорящих.

Например *probably* в результате получится *pro-bab-lee*, а если проговорить это слово быстрее, средняя безударная гласная получится менее внятной: *pro-buh-blee*.

Явление гаплоггии объясняет существование не только *probly*, но и *libry* (*library*), *nesry* (*necessary*), *interpretive* (*interpretative*), *pacifist* (*pacifistic*), *humbly* (*humblely*) [9].

Дальнейшие исследования по этой проблематике могут быть направлены на выявление влияния модификаций английского безударного вокализма на интонирование речи, корректное синтагматическое членение речевого потока, особенности функционирования безударных гласных и слабых форм служебных слов в дискурсах разных видов. Перспективным направлением дальнейших научных исследований является также изучение просодических признаков английского безударного вокализма в спонтанной речи.

Список литературы

1. Ахманова А. С. Словарь лингвистических терминов. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_18.htm (дата обращения: 14.03.2022).
2. Клейнер Ю. А. Очерки по общей германской просодике. URL: <http://genling.spbu.ru/phonolog/publications/Kleiner2018.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).
3. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 6th ed. London : Arnold, 2001. 336 p.
4. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation. Cambridge University Press, 1969. URL: <https://www.jstor.org/stable/412577?origin=crossref> (дата обращения: 14.03.2022).
5. Gordon M. J. Investigating chain shifts and mergers. URL: https://www.blackwellpublishing.com/content/bpl_images/Content_Store/WWW_Content/9780631218036/12Chap09.pdf (дата обращения: 14.03.2022).
6. Hammond M. The Phonology of English: A Prosodic Optimality – Theoretic Approach. Oxford : Oxford University Press, 1999. 368 p.
7. Jones D. An Outline of English Phonetics. 9th ed. Cambridge University Press, 1997. 378 p.
8. Почему английские слова *probably* и *library* мы часто произносим как “*probly*” и “*libry*”? URL: <http://news.flarus.ru/?topic=3689> (дата обращения: 14.03.2022).
9. Are zoos a good thing? URL: <https://learnenglishteens.britishcouncil.org/skills/reading/upper-intermediate-b2/are-zoos-good-thing?page=2> (дата обращения: 28.02.2022).

Поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

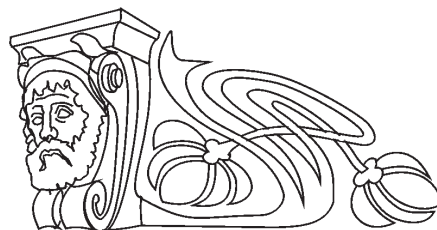
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–300
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–300
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-293-300>

Научная статья
УДК 811.112.2'276.1

Место китцдойч в рамках литературного немецкого языка

В. С. Загуменкина ✉, Е. В. Белецкая

Тверской филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Вагжанова, д. 7

Загуменкина Валентина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и управления, Valentina_Z_87@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-7563>

Белецкая Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры государственной политики и управления, Beletskaya-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6355-2169>

Аннотация. В статье анализируются основные определения понятия «языковая норма» отечественных и зарубежных лингвистов начала XX – XXI вв. Так, рассматривается дихотомия Ф. де Соссюра «язык» и «речь», на основе которой строилось большинство исследований понятия «норма». Анализируются определения нормы, данные Э. Косериу, представителями Пражского лингвистического кружка. Социальная и динамическая природа языковой нормы раскрывается в определениях отечественных ученых: А. М. Пешковского, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и В. И. Даля, Л. В. Щербы, Л. И. Скворцова. Рассматривается соотношение динамизма и устойчивости и стабильности в отношении языковой нормы. Подчеркивается, что именно языковая норма, являющаяся основой таких понятий, как «правильность/неправильность речи», «культура речи», обеспечивает целостность любой языковой системы. Отдельно выделяется литературно-языковая норма, которой приписываются качества особой правильности. Определяется соотношение литературной нормы и диалектов. Рассматривается понятие литературной нормы в немецкой лингвистике, а также ее значимость в современном немецком языке. Анализируются понятия «литературный (кодифицированный) немецкий язык», «стандартный язык», а также «Hochsprache/Hochdeutsch». В статье рассматривается китцдойч как результат негативного влияния на немецкий язык политических процессов, происходящих в Германии. Китцдойч определяется как социальный диалект, возникший в результате неполной языковой интеграции мигрантов и основанный на смешении грамматических, лексических и стилистических особенностей двух и более языков. На основе анализа текстов выявляются лингвистические особенности социолекта «китцдойч» на лексическом, морфологическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Определяется место китцдойч в просторечии немецкого литературного языка.

Ключевые слова: языковая норма, культура речи, литературный язык, динамическая норма, стандартный немецкий язык, китцдойч, языковые уровни

Для цитирования: Загуменкина В. С., Белецкая Е. В. Место китцдойч в рамках литературного немецкого языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–300. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-293-300>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The place of kitzdeutsch in the literary German language

V. S. Zagumenkina ✉, E. V. Beletskaya

Tver branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 7 Vagzhanova St., Tver 170100, Russia

Valentina S. Zagumenkina, Valentina_Z_87@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-7563>

Elena V. Beletskaya, Beletskaya-ev@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6355-2169>

Abstract. The article analyzes the main definitions of the concept of „language norm“ by domestic and foreign linguists of the early 20–21st centuries. Thus, the dichotomy of F. de Saussure “language” and “speech” is considered, on the basis of which most studies of the concept of “norm” were built. The definitions of the norm given by E. Coseriu, representatives of the Prague Linguistic Circle are analyzed. The social and dynamic nature of the language norm is revealed in the definitions of Russian scientists: A. M. Peshkovsky, S. I. Ozhegov, D. N. Ushakov and V. I. Dal, L. V. Shcherba, L. I. Skvortsov. The ratio of dynamism and stability in relation to the language norm is considered. It is emphasized that it is the language norm, which is the basis of such concepts as the correctness/incorrectness of speech, the culture of speech, that ensures the integrity of any language system. The literary and linguistic norm is singled out, to which the qualities of special correctness are attributed. The ratio of the literary norm and dialects is determined. The concept of the literary norm in German linguistics, as well as its significance in the modern German language,

is considered. The concepts of literary (codified) German, standard language, as well as Hochsprache/Hochdeutsch are analyzed. The article considers kitzdeutsch as a result of the negative impact on the German language of the political processes taking place in Germany. Kitzdeutsch is defined as a social dialect resulting from the incomplete linguistic integration of migrants and based on a mixture of grammatical, lexical and stylistic features of two or more languages. Based on the analysis of texts, the linguistic features of the kitzdeutsch sociolect are revealed at the lexical, morphological, syntactic and phonetic levels. The place of kitzdeutsch in German literary language is determined.

Keywords: language norm, speech culture, literary language, dynamic norm, standard German, Hochdeutsch, Kitzdeutsch, linguistic levels

For citation: Zagumenkina V. S., Beletskaya E. V. The place of kitzdeutsch in the literary German language. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–300 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-293-300>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Существование языкового идеала у говорящих – вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время существования.

А. М. Пешковский

Язык любого народа, будучи многослойным, многоуровневым и одновременно целостным явлением, отражает его своеобразие и индивидуальность, является частью его культуры. Практически у каждого носителя того или иного языка есть представление о языковом идеале. Именно этот языковой идеал или языковая норма обеспечивает целостность сложной языковой системы. Языковая норма является основой таких понятий, как «правильность/неправильность речи», «культура речи».

Обычно качества особой правильности приписываются литературно-языковой норме – это «традиционно сложившаяся система правил использования языковых средств, которые признаны обществом в качестве обязательных» [1]. Это эталон правильности речи. Литературный язык соединяет поколения людей, и поэтому его нормы, обеспечивающие преемственность культурно-речевых традиций, должны быть как можно более устойчивыми и стабильными. В случае соответствия речи нормам литературного языка можно говорить о культуре речи. «Это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в той или иной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [2, с. 57]. Важно не только знание языковых норм, но и умелое использование их в устной речи, т.е. владение ими. Культура речи предполагает высокий уровень общей культуры человека, культуру его мышления, знание языка.

В истории зарубежной лингвистики было несколько попыток обратиться к проблеме языковой нормы и дать определение этому поня-

тию. Так, в начале XX в. Фердинанд де Соссюр, основатель структурализма, проводит различие между языком «langue» как системой правил и знаков и речью «parole» как конкретной реализацией языка. При этом под термином «язык» понимаются и норма, и система. Согласно Соссюру, «язык» – это общий кодекс, который знают все члены языкового сообщества, это социальный продукт, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом для того, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности [3]. Как видим, Соссюр только косвенно касался проблемы языковой нормы. Однако дальнейшие исследования нормы были основаны на его дихотомии «язык» и «речь».

С середины XX в. понятие нормы начинает трансформироваться в специальное лингвистическое понятие, отражающее план языковой реализации и различным образом соотношенное с понятиями схемы [4] или системы языка [5], в которых нашло свое выражение представление о его внутренней организации. Например, норма определяется Э. Косериу как система обязательных реализаций, принятых в данном коллективе и данной культурой [6, S. 11]. В понимании Косериу норма не имеет предписывающего характера. А речь – это индивидуально-конкретная реализация нормы [6, S. 9]. Норма, по Косериу, включает в себя все, что является нормальным и обычным в языковом сообществе. Согласно его определению, норме свойственны: системность, связь с языком-структурой, социальность, историчность. Основные мысли Косериу по проблеме нормы нашли широкое признание в лингвистике.

Представители Пражского лингвистического кружка, одного из самых влиятельных течений в лингвистике, также внесли свой вклад в решение проблемы языковой нормы. Пражцы поддерживали функциональный взгляд на норму, источник нормы они видели в узусе, который понимался как конкретное, прямое использование языка [7]. Обсуждение норм представители Пражского кружка проводили на

фоне разграничения устной и письменной речи. Так, Й. Вахек [8] и Б. Гавранек [9] различают две формы существования языка, которые имеют две разные, но взаимосвязанные нормы: норму разговорной речи и норму письменной речи. Норма письменного языка имеет более высокую степень функциональной дифференциации, чем норма разговорного языка, требует более глубокого понимания нормы и обладает большей облигаторностью. Представители Пражской школы исходили не из языковой нормы, а из норм всех форм существования языка. Они говорили о норме социолекта, диалекта, функционально определенного стиля, разговорного или письменного языка. Следовательно, существуют разные «страты», каждая из которых имеет свою норму.

В отечественном языкознании основные подходы к определению нормы были сформулированы к середине XX в. А. М. Пешковским был сделан акцент на социальной и динамической сторонах понятия «норма», которые и придают живость национальному языку. Он определял норму так: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [10]. Нормативность не связана с неподвижностью норм. Также А. М. Пешковский подчеркивал значимость литературного наречия в сохранении целостности национального языка: «Литературное наречие <...>, понятное всюду, оно непосредственно воздействует на местные наречия и говоры, нивелируя их своим влиянием и задерживая процесс дифференциации» [10].

Мысль о социальной природе нормы прослеживается также в определениях изучаемого термина, приведенных в толковых словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и В. И. Даля. Важно, что ни в одном из указанных словарей понятие «норма» не отнесено к лингвистическим терминам. Согласно С. И. Ожегову, «норма – это узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь» [11]. Подобное определение дают в своих словарях Д. Н. Ушаков: «узаконенное установление» [12] и В. И. Даль: «общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях; образец или пример» [13]. Похожее определение нормы, но с лингвистической точки зрения, встречается в энциклопедии «Русский язык»: «Норма (языковая), норма литературная – принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматические и другие языковые средства, правила словоупотребления» [14, с. 163].

Интересным является определение нормы, которое дает С. И. Ожегов в статье «Очередные вопросы культуры речи»: «...норма – это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [15, с. 259–260]. С. И. Ожегов подчеркивает социальный характер нормы: употребление тех или иных форм – это сознательный выбор носителей языка. Норма в данном понимании не «навязывается» сверху, это то, что формируется непосредственно в живой среде существования языка, в речи. Об этом же говорил и Л. В. Щерба. В своих трудах он призывал изменять «кодекс наших орфоэпических норм» [16, с. 111] в соответствии с теми изменениями, которые происходили в современном ему языке под влиянием исторических событий. Норма – это свободный выбор социума. Л. В. Щерба разделял понятия «норма» и «кодекс». Норма – это часть системы языка, речевой деятельности, это совокупность вариантов, которые используются конкретным обществом в конкретной исторической обстановке. «Кодекс» – это узаконенный свод правил.

Про языковые варианты в пределах нормы и про функциональный взгляд на норму писал также Л. И. Скворцов [17]. Он ввел понятие динамической нормы, включая в него и признак потенциальных возможностей реализации языка. Языковая норма, понимаемая в ее динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами – с другой [17]. Понимание динамической природы нормы включает как статику (систему языковых единиц), так и динамику (функционирование языка). Функциональный аспект нормы связан с таким явлением, как вариантность. Норма выступает в виде двух списков – обязательного и допустимого (дополнительного). В этом – источник вариантов в пределах нормы.

Норма не является исключительной принадлежностью литературного языка. Существуют также нормы «народного» языка (имеются в

виду различные формы диалектно окрашенной речи). Однако литературная норма какого-либо языка обязательна для всех носителей этого языка, а жаргоны и диалекты – лишь для определенной группы людей, в рамках определенной ситуации. В этой связи регламентирующий характер литературной нормы подчеркивается в определении О. С. Ахмановой: «Норма – принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [18, с. 258]. К понятию языковой нормы в ее традиционном понимании (как эталон, идеал использования языковых средств) жаргоны и диалекты не могут быть отнесены. То, что является нормой для диалектов, не является нормой для литературного языка, а зачастую и противоречит ей. Узус диалектов характеризуется только интуитивным представлением о правильном и неправильном, ослабленной императивностью, избыточной вариантностью, не привязанной к стилям и коммуникативным участкам [19]. Только литературная норма четко определяет понятия правильности и неправильности, основываясь именно на литературной норме, можно дать оценку эстетичности речи. Только литературная норма является идеалом, к которому интуитивно стремится каждый член языкового сообщества. Диалекты лишь составляют периферию литературной нормы.

Однако в современном как российском, так и европейском обществе отношение к языковой норме и к культуре речи резко изменилось. Понятие языковой нормы, которое веками разрабатывали и отечественные, и зарубежные лингвисты, потеряло свою нормативную функцию, расширилось и упростилось. Постепенно стираются грани между правильным и неправильным в речи. А понятие культуры речи исчезает. Подтверждением тому являются процессы, происходящие в современном немецком языке. Так, в Германии в последнее время наблюдается значительное увеличение и без того большого количества диалектов, социолектов, молодежных сленгов и т.д., в которых норма стандартного или кодифицированного немецкого значительно искажена на всех языковых уровнях.

В немецкой лингвистике не существует единого понятия «литературный язык». Так, есть понятие *deutsche (kodifizierte) Literatursprache* (литературный (кодифицированный) немецкий язык) – это язык немецкой литературы, формировавшийся на протяжении всей истории немецкого (верхненемецкого) языка,

характеризующийся строгими письменными и устными нормами [20]. Также есть понятие *Standardsprache* (стандартный язык), который отличается от литературного тем, что является более сухим, деловым, в то время как литературный немецкий свободен в выборе средств выразительности. Существует также термин *Hochsprache/Hochdeutsch* – высокий язык, язык художественной литературы, самый чистый язык. Он относится к литературному немецкому языку и не запятнан диалектами. *Hochdeutsch* – основное средство передачи информации в СМИ, литературе, образовании и бизнесе. То есть все три понятия отграничены от диалектов и никоим образом с ними не пересекаются. Несмотря на отсутствие единого понятия «литературный язык», в сознании немецкого народа всегда было представление о «чистом» немецком, соответствующем языковой норме, о языковом идеале. При этом языковая норма определяется немецкими исследователями как социальное, надындивидуальное явление, образующее «всеобъемлющую крышу, которая обеспечивает диалог и взаимопонимание внутри общества <...>» [7].

Изменение отношения к языковой норме в современном немецком сообществе связано, в первую очередь, с политическими процессами, происходящими в стране. В Германию прибывает большое количество мигрантов турецкого и арабского происхождения, большинство из которых не заинтересованы в изучении немецкого языка. В результате такой неполной языковой интеграции мигрантов возникают особые социальные диалекты, основанные на смешении грамматических, лексических и стилистических особенностей двух и более языков.

Одним из примеров таких современных социальных диалектов является *кицдойч (Kiezdeutsch)*. В переводе *Kiezdeutsch* означает «немецкий язык жилых кварталов». Он зародился в многонациональных районах больших городов Германии среди мигрантов. О *Kiezdeutsch* лингвисты стали говорить с 1990-х гг. [21]. Считается, что *кицдойч* произошел от социолекта *Kanak Sprak* (ругательное слово «*Kanake*» обозначает человека слишком «южной» наружности). Этот ломаный сленг используют турецкие мигранты, плохо говорящие на немецком языке [21]. Однако на *кицдойч* говорят не только выходцы из мультиэтнических районов больших городов Германии, но и немецкая молодежь, в том числе владеющая литературным немецким, вне зависимости от своего происхождения. Главным источником распространения *Kiezdeutsch* яв-

ляются Интернет, комиксы и комедийные шоу. Данный диалект часто встречается в текстах песен, стенд-ап шоу и фильмах.

Лингвистическими особенностями Kiezdeutsch является упрощенная, иногда ломаная грамматика, нарушенный порядок слов, свободное построение предложений, использование неологизмов и заимствований [22]. На всех языковых уровнях в кицдойч выражена тенденция к экономии средств языкового выражения. При этом общий смысл высказывания не искажается.

На лексическом уровне для рассматриваемого социолекта свойственно упрощение и сокращение лексических единиц. Так, зачастую при обозначении места, времени и направления опускаются предлоги (как правило, вместе с артиклем): «Um sieben Uhr steh ich auf, geh Schule» (вместо «<...> stehe ich auf, gehe in die Schule»). «Wenn ich Grundschule war...» («Wenn ich in der Grundschule war...»). Имеется большое количество арабских или турецких заимствований: lan (слово из турецкого языка, используемое для обозначения немецких слов Kerl/Typ – парень/чувак), wallah (по-арабски – Аллах, в кицдойч используется для выражения подтверждения, эквивалент немецкому слову echt), yallah (с арабского – «о, Аллах», используется для побуждения к действию, эквивалент немецкого слова «Los!»). Часто используются глаголы machen и haben вместо других смысловых глаголов (например: «Machst du rote Ampel?» вместо «Gehst du bei Rot über die Straße?»; «Hast du U-Bahn?» вместо «Nimmst du die U-Bahn? / Fährst du mit der U-Bahn?»). Частицы mal, denn, so также встречаются чаще, чем в стандартном немецком. При этом частица so выражает особую экспрессивность, но не добавляет никакого дополнительного смысла в предложение: «Ich höre Alpa Gun, weil der so aus Schöneberg kommt» или «So aus Spaß». В первом предложении частица so можно перевести на русский как «же», она усиливает экспрессивность высказывания: «Я слушаю Альпа Гун, т.к. он же из Шёнеберга». Во втором – перевод близок к русскому слову «так» – Так, ради шутки / Так, по приколу.

На морфологическом уровне особенностью кицдойч является склонность к редуцированным разговорным формам. Часто встречается неправильное употребление форм грамматического времени и категориальных форм склонения и спряжения. В Kiezdeutsch имеется тенденция не использовать определенный артикль. Но определенные артикли могут использоваться как замена личных местоимений.

Неопределенный артикль сливается в потоке речи с предшествующим словом. Наблюдается упрощение форм глаголов, а также слияние их с другими членами предложения (особенно с личными местоимениями). Например, вместо «ich schreibe» можно услышать «ischreib». Для побуждения к совместному действию используется выражение «lassma» (некоторые исследователи его называют фиксированным словом, частицей), образованное от полной формы «lass uns mal». Для инициирования деятельности собеседника используется лексическая единица (или также – частица) «musstu», образованная от «musst du (тебе нужно)». При этом «musstu» также может использоваться при обращении к нескольким слушателями (в стандартном немецком используем «müsst ihr»). Устойчивое выражение «es gibt» сокращается и становится «gibs». Глагол «sein» в значении «быть, существовать» вообще не используется. Kiezdeutsch характеризуется усилением тенденций редуцировать флексии. У притяжательных местоимений отсутствует постфикс, который указывает на род существительного (например, Das ist mein (вместо meine) Nase), а у глаголов первого лица единственного числа отсутствует окончание («Ich sag dir»).

Для синтаксического уровня характерно отсутствие развернутых и осложненных синтаксических структур. Чаще употребляются односоставные и даже однословные предложения. Встречается инверсия: последовательность «предикат – субъект» вместо «субъект – предикат». Прямая речь используется вместо косвенной.

На фонетическом уровне в диалекте Kiezdeutsch звук [r] в конце слов не вокализуется, а в начале слов произносится апикально (звук, близкий к русскому «р»). Характерной особенностью является замена звука [ç] (Ich-Laut) звуком [ʃ] (например, rischtig вместо richtig). Также звук [ts] редуцируется до звука [s]. Для кицдойч характерен ритм стаккато. Слова при данном ритме произносятся отрывисто и резко.

Итак, особенности кицдойч на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом языковых уровнях отличаются от особенностей литературного языка. При этом лингвистические особенности рассматриваемого социолекта не являются исчерпывающими, они могут варьировать в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего.

Приведем пример анализа лингвистических особенностей текста на Kiezdeutsch [22]:

Kiezdeutsch	Standartsprache (наш текст)
<p>– nein isch hatte mal in der ubahn eine deutsche frau geschlgn. – Warum denn? – wir standen ubahnhof hermannplatz, nee rathaus neuköln. Wir wollten rischtung hermannplatz fahn. Isch hab da noch ne sigarette inna hand. Kommt so ne alte omideutsche un sagt su mir du scheiss auslända, mach deine sigarette aus un denn geh dahin in eure heimat. Un denn kam ja sowieso die ubahn schon, da ha isch ausgemacht un steige ein auf einma kommt sie un gibt mir eine schELLE.</p> <p>– sie dir? – ja ja. Die kommt die ganze zeit auf mich rauf un isch hab ihr denn ein kick gegeben zwei ... – die sin schimm oma und opa – un danach sa.. denn saß ich swei wochn in lichterrade in jugendknast drin. – hm – Un danach musst isch strafabelt machen.</p>	<p>– Nein, ich habe mal in der U-Bahn eine deutsche Frau geschlagen. – Warum denn? – Wir standen auf dem U-Bahnhof Hermannplatz, in der Nähe vom Rathaus Neuköln. Wir wollten Richtung Hermannplatz fahren. Ich hatte da noch eine Zigarette in der Hand. Da kam eine alte deutsche Frau und sagte zu mir: „Du, Scheißausländer, lösche deine Zigarette und kehre in deine Heimat zurück“. Dann kam schon die U-Bahn, ich löschte meine Zigarette und wollte schon einsteigen, aber da kam auf einmal diese Frau und gab mir eine Schelle. – Sie dir? – Ja, ja. Sie kam die ganze Zeit auf mich rauf und ich gab ihr ein paar Kicke. – Sie sind schlimm, diese Omas und Opas. – Und danach musste ich zwei Wochen in Lichtenrade im Jugendknast sitzen. – Hm... – Und danach musste ich eine Strafarbeit machen.</p>

Анализируемый диалог представляет собой текст переписки двух молодых людей не немецкого происхождения (обращение к одному из них – «Ausländer»). В диалоге сразу бросается в глаза неправильное правописание слов, в первую очередь, практически полное отсутствие заглавных букв, а также пропуск и неправильная замена букв (schimm вместо schlimm, lichterrade вместо Lichtenrade). Знаки препинания также проставлены только в конце предложений, и то, не везде. В середине предложений знаки препинания отсутствуют.

На фонетическом уровне звук [ç] заменен звуком [ʃ] (Isch вместо Ich). Наблюдается редуцирование окончаний: fahn, geschlgn, sin, hab ha, un, auslända, einma, wochn; а также звука [ts] до звука [s]: sigarette, su, swei.

На лексическом уровне опускаются предлоги и артикли при обозначении места (wir standen ubahnhof, nee rathaus neuköln). В выражении «inna hand» соединены предлог и артикль. Часто встречаются частицы mal, so, ja и особенно denn (nein isch hatte mal in der ubahn...; kommt so ne alte omideutsche; ... un denn geh dahin in eure heimat; un denn kam ja sowieso die ubahn schon; denn saß ich swei wochn...). При этом частица denn (же) перепутана с наречием dann (затем). Все они выражают особую экспрессивность, относят текст к разговорной речи и не добавляют никакого дополнительного смысла предложению. Интересными являются слова «omideutsche» и «strafabelt». Слова «omideutsche» в стандартном немецком нет, оно составлено из двух слов: «Oma» (бабушка) и «Deutsche» (немка), т.е. по-

жилая немка. Слово «strafabelt» является редуцированным словом от слова Strafarbeit и созвучно с ним. Глагол «machen» используется в более широком значении и в выражении «mach deine sigarette aus» заменяет глагол «löschen». Также глагол «gehen» употребляется вместо глагола «kehren» (un denn geh dahin in eure heimat). Также встречаются словосочетания, относящиеся к разговорному стилю: eine Schelle geben (дать оплеуху), а также с пониженной стилистической окраской (Scheißausländer).

На морфологическом уровне встречается, в первую очередь, неправильное употребление форм грамматического времени и форм склонения и спряжения. Так, например, в предложении «isch hatte mal in der ubahn eine deutsche frau geschlgn» употреблен Plusquamperfekt (хотя предложение не выражает предшествование, в предложении не описывается давно произошедшее действие) вместо Perfekt. Далее наблюдается смешение времен: Präteritum переходит в Präsens, в некоторых местах появляется Perfekt (хотя идет рассказ о действии, которое произошло в прошлом). В предложении «geh dahin in eure heimat» выбрано неправильное притяжательное местоимение (eure вместо deine), а в предложении «isch hab ihr denn ein kick gegeben» слово ein kick употреблено в номинативе вместо акузатива (einen Kick). В некоторых предложениях опускаются как определенные, так и неопределенные артикли (in jugendknast – in dem Jugendknast; strafabelt machen – eine Strafarbeit machen). Личное местоимение «sie» (и единственного, и множественного числа) часто заменяется определенным

артиклем «die» (Die kommt die ganze zeit...; die sin schimm oma und ora). У некоторых глаголов первого лица единственного числа отсутствует окончание (Isch hab). Опускаются окончания множественного числа имен существительных (die sin schimm oma und ora).

На синтаксическом уровне преобладают простые и сложносочиненные предложения. Также используется простое предложение, осложненное прямой речью, которая никак не оформлена, а также простое предложение с уточнением, уточнение при этом также не оформлено (die sin schimm oma und ora). В предложении: «Kommt so ne alte omideutsche...» нарушен порядок слов («предикат – субъект» вместо «субъект – предикат»).

Исходя из лингвистических особенностей кицдойч, главный редактор журнала «Deutsche Sprache» Т. Паульвиц приходит к выводу, что кицдойч – это не что иное, как пиджин-язык (цит. по: [23]). Автор не поддерживает мнение профессора-германиста Х. Визе, которая считает кицдойч свидетельством успешной интеграции молодежи с миграционным прошлым и утверждает его легитимность в качестве полноправного варианта немецкого языка [24]. Т. Паульвиц же говорит о том, что нельзя ставить кицдойч в один ряд с такими выразительными и красочными диалектами, как баварский, саксонский и швабский. По его мнению, любой, кто говорит «Mein Schwester geht Kino», просто испытывает трудности с немецкой грамматикой. Систематический пропуск артиклей, предлогов и окончаний – не дальнейшее развитие, а деградация немецкого языка (цит. по: [23]).

Завершить статью хотелось бы словами С. М. Волконского: «Чувство языка (если можно так выразиться, чувство чистоты языка) есть очень тонкое чувство, его трудно развить и очень легко потерять. Достаточно самого малого сдвига в сторону неряшливости и неправильности, чтобы уже эта неряшливость превратилась в привычку, и, как дурная привычка, в качестве таковой она будет процветать. Ведь это в природе вещей, что хорошие привычки требуют упражнения, а дурные сами развиваются» [25, с. 40].

Список литературы

1. Норма // Краткий словарь лингвистических терминов. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=279 (дата обращения: 15.01.2022).
2. Ширяев Е. Н. Что такое культура речи // Русская речь, 1991. № 4. С. 52–57.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М. : Соцэкгиз, 1933. 273 с.
4. Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. Ч. 2. М. : Учпедгиз, 1960. С. 56–66. URL: https://www.irlc.msu.ru/irlc_projects/library/file.php/dd3afd82571bed2e95d9ba290e2ada7f.pdf?load=true (дата обращения: 15.01.2022).
5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. Вып. 3. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 142–343.
6. Coseriu E. Humanwissenschaft und Geschichte. Der Gesichtspunkt eines Linguisten. Oslo : Sonderdruck des Jahrbuches der Norwegischen Akademie der Wissensch, 1979. 15 S. URL: <http://www.coseriu.de> (дата обращения: 15.01.2022).
7. Wollmann J. Zum Begriff der Sprachnorm und ihrer Bedeutung für den DaF-Unterricht. Munich : GRIN Verlag, 2012. 21 S. URL: <https://www.grin.com/document/377564> (дата обращения: 15.01.2022).
8. Вахек Й. К проблеме письменного языка / пер. с англ. Т. В. Бульгиной // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. С. 535–544.
9. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. С. 338–378.
10. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1959. URL: https://studopedia.ru/3_148022_a-m-peshkovskiy.html (дата обращения: 15.01.2022).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1992. 960 с. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt (дата обращения: 15.01.2022).
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 15.01.2022).
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1881. Т. 2. 814 с. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 15.01.2022).
14. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Караулов Ю. Н. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. 722 с.
15. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1974. 350 с.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. 188 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye-raboty-russkomu-yazyku-1957/go,0;fs,0/ (дата обращения: 15.01.2022).
17. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М. : Наука, 1980. 352 с.
18. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия. 1966. 607 с. <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения: 15.01.2022).

19. Кодухов В. И. Введение в языкознание. М. : Просвещение, 1987. 288 с. URL: <https://topuch.ru/v-i-koduhov/index7.html> (дата обращения: 15.01.2022).
20. Литературный немецкий язык // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1821038> (дата обращения: 15.01.2022).
21. Сорокина Е. А., Темнякова А. А. Kiezdeutsch – диалект современного немецкого языка // Вестник Шадринского государственного педагогического университета, 2021. № 2 (50). С. 274–277. https://doi.org/10.52772/25420291_2021_2_274
22. Krämer D. Kiezdeutsch. Sprachliche und kommunikative Merkmale im sprechsprachlichen Register von Berlinern mit türkischer Herkunftssprache. GRIN Verlag, 2009. URL: <https://www.grin.com/document/133981> (дата обращения: 15.01.2022).
23. Шифман Д. В. «Кицдойч» : молодежный сленг, новый диалект или неправильный немецкий? // Творчество и современность, 2019. № 1 (9). С. 100–105.
24. Wiese H. «Kiezdeutsch». Ein neuer Dialekt entsteht. München : Verlag C. H. Beck, 2012. 279 S.
25. Волконский С. М. О русском языке // Русская речь. 1992. № 2. С. 33–47.

Поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 301–305

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 301–305

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-301-305>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Пушкин

К проблеме циклизации «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина

К. М. Захаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Захаров Кирилл Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, zahodite@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8254-6549>

Аннотация. В статье предлагается новая версия циклообразующей организации «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина после краткого экскурса по уже существующим циклообразующим концепциям группы сцен и пьес, объединенных в русской культуре под неавторским общим названием «Маленькие трагедии». В качестве связующего композиционного элемента выдвигается внутритекстовая ситуация неожиданного, спонтанного вдохновения центральных героев пьес, входящих в цикл. Именно этот повторяющийся элемент сопровождает или завязку фабульного действия, или, напротив, его кульминацию. Вальсингам («Пир во время чумы») и Моцарт («Моцарт и Сальери») оказываются подвержены внезапному вдохновению (для Вальсингама это становится неожиданностью, но и Моцарт так удивлен результатом, что спешит продемонстрировать сочинение «другу» Сальери, невольно провоцируя завистника на преступление). «Импровизатором» любовной песни становится Дон Гуан («Каменный гость»), заговоривший с донной Анной и ставший на путь своей неизбежной гибели. Момент спонтанного вдохновения становится для всех троих персонажей предвестием конца, впрочем, для Вальсингама – пока гипотетического. Барон («Скупой рыцарь»), который разительно отличается от трех других протагонистов, также переживает такой момент, спонтанно решая устроить себе «пир» наедине со своим богатством. В этот момент он возвращается к мысли о своем наследнике, что толкнет его к клевете и смерти. В заключение осторожно проводится параллель между настроением с восторгом предавшегося творчеству биографического автора и состоянием героев его пьес, невольно «унаследовавших» от своего творца такой же момент упоения внезапным вдохновением.

Ключевые слова: цикл, композиция, драматургия, А. С. Пушкин, тема, жанр

Для цитирования: Захаров К. М. К проблеме циклизации «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 301–305. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-301-305>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

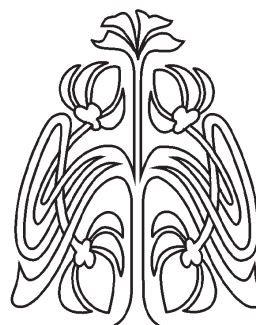
On the problem of cyclization of “Little Tragedies” by A. S. Pushkin

K. M. Zakharov

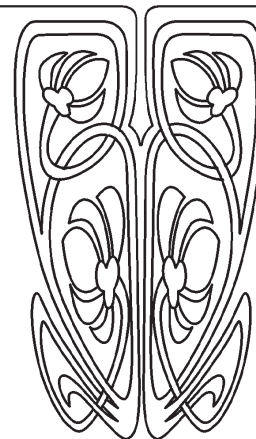
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kirill M. Zakharov, zahodite@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8254-6549>

© Захаров К. М., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article proposes a new version of the cycle-forming organization of "Little Tragedies" by A. S. Pushkin, after a brief excursion through the already existing cycle-forming concepts of a group of scenes and plays united in Russian culture under the non-author's general name "Little Tragedies". The intra-textual situation of unexpected, spontaneous inspiration of the central characters of the plays included in the cycle is put forward as a binding compositional element. It is this recurring element that accompanies either the beginning of a plot action or, on the contrary, its climax. Walsingham (*A Feast in Time of Plague*) and Mozart (*Mozart and Salieri*) are liable to sudden inspiration (for Walsingham, this comes as a surprise, but Mozart is so surprised by the result that he hurries to demonstrate the composition to his "friend" Salieri, unwittingly provoking the envier to a crime). The "improviser" of the love song is Don Guan (*The Stone Guest*), who spoke to Donna Anna and set out on the path of his inevitable death. The moment of spontaneous inspiration becomes for all three characters a harbinger of the end, however, for Walsingham it is so far hypothetical. The Baron (*The Miserly Knight*), who is strikingly different from the other three protagonists, also experiences such a moment, spontaneously deciding to arrange a "feast" for himself alone with his wealth. At this moment, he returns to the thought of his heir, which will push him to slander and death. In the conclusion of the article, a parallel is carefully drawn between the mood of the biographical author, who enthusiastically indulged in the work, and the state of the heroes of his plays, who unwittingly "inherited" from their creator the same moment of being intoxicated with sudden inspiration.

Keywords: cycle, composition, drama, A. S. Pushkin, theme, genre

For citation: Zakharov K. M. On the problem of cyclization of "Little Tragedies" by A. S. Pushkin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 301–305 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-301-305>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопрос о циклообразующих идеях и элементах драматических отрывков, созданных А. С. Пушкиным в Болдино в сентябре и ноябре 1830 г. и чаще всего называемых и в литературоведческом, и в театральном дискурсах эвфемизмом «Маленькие трагедии», имеет давнишнюю историю и неизменно остается актуальным. Своеобразие пушкинской драматургической манеры, синхронность появления отрывков на свет во время болдинского поэтического озарения и при этом отсутствие какого-либо пояснения к ним располагают к поиску обоснования интуитивно ощущаемого единства этих пьес. Наиболее авторитетной стала позиция С. М. Бонди, развившего тезис Овсяннико-Куликовского и выдвинувшего в качестве циклообразующих принципов изображение глубоких страстей, владеющих персонажами, и внутренний конфликт самих ситуаций, организующих фабулу [1, с. 561]. Следовавший ему А. М. Гаркави корректировал главную тему цикла как «наслаждения», получающие свое высшее раскрытие в «неизъяснимых наслаждениях», переживаемых «у бездны мрачной на краю». «Наслаждение искусством ставится здесь ниже, чем наслаждение любовью ("любви музыка уступает")». Соответственно в цикле вслед за трагедией о страстном увлечении музыкой ("Моцарт и Сальери") встанет трагедия любовной страсти ("Каменный гость"). Общее же расположение "маленьких трагедий" (по градации страстей – от "менее ценных" к "более ценным") получит такой вид: "Моцарт и Сальери" (наслаждение искусством) – "Каменный гость" (наслаждение любовью) – "Пир во время чумы" (наслаждение самой жизнью). Таким образом, "маленькие трагедии" – это драматургический цикл, в котором анализируется определенная система страстей человеческих» [2, с. 191].

Существует и постоянно обновляется традиция жанрового принципа организации

цикла: сосуществуют как позиция жанрового единства драматических отрывков (здесь можно назвать того же С. М. Бонди, Б. В. Томашевского, Д. Д. Благого), так и версия о том, что последовательность пьес обусловлена развитием жанровой эволюции (среди сторонников подобного принципа упомянем Г. П. Макогоненко, В. И. Соловьева, Г. В. Одинокова). И, конечно же, огромное количество трудов посвящено композиционному единству (М. Н. Виротайнен, Н. В. Беляк, С. Л. Китаева, А. Соломин). Самым амбициозным примером можно назвать допущение Е. М. Таборисской, уподобившей четыре трагедии поэтическому катрену [3].

На наш взгляд, исчерпывающей или хотя бы успокоительной концепции циклизации на содержательном, жанровом или композиционном уровне исконно мешает принципиальная невозможность ответа на вопрос, была ли А. С. Пушкиным выполнена поставленная им перед собой главная задача. Первоначальный план цикла, датированный ориентировочно 1826 г., давал расширенный список тем и отрывков («Скупой, Ромул и Рем, Моцарт и Сальери, Дон Жуан, Иисус, Беральд Савойский, Павел I, Влюбленный Бес, Димитрий и Марина, Курбский»). Сам по себе приведенный ряд располагает к многочисленным предположениям и попыткам реставрировать фабулы ненаписанных пьес. Работа над некоторыми из этих пьес велась, С. Шевырев вспоминал: «Еще был у него проект драмы "Ромул и Рем", в которой одним из действующих лиц намеревался он вывести волчиху – кормилицу двух близнецов» [4, с. 245]. Наиболее поздний список, похожий, скорее, на план работы, выглядел следующим образом: «I. Окт<авы>. II. Скупой. III. Сальери. IV. Д. Гуан. V. Plaque». Рассматривать его как документально подтвержденный проект будущего цикла не представляется возможным, иначе мы были бы вынуждены гово-

речь о поэме «Домик в Коломне» («Октавы») как о составном элементе «Маленьких трагедий», что свидетельствовало бы о парадоксальном характере творчества Пушкина еще ярче, чем «странные сближения» восстания на Сенатской площади с фабулой поэмы «Граф Нулин».

В связи с этим наиболее точному раскрытию интересующего литературную науку вопроса может способствовать мотивный анализ, не решающий однозначно глобальных задач, но точно указывающий на движение авторских стратегий, на постепенное претворение авторского «я» в художественном тексте. Основоположником этой традиции мы склонны считать Ю. М. Лотмана, указавшего, что мотив пира является принципиально значимым для каждой из четырех трагедий [5, с. 225].

Драматические сочинения, занимавшие автора как минимум с 1826 г., получили возможность обрести свое текстовое воплощение только в период его вынужденного пребывания в Болдино. Этот период карантина стал плодотворным творческим взрывом («Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Апопуге. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо?» [6]). Вынужденное одиночество и изоляция от мешающих творчеству забот стали причиной полета вдохновения, позволившего практически ежедневно завершать тексты, впоследствии вошедшие в золотой фонд русской словесности. В своих дальнейших рассуждениях мы исходим из предположения, что ощущение свободного творчества, спонтанности и вдохновения передавалось от автора его героям.

Драматические отрывки Пушкина в своей лаконичности избавлены от постепенного разворачивания действия. Их можно принять за центральные, кульминационные фрагменты более полных сочинений. Так, «Скупой рыцарь» в первой публикации (в журнале «Современник») выдан за отрывок из трагедии несуществующего поэта Ченстона. Напротив, «Пир во время чумы» является (за исключением песен Мэри и Председателя) очень точным и при этом «улучшенным» переводом четвертой сцены религиозной драмы Джона Уилсона «Чумная драма», известной Пушкину по упоминанию Байроном и содержащейся в антологии английских поэтов – одной из трех книг, привезенных поэтом в Болдино. Примечательно, что, выполнив перевод этой сцены, Пушкин не заинтересовался продолжением уилсоновской драмы – дальнейшие страницы остались нерезанными.

В этом изолированном кульминационном отрывке герой трагедии переживает период внезапного спонтанного вдохновения, сродни тому, какое, возможно, испытывал сам замкнутый в Болдино автор, щедро делящийся этим ощущением со своими персонажами. Более того – этот момент озарения становится предвестником драматического поворота судьбы героя.

Ярче всего это показано в «Пире во время чумы». Председатель, представляя гимн в честь Чумы (оригинальный пушкинский текст, являющийся смысловым и философским центром пушкинского отрывка), признается, что его сочинение стало плодом неожиданного и непривычного акта творчества:

Председатель

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы, – я написал его
Прошедшей ночью, как растались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен песне [7, с. 179].

Напомним, что перед нами заботливо сохраненный в отношении передачи смыслов перевод с английского оригинала:

Master of Revels

I have none such; but I will sing a song
Upon the Plague. I made the words last night,
After we parted: a strange rhyming-fit
Fell on me; 'twas the first time in my life.
But you shall have it, though my vile crack'd voice
Wo'nt mend the matter much [8, p. 50].

(Дословно:

Мне неведомо такая; но я спою песню
О Чуме. Я создал свои слова прошлой ночью,
После нашего расставания: странное стремление
к рифме
Упала на меня; это впервые случилось в моей жизни.
Но вы получите это, пусть мой гнусавый голос
треснул.

Не имеет это значение больше).

Экстремальная ситуация (веселый пир с публичными женщинами на улице пораженного смертельной эпидемией города) и переживаемое перед лицом страшной опасности «неизъяснимо наслаждение» приводят к внезапному поэтическому озарению Председателя. Он становится автором гимна не столько Чуме, сколько бунту против самой смерти. «Песни разврата», с точки зрения Священника, появляющегося на сцене сразу после ее исполнения. Дальше начнется сражение за душу Вальсингама. Священник уходит, посеяв в герое огромное смятение. Пушкин прерывает сцену уходом Священника и задумчивостью Председателя, отсекая стычку Молодого человека с Председателем и явление на

сцену центральных героев уилсоновской пьесы, не интересных автору. Не дочитавший пьесы Пушкин еще не знал, что Председателю предстоит поединок с Молодым человеком, который сделает его еще и убийцей, но уловил, что это мгновение – переломное в судьбе Вальсингама.

В «Моцарте и Сальери» импровизация Моцарта (едва ли восходящая к конкретному произведению композитора, но в своем словесном описании предстающая как узнаваемая модель всего моцартовского творчества) становится поводом, позволяющим Сальери оправдать собственное намерение совершить убийство.

Сальери

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! – Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.
<...>

Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить – не то мы все погибли

[7, с. 127–128].

Роковой отрывок выглядит как пушкинские же «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»:

Моцарт

Нет – так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал [7, с. 126].

М. П. Алексеев писал, что «в характеристике процесса творчества Моцарта (первичная концепция и вторичный акт творческого воспроизведения, инстинктивность творческого процесса) Пушкин также, вероятно, пользуется собственными наблюдениями, а не признаниями самого Моцарта, которые могли ему быть известны, и произвольно навязывает Моцарту, едва ли мыслимое в его устах, “программное” и зрительное истолкование его вдохновенной импровизации» [9, с. 534]. То есть, по мнению авторитетного исследователя пушкинского творчества, автор подарил своему Моцарту собственную манеру сочинять и пояснять написанное.

В «Каменном госте» первое признание Дона Гуана перед памятником Командору является шедевром спонтанности. Перед началом он испытывает приступ неуверенности, сама манера предстоящего разговора не идет ему на ум:

До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впускаю в разговоры с ней; пора.
С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни... [7, с. 153].

В болдинский период Пушкин сохраняет сильное шекспировское влияние. Об этом свидетельствует уже то, что в ноябрьском письме М. П. Погодину он подчеркивает удачные места его пьесы: «Что за прелесть сцена послов! Как вы поняли русскую дипломатику! А вече? А посажник? А князь Шуйский? А князя удельные? Я вам говорю, что это все достоинства – ШЕКСПИРОВСКОГО» [10]. Шекспир становится здесь не только высшей степенью одобрения, но и пишется заглавными буквами. Так или иначе, шекспировское влияние заметно в узнаваемых переключках импровизации Дона Гуана со сценой обольщения Глостером (будущим Ричардом Третьим) леди Анны над гробом мужа, которого он сразил. Параллелизм самих ситуаций, сходство реплик и самой коммуникативной тактики соблазнителья предстают некоей внутритекстовой игрой, полностью осознаваемой лишь самим автором.

Казалось бы, чуждый самой идее творчества Барон из «Скупого рыцаря» должен выпасть из предложенной нами концепции. Но спонтанное решение не чуждо и ему:

(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,

Служа страстям и нуждам человека.

Усните здесь сном силы и покоя,

Как боги спят в глубоких небесах...

Хочу себе сегодня пир устроить:

Зажгу свечу пред каждым сундуком,

И все их отопру, и стану сам

Средь них глядеть на блестящие груди.

(Зажигает свечи и отпирает сундуки

один за другим.)

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!

Послушна мне, сильна моя держава;

В ней счастье, в ней честь моя и слава!

Я царствую... [7, с. 112].

Идея «пира» приходит Барону внезапно и становится моментом упоения своим богатством и его мощью. И последующее сожаление о недостойном наследнике в итоге приведет его, рыцаря, к клевете и гибели.

Не претендуя на интерпретацию творческой психологии А. С. Пушкина, мы предполагаем, что указанные места свидетельствуют о «переливании» стихии вольного вдохновения из общего строя произведений в характеристику и внутритекстовое существование персонажей. Собственное самочувствие автора становится характеристикой и его героев. Поэтому, с нашей точки зрения, мотив спонтанного творческого вдохновения может занять свое место в ряду циклообразующих мотивов драматических произведений, завершенных Болдинской осенью.

Список литературы

1. *Бонди С. М.* Драматические произведения Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М. : Гослитиздат, 1960. С. 553–566.
2. *Гаркави А. М.* «Маленькие трагедии» Пушкина как драматургический цикл : композиция в связи с жанром и художественным методом // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 189–199.
3. *Таборисская Е. М.* «Маленькие трагедии» Пушкина как цикл (некоторые аспекты поэтики) // Пушкинский сборник : сб. науч. тр. / ред. Е. А. Маймин. Л. : ЛГПИ, 1977. С. 139–144.
4. *Шевырев С. П.* Сочинения Александра Пушкина // Москвитянин. 1841. Ч. 5. № 9. Критика. С. 236–270.
5. *Лотман Ю. М.* Символ – «ген сюжета» // Лотман Ю. М. Семиосфера : Культура и взрыв ; Внутри мыслящих миров ; Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 221–240.
6. *Пушкин А. С.* Письмо Плетневу П. А., 9 декабря 1830 г. Москва // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 14. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 133.
7. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 7. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 724 с.
8. *Wilson J.* The city of the plague, and other poems. Edinburgh : Printed by James Ballantyne and Co. P. 50. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433074914270&view=1up&seq=9&skin=2021> (дата обращения: 12.01.2022).
9. *Алексеев М. П.* Комментарий к «Моцарту и Сальери» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 7. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. С. 523–546.
10. *Пушкин А. С.* Письмо Погодину М. П., 15–20 мая 1830 г. Москва // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 14. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 92.

Поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 306–312

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 306–312

<https://bonjour.sgu.ru>

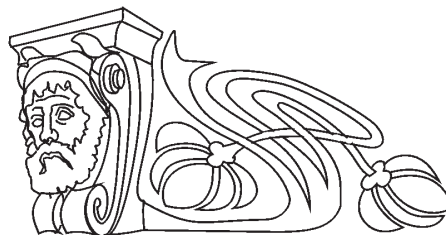
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-306-312>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929ЗАБОЛОЦКИЙ

«Эсхатологическое слово» в поэме Николая Заболоцкого «Город в степи»

С. В. Кекова, Р. Р. Измайлов ✉

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Россия, 410012, г. Саратов, просп. им. Петра Столыпина, д. 1

Кекова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, kekova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7332-5856>

Измайлов Руслан Равилович, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, ruslanizmajloff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3767-8942>

Аннотация. В статье анализируется поэма Николая Заболоцкого «Город в степи», которая была написана поэтом после возвращения из ссылки в 1946 г. Поэма разворачивает перед читателем грандиозную панораму казахстанского города Караганды. Город предстаёт как некий эпический и даже мифологический Град, пришедший на смену ветхой эпохи. Показано, что в сюжете поэмы присутствуют несколько метафизических слоёв: наряду с описанием реального города Караганды в тексте присутствует библейская символика как Ветхого, так и Нового Заветов. Поэтическое слово Николая Заболоцкого обладает уникальной особенностью. Эту особенность можно метафорически охарактеризовать как «многоочитость». Слово открывает все грани бытия, оно способно вместить и воплотить всю полноту смыслов противоречивой эпохи, вписанной в широкий исторический контекст, прежде всего библейский. Торжество социалистического труда, создающего царство земное, оборачивается одновременно и видением геенны огненной, и строительством антихристового царства – Нового Вавилона. Но одновременно страдания тысяч и тысяч людей, призванных возводить стены Нового Вавилона, в центре которого идол-Ленин, созидают Иерусалим Небесный. «Многоочитое» слово обретает плерому в свидетельстве эсхатологического Царства Божия. Поэтическое слово Николая Заболоцкого становится «эсхатологичным». Таким образом, «многоочитое», «эсхатологическое» слово поэта всегда находится в двух временных пространствах – в пространстве конкретного исторического времени и в пространстве времени библейского откровения. Исторический хронос пронизан у Заболоцкого эсхатологическим кайросом, и именно в кайросе его произведения обретают и раскрывают свой подлинный, сокровенный, высший смысл.

Ключевые слова: поэзия, Николай Заболоцкий, Новый Вавилон, Новый Иерусалим, эсхатологическое слово

Для цитирования: Кекова С. В., Измайлов Р. Р. «Эсхатологическое слово» в поэме Николая Заболоцкого «Город в степи» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 306–312. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-306-312>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “eschatological word” in Nikolai Zabolotsky’s poem *A City in the Steppe*

S. V. Kekova, R. R. Izmailov ✉

Saratov State Conservatoire, 1 Petra Stolypina Ave., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Kekova, kekova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7332-5856>

Ruslan R. Izmailov, ruslanizmajloff@yabdex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3767-8942>

Abstract. The article analyzes the poem by Nikolai Zabolotsky *A City in the Steppe*, which was written by the poet after returning from exile in 1946. The poem unfolds before the reader a grand panorama of the Kazakh city of Karaganda. The city appears as a kind of epic and even mythological City that has replaced the timeworn era. It is shown that there are several metaphysical layers in the plot of the poem: along with the description of the real city of Karaganda, the biblical symbolism of both the Old and New Testaments is present in the text. The poetic word of Nikolai Zabolotsky has a unique feature. This feature can be metaphorically described as “multi-readability”. The word reveals all facets of being, it is able to contain and embody the fullness of the meanings of the controversial era, embedded in a broad historical context, primarily the biblical one. The triumph of socialist labor, which creates the earthly kingdom, turns both into a vision of the fiery hell and the construction of the Anti-christ kingdom – the New Babylon. But at the same time, the sufferings of thousands and thousands of people who are called to erect the walls of the New Babylon, in the center of which the idol is Lenin, are building the Heavenly Jerusalem. The “many-read” word acquires a pleroma in the testimony of the eschatological Kingdom of God. The poetic word of Nikolai Zabolotsky becomes “eschatological”. Thus, the poet’s “many-read”, “eschatological” word is always located in two time spaces: in the space of a specific historical time and in the space of the time of biblical revelation. The historical chronos is permeated by Zabolotsky’s eschatological kairos, and it is in kairos that his works acquire and reveal their true, innermost, eminent meaning.

Keywords: poetry, Nikolai Zabolotsky, New Babylon, New Jerusalem, eschatological word

For citation: Kekova S. V., Izmailov R. R. The "eschatological word" in Nikolai Zabolotsky's poem *A City in the Steppe*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 306–312 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-306-312>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1946 г. Николай Заболоцкий, арестованный в 1938 г. и отмотавший сначала лагерный срок (в 1944 г., спустя шесть лет после ареста, поэт освобождён из заключения без права выбора работы и свободного перемещения по стране), а потом ссылку в Караганде, получает разрешение на жительство в столице, восстанавливают его членство в Союзе писателей. Первое произведение после десятилетнего перерыва, которое увидело свет в первом номере «Нового мира» за 1947 г., – это маленькая поэма «Творцы дорог» [1, т. 1, с. 220]. Критика холодно встретила поэму, авторы статей упрекали поэта в неумении верно отразить ответственную тему труда, в риторичности, литературности, декадентстве, в том, что не раскрыты «живые человеческие характеры строителей» [2, с. 387–388]. К этой небольшой поэме тематически и образно примыкают другие поэмы и стихотворения («Город в степи», «Урал», «Начало стройки», «Пир в колхозе Шрома», «В тайге»). Эти произведения образуют своего рода «метатекст», который существует по особым законам.

Мы сосредоточим внимание на поэме «Город в степи». Она посвящена конкретному городу – Караганде. Эти места были «островом» ГУЛАГа, который простирался на сотни километров. В начале тридцатых годов с этой территории всё гражданское население (в основном переселенцы, перебравшиеся в эти места в начале XX в.) было выселено. Их место заняли заключённые – сначала раскулаченные крестьяне, а впоследствии политические заключённые, осуждённые по 58-й статье. Караганда и была построена узниками Карлага. В поэме описываются на первый взгляд конкретно-жизненные реалии и атрибуты города и его окрестностей: здесь и терриконы – искусственные горы из выработанных пород, и городские архитектурные реалии – колоннады, башни, скульптура Ленина, тень простёртой руки которого «ложится на равнину», и сады с фонтанами. Но образ реального города Караганды, даже если мы посмотрим на его фотографии 1940-х гг., сильно отличается от поэтического образа, созданного Заболоцким. Отметим, что этот образ обладает огромным метафизическим потенциалом.

Во второй главке поэмы есть такие строки: «Кто выстроил пролеты колоннад, / Кто вылепил гирлянды на фронтонах, / Кто среди степей разбил испепеленных / Фонтанами взрывающийся сад?».

Перед нами – образ идеального города, который возникает по творческой воле человека. Близкий по смыслу и словесному воплощению образ возникает и в стихотворении «Начало стройки»:

Сквозь дикий мир нетронутой природы
Мне чудятся над толпами людей
Грядущих зданий мраморные своды
И колоннады новых площадей.
Я вижу бесконечные фронтоны
Просторных улиц, ровных, как стрела,
Сады, заводы, парки, стадионы,
Верхи дворцов, театров купола.
Всё движется, всё блещет, всё ликует,
Прожектора лучи косые льют... [1, т. 1, с. 419].

Можно сказать, что во второй главке «Города в степи» тот город, который только представлялся во всём своём великолепии воображению лирического героя стихотворения «Начало стройки», уже воплотился, стал реальностью.

В культуре существуют архетипы идеального города. Это Рим и Иерусалим. Второй Рим – Константинополь строится не только «во образ» Рима, но и «во образ» Иерусалима – исторического, земного Иерусалима и Иерусалима Небесного. Как мы знаем, и Рим, и Иерусалим, и Константинополь стоят на холмах. Характерно, что в четвёртой, заключительной главке поэмы «Город в степи» памятник Ленину стоит «на холме Караганды», т. е. перед нами – образ «города на холме».

Выражение «город на холме» в Священном Писании встречается в Книге пророка Исайи и в Евангелии от Матфея. Исайя говорит: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдём на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима» (Ис. 2:2–3). В Нагорной проповеди Христос говорит своим ученикам: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5:14). Отзвуки именно такого образа идеального города, как бы «Четвёртого Рима», мы находим в поэме «Город в степи». Откуда у поэта, прошедшего через ужасы тюрьмы, лагеря, находящегося в Караганде на поселении, может возникнуть подобный образ? Объяснить его желанием понравиться властям, как это делали критики, упрекавшие Заболоцкого в том, что в позднем

творчестве он становится «социалистическим реалистом», было бы непростительной ошибкой.

Для ответа на поставленный вопрос следует рассмотреть метафизический потенциал других образов поэмы. Обратимся к тем частям поэмы, где речь идёт о добыче угля. Это первая и последняя строфа четвёртой главки «Города в степи», они как бы опоясывают весь сюжетный и словесный состав поэмы.

1

Степным ветрам не писаны законы.
Пирамидальный склон воспламеня,
Всю ночь над нами тлеют терриконы –
Живые горы дыма и огня.
Куда ни глянь, от края и до края
На пьедесталах каменных пород
Стальные краны, в воздухе ныряя,
Свой медленный свершают оборот.
И вьется дым в искусственном ущелье,
И за составом движется состав,
И свищет ветер в бешеном веселье,
Над Казахстаном крылья распластав.

4

И Ленин на холме Караганды
Глядит в необозримые просторы,
И вокруг него ликует птичьи хоры,
Звенит домбра и плещет ток воды.
И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клетки,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав

[1, т. 1, с. 216–218].

Опираясь на идею А. А. Потебни о «ближайшем» и «дальнейшем» значении слова, мы можем сказать, что «ближайшее» значение образов, созданных Заболоцким, выявляет реальную картину добычи угля. Но за «ближайшим» значением скрывается «дальнейшее». Добыча угля предстаёт перед нами как некая мистерия, в которой на фоне тлеющих терриконов участвует всё существующее – и стихия ветра, и птичьи хоры, и ток воды, и ныряющие в воздухе стальные краны

Центр того пространства, которое создано в поэме, центр совершающейся мистерии – памятник Ленину. Этот памятник, поставленный в Караганде в 1946 г., представлен в поэме созданием поистине вселенского масштаба. Он стоит «на холме Караганды», возвышаясь над всем миром как некий символ «нового града» и «нового мира»:

А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет выпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,

В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.

И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко, в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари [1, т. 1, с. 216–217].

Многokrратно анафорически повторённый союз «и» (этот приём Заболоцкий использует и в конце первой главки, и в главе четвёртой) создаёт эпическое звучание, которое типологически восходит к библейской традиции. Например, в книге пророка Иезекииля читаем:

«И ты, сын человеческий, возьми себе кирпич и положи его перед собою, и начертай на нем город Иерусалим;

и устрой осаду против него, и сделай укрепление против него, и насыпь вал вокруг него, и расположи стан против него, и расставь кругом против него стенобитные машины;

и возьми себе железную доску, и поставь ее как бы железную стену между тобою и городом, и обрати на него лице твое, и он будет в осаде, и ты осаждай его. Это будет знамением дому Израилеву» (Иез. 1,1–3).

В третьей главке звучит «славословие вождю», которое тоже представляет собой вселенское событие.

И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполюх восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликования,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.
И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко, в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари

[1, т. 1, с. 216–217].

Все миры охвачены этим славословием: умолкают птицы, все звуки, кроме песни акына, перестают звучать, город затаил дыхание, а славословие, заполняя собой весь зримый мир, проникает и в мир незримый – в «особый мир чудес». Заболоцкий создаёт удивительный образ песни акына (эта песнь, кстати, названа «воплем»), летящей в небеса, достигающей солнца и останавливающейся на нём («Летит, летит, летит... остановился... / И замер где-то в солнце...»). Показан как бы предел, выше которого славословия быть не может, и это значит, что реальное солнце становится символом того, в честь кого возносится гимн. Имя вождя, таким образом, прославляется как имя крестителя Руси – Владимира Красно Солнышко. В народном сознании образ Владимира Красно Солнышко, как мы знаем, является идеальным образом правителя. (Следует отметить, что само словесное воплощение этого образа восходит к литургическим песнопениям, обращённым к пришедшему в мир Спасителю, который назван «Солнцем правды».)

В 1946 г. Заболоцкий завершает перевод «Слова о полку Игореве», и эпические образы акынов, вольных беркутов, ветра, распластавшего крылья над Казахстаном, «туманных струн», которые рассыпают бирюзу звуков, безусловно, связаны и с образами «Слова»:

...Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел, под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
.....
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые. –
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали [1, т. 2, с. 6–7].

В «особом мире чудес», куда вступает голос акына, Ленин уже не просто памятник, он – живой. В начале второй главки Заболоцкий задаёт вопрос, и этот вопрос далеко не риторический: «Кто, чародей, в необозримом поле / Воздвиг потомству эти города?». Мы должны не только дать ответ на этот вопрос, но понять, как отвечает на вопрос сам Заболоцкий. Описание «изваяния Ленина» и славословие ему и есть ответ на этот вопрос. Всё пространство, втянутое в словесную воронку поэмы, создано этим «чародеем».

Но есть в поэме «герой», чей голос не примыкает к славословию. Этот герой появляется в третьей главке. Именно она вносит в смысловое пространство поэмы совершенно иное измере-

ние. Перед нами – своего рода антитеза миру, выстраивающемуся под дланью вождя. Этот герой – верблюд, который назван «Ассаргадоном пустыни».

И вот, ступив ногой на солончак,
Стоит верблюд, Ассаргадон пустыни,
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.
Закинув темя за предел земной,
Он медленно вороочает глазами,
И тамариск, обрызганный слезами,
Шумит пред ним серебряной волной

[1, т. 1, с. 217].

Не случайно строка, в которой появляется образ верблюда, начинается на первый взгляд странно: с союза и междометия («И вот, ступив ногой на солончак, / Стоит верблюд, Ассаргадон пустыни»). Выражение «и вот» говорит о резкой смене ракурса, как будто в однородном пространстве вдруг появляется «выколота точка», не принадлежащая этому пространству. Можно сказать, что именно третья главка – центр тяжести поэмы. Характерно, что при публикации в «Новом мире» именно третья главка была трансформирована, и потрясающий душу образ верблюда был тщательно «вычищен» редактором. Строки с десятой по шестнадцатую были выпущены. Третья (последняя) строфа, таким образом, имела такой вид: «Косматый лебедь каменного века / В сухих волнах тяжёлого песка, / преодолевший, рядом с человеком, / пустыни дикие и грузные века» [1, т. 1, с. 622].

Возникает вопрос: случайно ли Заболоцкий вводит в стихотворение имя ассирийского царя Ассаргадона? Очевидно, что нет. Исторически царь Ассаргадон является восстановителем Вавилонского царства, поднявшего из руин город Вавилон, расширивший границы своей империи, стремясь превратить город в центр мировой державы. Именно Ассаргадон достроил главный зиккурат Вавилона, который в Библии назван Вавилонской башней. Здесь стоит вспомнить сонет Валерия Брюсова, который, несомненно, хорошо знал Заболоцкий.

Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.
Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе.
Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?

Деянья всех людей – как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах – как детская забава.
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величием упоен,
Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон [3].

Последние строки стихотворения Брюсова – своего рода камертон для того, чтобы понять, как воплощается образ «царя царей» в новых реалиях. Но в стихотворении Ассаргадоном назван верблюд, который олицетворяет старый, ушедший «во тьму тысячелетий» мир (ср. строки Заболоцкого из четвёртой главки: «И ветер гонит тьму тысячелетий»). Верблюд, владыка пустыни, больше не властелин (и, добавим, отсюда – одна из мотиваций «плача верблюда»). Заболоцкий, как мы уже сказали, создаёт мистерию, в пространстве которой происходит встреча старого и нового, и это «новое» берёт власть в свои руки, а вместе с властью переходит и титул, поэтому подлинным «мистическим» воплощением Ассаргадона является не верблюд, а изваяние, простирающее длань над степью, вождь мирового пролетариата, которому акыны воздают хвалу и славословие. Когда Заболоцкий пишет: «И Ленин смотрит в глубь седых степей, / И дуמוю чело его объято», он реализует квазирелигиозную советскую мифологию бессмертия вожды (как писал Маяковский, «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» [4]), чьё тело покоится в зиккурате на Красной площади, его «священные образы» заполняют «красные уголки» и площади городов, а бессмертный (неприкаянный) дух вершит своё дело воссоздания Вавилона. Таким образом, «идеальный город» – это ещё и Вавилон (строки второй главки «Кто среди степей разбил испепелённых / Фонтанами взрывающийся сад?» явно отсылает к Садам Семирамиды, которые были одной из главных достопримечательностей Вавилона).

Всё, что входит в мистериальное пространство «Нового Вавилона», – терриконы, стальные краны, шахтёры, поднимающие к небу фонари, акыны, сизоворонки, летящие на закат, свищущий ветер, распластавший крылья над Казахстаном, колоннады и башни новых городов – всё это детали пейзажа, оживотворённые могучим духом изваяния, стоящего «на холме Караганды». Всё как бы от него исходит и к нему возвращается. И только верблюд чужд этому новому миру. Он не только Ассаргадон, но и «косматый лебедь каменного века», и плач его – это и плач Ассаргадона, утратившего былую власть, и плач «скитальца и калеки», который «вкусив пространства, счастья не вкусил», и плач тысяч и тысяч страдальцев каторжан, которые возводили «Иерусалим» – «Вавилон».

Это и плач самого поэта, прошедшего и тюрьму, и каторгу, и ссылку. Заболоцкий называет верблюда «косматый лебедем». Образ лебедя здесь не случаен: в статье И. С. Скоропановой убедительно доказано (на примере стихотворения «Лебедь в зоопарке»), что лебедь – экзистенциальное «я» самого поэта [5]. Этот разрывающий душу плач поэта понятен, судьба Заболоцкого и судьба всей страны в двадцатом веке – это огромное «пространство плача».

Строители Караганды (и не только Караганды, но и всего «Нового Вавилона») – это реальные, а также бывшие или потенциальные заключённые, согнанные на стройки века железной рукой нового «Ассаргадона». В этом контексте плач верблюда становится плачем страдания и боли. Характерно, что образ верблюда в поэме сопоставим с образом слепого певца из стихотворения 1946 г. «Слепой» [1, т. 1, с. 193], где герой – тоже «альтер эго» самого поэта. Так же, как певец поёт своё «грустно-сердитое» песнопение «с запрокинутым в небо лицом», верблюд плачет, «закинув темя за предел земной». В эпическом пространстве «Города в степи» к «пространству плача» примыкает и «воплъ акына», о котором мы выше говорили как о хвале и славословии. Здесь мы должны вспомнить о жанре фольклорного плача, об исполнителях плачей – плакальщицах или вопленицах.

Образ акына, «Гомера степей», как мы уже отмечали, может быть соотнесён с образом и вещего Бояна, и самого автора «Слова о полку Игореве». Но песнопения акынов, с точки зрения реальных особенностей исполнения, не всегда звучат благостным гармоническим аккордом, и словосочетание «воплъ певца из струнной суматохи» является точным обозначением звуковых особенностей пения акынов. Итак, песня акына является «воплем», но воплем чего – ужаса, страха, отчаяния или восторга, радости? Безусловно, и тем, и другим. Нерасторжимое единство отчаяния и восторга – особенность слова Заболоцкого. Это качество характерно уже для поэзии раннего Заболоцкого, основную интонацию которой мы могли бы определить как «восторг отчаяния». В творчестве поэта, которое «воскресло» как феникс из пепла после страшных испытаний, восторг, ликование, «счастье бытия» преодолевают, побеждают отчаяние. Однако не только антиномическая напряжённость формирует поле смысловой энергии в слове Заболоцкого.

Осип Мандельштам в «Разговоре о Данте» называет слово «пучком, из которого смысл торчит в разные стороны» [6, с. 223]. Можно использовать и эту метафору при исследовании своеобразия слова Заболоцкого, однако она требует «перевода» в другой регистр, более отвеча-

ющий его поэтическому миру. Мы уже говорили о «библейской стилистике» в поэме «Город в степи», и, используя библейскую лексику, мы можем назвать слово Заболоцкого «многоочитым словом». С образом «многоочитости» мы встречаемся в Священном Писании, в Книге пророка Иезекииля (Иез. 1,4–21), где речь идёт о таинственных Существах, которые в христианской традиции атрибутируются как Херувимы. Как пишет святой Иоанн Златоуст, «Херувим означает не что иное, как полную мудрость. Вот почему Херувимы полны глаз: спина, голова, крылья, ноги, грудь – все наполнено глаз, потому что премудрость смотрит всюду, имеет повсюду отверстие око» [7]. Используя аналогию, можно сказать, что «многоочитое слово» Заболоцкого имеет повсюду «отверстие око». Слово, сверкающее тысячами «огней смыслов», возникает в поэзии Заболоцкого потому, что оно отражает свет истины. Это слово, которое в синхронии текста реализует всю полноту объективных смыслов и всю полноту субъективных интерпретаций этих смыслов. Образ такого слова метафорически ярко явлен в поэме «Урал»: «Но лишь заря прорежет небосклон / И встанет солнце, как, подобно чуду, / Свет тысячи огней возникнет отовсюду, / Частицами снегов в пространство отражен» [1, т. 1, с. 213].

Ещё один образ «многоочитости» возникает в стихотворении «Морская прогулка», входящем в цикл «Последняя любовь»: «И в большой кристаллической чаше, / С удивлением глядя на нас, / Отраженья неясные наши / Засияли миллионами глаз». Отражения людей приобретают сходство с «многоочитыми херувимами» [1, т. 1, с. 281], и это совпадение поэтического образа с образом священным не случайно.

В стихотворении «Вечер на Оке» отражение мира в реке – не просто отражение, а выявление его духовной сущности: «Горит весь мир, прозрачен и духовен, / Теперь-то он поистине хорош» (курсив наш. – Авт.) [1, т. 1, с. 312].

В этом стихотворении, которое можно принять за обычную пейзажную зарисовку, тоже сокрыто «многоочитое слово», пронизанное светом истины:

Вздыхнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали

Речных лугов, затонов и излук.

Горит весь мир, прозрачен и духовен,

Теперь-то он поистине хорош,

И ты, ликуя, множество дикиховин

В его живых чертах распознаешь [1, т. 1, с. 312].

В стихотворении Заболоцкого «Вечер на Оке» чётко отделены друг от друга два плана бытия природы: обыденный, профанный, и священный. «Плотная завеса обыденности» спадает в тот момент, когда таинственный свет вечернего луча начинает преображение природы. Это преображение в стихотворении связано со стихией света и воды. Характерно, что Заболоцкий, создавая образ отражённых в воде лесов, само слово «отражение» не использует. Леса опускаются в воду, причём поэт использует форму страдательного причастия, подчёркивая, что над миром совершается некое таинственное действие. Природа переживает своего рода крещение, результатом которого становится новое качество мира.

Заметим, что преображающий природу огонь сходит «из белых башен облачного мира». Это и реальная картина предзакатного солнца, льющего свои лучи сквозь облака, и в то же время за этим образом скрыты две священные реальности: во-первых, мы вспоминаем о евангельском событии, свершившемся на горе Фавор, когда Господь Иисус Христос явил Свою божественную природу апостолам Петру, Иоанну и Иакову: «После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия; явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним. И когда они отходили от Него, сказал Петр Иисусу: Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илию, – не зная, что говорил. Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте. Когда был глас сей, остался Иисус один. И они умолчали, и никому не говорили в те дни о том, что видели» (Лк. 9:28–36). Обратим внимание на то, что глас Отца исходит из облака. Согласно толкованию святых отцов, преобразился не только Господь, но и апостолы, поскольку они смогли видеть славу Божию, т. е. преображена была сама тварная природа. Именно поэтому церковный праздник Преображения знаменует собой начаток жизни будущего века, т. е. Новой земли и Нового неба, о которых речь идёт в Откровении

святого Иоанна Богослова. «Белые башни облачного мира» в стихотворении отсылают нас к образу башен святого града Иерусалима. Есть и другие символы и сигналы, отсылающие нас к последним двум главам Откровения. «Прозрачное стекло» воды соотносится и с образом «чистой реки воды жизни, светлой, как кристалл» (Откр. 22:1), и образом Небесного Иерусалима, котором говорится: «...город был чистое золото, подобен чистому стеклу» (Откр. 21:18). Стены Города описываются святым Иоанном следующим образом: «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло» (Откр. 21:18–21). Город предстаёт как дивное творение уже не просто Творца неба и земли, но и непостижимого Ювелира. И в стихотворении «Вечер на Оке» светоносное действие свершает ювелир: «Из белых башен облачного мира / Сойдет огонь, и в нежном том огне, / Как будто *под руками ювелира*, / Сквозные тени лягут в глубине» [1, т. 1, с. 312]. Таким образом, «многоочитость слова» в поэзии Заболоцкого связана с таким качеством, которое мы можем назвать «эсхатологичностью». «Многоочитое слово» – это и «эсхатологическое слово».

В поэме «Город в степи» в свете этого свойства слова реальные пейзажи начинают обретать не только многослойность и многогранность, не просто эпическую широту, но и эсхатологическую смысловую наполненность. Так, терриконы – эти рукотворные горы («Живые горы дыма и огня») пресуществляются в пирамиды Египта и – ещё глубже – в пейзаж геенны огненной, где дым, и пламя («огнь неугасающий»), и скрежет зубов (реальная геенна, кстати, представляла собой свалку под Иерусалимом, где постоянно горел огонь). Стальные краны, с одной стороны, подобны живым существам, с другой – идолам, стоящим на «пьедесталах каменных пород». «Червь неусыпающий» тоже просматривается в образах и первой, и четвертой главок: составы, в которые загружают уголь, чисто визуально похожи на некоего механического червя, не прекращающего своего движения. Стальные краны, совершая свой «медленный поворот», издают звук, который похож на «скре-

жет зубовой». Стараниями советской власти возводятся стены Нового Вавилона, который подлежит суду и ввержению в геенну огненную.

Но вот парадокс, создаются эти стены руками тысяч мучеников, а их мучениями создается совсем иной Град, святой Град – Иерусалим Небесный. Такова диалектика промысла Божьего. И прославление труда, и слава акынов, сливаясь в едином аккорде, прославляют не Ассаргадона-Ленина, а Солнце Правды, которое сияет в Иерусалиме Небесном: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21:23–27). Вот откуда проистекает торжественное славословие у Николая Заболоцкого в этой поэме, а не из конформистской попытки понравиться советской власти.

Можно сказать, что «многоочитое», «эсхатологическое» слово Николая Заболоцкого всегда находится в двух временных пространствах – в пространстве конкретного исторического времени и в пространстве времени библейского откровения. Исторический хронос пронизан у Заболоцкого эсхатологическим кайросом, и именно в кайросе его произведения обретают и раскрывают свой подлинный, сокровенный, высший смысл.

Список литературы

1. *Заболоцкий Н. А.* Собрание сочинений : в 3 т. М. : Художественная литература, 1983–1984.
2. *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. М. : Согласие, 1998. 592 с.
3. *Брюсов В. Я.* Ассаргадон. URL: <https://rustih.ru/valerij-bryusov-assargadon/> (дата обращения: 25.01.2022).
4. *Маяковский В. В.* Владимир Ильич Ленин. URL: <https://vladimir-mayakovskiy.su/poemy/vladimir-ilich-lenin/> (дата обращения: 15.02.2022).
5. *Скоропанова И. С.* Загадки поэмы «Птицы» Н. Заболоцкого // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества : Материалы научно-литературных чтений : сб. ст. М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2005. С. 102–112.
6. *Мандельштам О. Э.* Сочинения : в 2 т. Т. 2. Проза. М. : Художественная литература, 1990. 464 с.
7. *Св. Иоанн Златоуст.* Сокровища духовной мудрости. URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/sokrovishhnica-duhovnoj-mudrosti/txt03.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

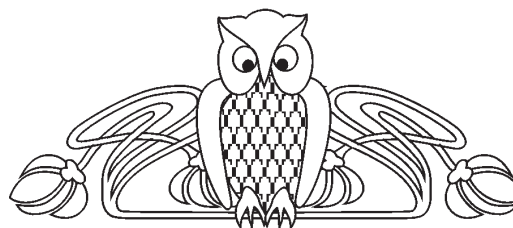

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 313–319
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 313–319
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-313-319>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-6+929[Федин+Полонская]

Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений

М. В. Григорьева

¹Государственный музей К. А. Федина, Россия, 410002, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 154

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Григорьева Мария Валерьевна, ¹заместитель директора по научной работе, ²аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, maria.grig2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0580-6348>

Аннотация. В статье анализируется переписка Е. Г. Полонской и К. А. Федина – участников литературной группы «Серapiоновы братья», образовавшейся в Петрограде в 1921 г. Короткий, но яркий период существования содружества до сих пор интересует многих исследователей. Особенно актуальным становится изучение документальных источников, позволяющих заполнить фактологические лакуны в истории как самого Серapiонова братства, так и взаимоотношений его отдельных членов. Автор статьи привлекает ранее не публиковавшиеся материалы из архива К. А. Федина и на их основе рассматривает, как отражается «серapiоновская» тема в эпистолярной Полонской и Федина 1925–1968 гг. Особенно интересным представляется письмо Полонской 1925 г.: написанное в период активной деятельности «Серapiоновых братьев», оно отражает актуальный авторский взгляд на события литературной жизни 1920-х гг. Основной массив переписки охватывает период конца 1950-х – начала 1960-х гг. В это время Полонская начинает работать над воспоминаниями, часть которых посвящает «Серapiоновым братьям»: Константину Федину и Михаилу Зощенко. Впервые она публикует их в 1963 г. в Ученых записках Тартуского государственного университета. Присланная Федину для ознакомления перед публикацией рукопись становится для корреспондентов отправной точкой в разговоре об уникальности мемуарного жанра, о возрождении интереса к Серapiонам и о будущих исследованиях. Сквозной темой всех писем являются чувство принадлежности к Серapiонову братству, ощущение дружеской поддержки на протяжении многих лет и значимость этого для каждого из них.

Ключевые слова: Е. Полонская, К. Федин, Серapiоновы братья, эпистолярный, советская литература

Для цитирования: Григорьева М. В. Е. Г. Полонская и К. А. Федин: к истории взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 313–319. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-313-319>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

E. G. Polonskaya and K. A. Fedin: To the history of the relationship

M. V. Grigoryeva

State Museum of K. A. Fedin, 154 Chernyshevskogo St., Saratov 410002, Russia

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria V. Grigoryeva, maria.grig2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0580-6348>

Abstract. The article analyzes the correspondence of E. G. Polonskaya and K. A. Fedin, members of the literary group Serapion Brothers, formed in Petrograd in 1921. The short but bright period of the existence of the association is still of interest to many researchers. Particularly relevant is the study of documentary sources, which make it possible to fill in the factual gaps in the history of both the Serapion fraternity itself and the relationships of its individual members. The author of the article draws on previously unpublished materials from the archive of K. A. Fedin and on their basis considers how the theme of Serapion is reflected in the epistolary of Polonskaya and Fedin of 1925–1968. Of a particular interest is Polonskaya's letter of 1925: written during the active work of Serapion Brothers, it reflects the current view of the author on the events of the literary life of the 1920s. The bulk of the correspondence covers the period of the late 1950s – early 1960s. At this time, Polonskaya begins to work on her memoirs, some of which she dedicates to the Serapion Brothers: Konstantin Fedin and Mikhail Zoshchenko. She first publishes them in 1963 in the Academic Proceedings of the Tartu State University. The manuscript sent to Fedin for review before publication becomes for the correspondents the starting point of a conversation about the uniqueness of the memoir genre, about the revival of interest in the Serapions, and about future research. The recurring theme of all letters is the feeling of belonging to the Serapion fraternity, friendly support over the years and the significance of this for each of them.

Keywords: E. Polonskaya, K. Fedin, Serapion Brothers, epistolary, Soviet literature

For citation: Grigoryeva M. V. E. G. Polonskaya and K. A. Fedin: To the history of the relationship. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 313–319 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-313-319>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Про литературную группу «Серапионовы братья» исследователями написано многое: изучены личные и творческие биографии входивших в нее прозаиков и поэтов, их воспоминания, взаимоотношения, опубликована переписка отдельных участников. Среди членов содружества была и Елизавета Григорьевна Полонская – единственная «сестра» среди «Серапионовых братьев», поэтесса, ярко заявившая о себе в начале 1920-х гг. сборниками «Знамя» (1921) и «Под каменным дождем» (1923). Однако интерес к ней критиков постепенно угас: с 1930–1940-х гг. Полонская постепенно отходила в тень, занимаясь в большей степени переводами иностранных авторов. Между тем изучение связанных с ней личных документов представляется крайне интересным, так как позволяет проследить, в частности, историю Серапионовского братства вплоть до конца 1960-х гг.

В архиве К. А. Фебина сохранилось 25 писем Е. Г. Полонской. Они охватывают значительный период – с 1925 по 1968 г. Широкий диапазон зафиксированных в них событий, размыслений, воспоминаний. Выявленных ответных писем Фебина – еще меньше: все они относятся к 1950–1960-м гг. Шесть писем из архива Полонской опубликованы Б. Фрезинским [1, с. 376–380], а копии еще двух сохранились в архиве самого Фебина. В данной статье мы рассмотрим, как отражается «серапионовская» тема в их переписке.

Самое раннее из писем Полонской датировано 21 июля 1925 г. Оно единственное написано в период существования группы «Серапионовы братья». Тем ценнее фактологическая сторона этого документа.

Летом 1925 г. Фебин гостил у своего друга И. С. Соколова-Микитова в деревне Кислово Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Там он восстанавливался после болезни, изучал новую деревенскую жизнь и продолжал активно работать. Полонская начинает письмо с присущим ей юмором: «На деревню – Федину. Дорогой Фебин, алло! алло!» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915)¹ – и этим противопоставлением «далекая глушь – телефон» сразу подчеркивает непривычность сельской обстановки для истинного франтоватого горожанина, каким был Константин Александрович. «Слышала, что Вы заболели и ужасно огорчилась. Надеюсь, что эта болезнь естественная и называется “*graviditas scriptorium*”². Не надо только перена-

шивать – это вредно и для отца, и для ребенка» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915).

Создается впечатление, что Полонская осведомленно намекает на какую-то крупную новую вещь, над которой работал Фебин. Между тем предыдущий год был ознаменован выходом в свет романа «Города и годы», сразу же завоевавшего огромную популярность. Реакция критики на него была неоднозначной, но, несмотря на это, на Фебина обрушился поток предложений о переводах книги на разные иностранные языки, даже эсперанто. Константин Александрович действительно плохо себя чувствовал физически и морально, поэтому возлагал на поездку в Кислово большие надежды, отправляясь, как он шутливо живописал сестре 27 мая 1925 г., «с женой, детьми, горшками и примусом <...> подальше от суеты, поближе к созерцанию» [2, с. 60]. Сообщая о своем решении приехать, 14 мая 1925 г. он писал Соколову-Микитову: «Работать все тяжелее. Поездка к тебе кажется мне чем-то целебным, я очень, очень устал» [3, с. 85]. В 1925 г. Фебин уже начал работать над «Кавказскими рассказами» (позднее переименованными автором в «Абхазские рассказы» (М.; Л., 1927)).

О работе Фебина над следующей крупной вещью – вторым романом «Братья» – мы впервые узнаем 24 октября 1926 г. из его письма сестре Александре, где он оправдывается за свое молчание и пишет, что «продал свою душу дьяволу во образе ежемесячного журнала, подрядившись дать большой роман на 1927 г.» [2, с. 84]. И сама Полонская упоминает его гораздо позже в письме М. Шагинян 21 августа 1927 г., когда дает беглый отчет о литературных новостях: «Фебин рождает “Братьев”. Роды трудные и благодарное население ожидает разрешения от бремени с терпением!» [1, с. 365].

Уже не подлежит сомнению вовлеченность Серапионов в творческий процесс всех братьев, их осведомленность о литературных планах друг друга. Она была высока, даже если эти планы и не воплощались в жизнь. 2 августа 1925 г. из Кислово Фебин писал редактору журнала «Красная Новь» А. К. Воронскому: «Живу здесь третий месяц, впитал в себя такое количество материала, что отяжелел, как губка от воды. Думаю о повести, о “Лете” – нечто вроде “Мертвых душ”, может быть, хотя другое» [2, с. 62]. Название «Лето», заявленное автором письма, вероятно, было следствием потрясения от встречи с необыкновенной красотой смоленской природы. Соколов-Микитов, зазывая Фебиных в гости, наказывал: «Только, ради Бога, не опаздывайте, не пропускайте цветущего лета» (подчеркнуто

¹ Здесь и далее даются ссылки на учетные номера предметов основного фонда Государственного музея К. А. Фебина.

² Лат. *graviditas scriptorium* – беременность писателей.

Соколовым-Микитовым. – М. Г.). В 1920-х гг. задуманная Фединым повесть не была написана, но много лет спустя образ «Необыкновенного лета» обрел воплощение в заглавии одного из романов трилогии Федина.

Свое письмо Полонская пишет на бланке Ленинградского отделения Государственного издательства. В адресе, указанном в шапке документа, она зачеркивает слово «редакция» и вписывает вместо него слово «комната», характеризуя тем самым положение дел «на литературном фронте»: «У нас здесь безлюдь, мертвь и безденежь. Ленгиз похож на клетку сдохшего зверя. Илья <Груздев> сидит грустный и обстоятельно отвечает на все вопросы» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915). Речь, в первую очередь, идет о ситуации с издававшимся в Ленгизе в 1925–1926 гг. литературно-художественным альманахом «Ковш», который современниками воспринимался как истинно «серапионовское начинание». В редколлегия альманаха входили трое Серапионов: К. А. Федин, М. Л. Слонимский, И. А. Груздев. Последний в письме Федину от 21 июля 1925 г. (написанном на таком же бланке, как и письмо Полонской) описывает ситуацию с альманахом как катастрофическую, объясняя это резким сокращением тиража и, как следствие, повышением цены выпуска более чем в два раза: «Ионов¹ приказал снизить цену до 2 р. 20 коп., а издание прекратить!» [4, с. 69]. Тем не менее, свет увидели еще третья и четвертая книги этого альманаха. За всю краткую историю его существования в нем были опубликованы произведения почти всех Серапионов: М. М. Зощенко, Н. С. Тихонова, М. Л. Слонимского, К. А. Федина, Н. Н. Никитина, В. А. Каверина, Е. Г. Полонской.

Еще одна загадка письма Полонской скрывается в заключительных строках: «Черкните-ка мне письмо, хотя это и против Серапионовских традиций!» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 21 июля 1925 г., ГМФ 34915). Нам пока не удалось выяснить, что за традиции она имела в виду, так как установлено, что Серапионы активно переписывались с момента образования группы и друг с другом, и с уехавшим затем на лечение Л. Н. Лунцем, а также с М. Горьким, Е. И. Замятиным, А. М. Ремизовым. Подтверждением этому служит опубликованная переписка Федина с Вс. В. Ивановым [5], М. М. Зощенко [6, с. 331–370], М. Л. Слонимским [7, с. 336–690], В. В. Познером [7,

с. 283–335] и другими, а также письма К. А. Федину от Н. Н. Никитина [8], И. А. Груздева [4].

«Серапионовская тема» снова становится заметной уже в поздних письмах Полонской.

28 декабря 1953 г. она пишет: «Вчера у меня был некий молодой человек (фамилия его, кажется, Ширмочкин) и сказал, что пишет о Вас книгу (очевидно, диссертацию), для чего ему необходимо было бы узнать внутренние отношения между Серапионами, ибо все остальное о Вас он уже знает и все напечатанное прочитал.

Я была несколько смущена его намерениями и сказала ему, что это вопросы, которые будут освещаться лет через 100. На что он весьма резонно мне ответил, что тогда он не сможет зайти ко мне, и развел руками» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 28 декабря 1953 г., ГМФ 34918).

Речь идет о Павле Петровиче Ширмакове, аспиранте, а позднее научном сотруднике Института русской литературы (Пушкинского Дома). С начала 1950-х гг. он работал над изучением творчества Константина Александровича и в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию «Творчество К. А. Федина в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1918–1924)». В архиве К. А. Федина сохранился экземпляр автореферата с дарственной надписью: «Дорогому Константину Александровичу автор. 2.XII.55 г.» [9, с. 1].

В письмах молодой ученый излагал свои мысли о героях произведений Федина, о недостаточности анализа в критических работах своих предшественников. Кроме того, он неоднократно просил писателя о встрече, собираясь обсудить какие-то важные вопросы, но документальных подтверждений тому, что такая встреча состоялась, найти не удалось. Из писем явственно следует, что первоначальный план работы Ширмакова охватывал период творчества Федина вплоть до начала 1950 г., но затем исследователь существенно ограничил временные рамки.

В самом начале автореферата мы читаем: «К. А. Федин испытал немалые трудности в своем развитии, преодолевая чуждые нашей литературе влияния» [9, с. 1]. Этому «чуждому влиянию» и посвящена вторая глава его работы – рассказу о существовании Федина в литературной группе «Серапионовы братья». Очень скупо рассказывая о Серапионах, «имевших целью увести литературу на путь безыдейности и аполитизма», автор подчеркивает, что, вступив в группу, Федин сразу же «занял особую позицию, разойдясь с наиболее “правовверными” “серапионами” по вопросам об общественном назначении литературы и

¹ Ионов И. И. (наст. фам. Бернштейн; 1887–1942) – революционер, издательский работник, поэт. В 1924–1925 гг. возглавлял Ленинградское отделение Госиздата.

отношении к классическому наследию» [9, с. 10]. Тем самым Ширмаков вывел актуальный для внутренних споров группы конфликт с формалистами за область чистого творчества, превратил его исключительно в идеологический. «Постепенное освобождение Федина от “серапионовского” влияния было победой в его творчестве горьковского начала, торжеством правды жизни» [9, с. 11]. Собирая аргументы для подтверждения своей теории, молодой исследователь акцентирует внимание именно на тех произведениях Федина, которые Братьями были приняты неодобрительно, а при упоминании других искажает основу авторской идеи и смещает смысловой акцент в сторону «рисования страшного мира прошлого, где процветали нравственные уроды...» [9, с. 12]. Недостаточное изображение Фединым новых революционных сил общества полностью вписывается Ширмаковым в «порочную эстетику “Серапионовых братьев”» [9, с. 12].

Мы думаем, что именно этим объясняется желание автора узнать у Полонской всю «подноготную» внутренних конфликтов Серапионов. Ширмаков не удалось собрать материал о частных проявлениях их внутренних споров, поэтому в своей диссертации он ограничился лишь общими фразами.

Во многих письмах Полонской Федину 1950–1960-х гг. присутствуют незначительные детали и намеки, так или иначе указывающие на причастность к Серапионову братству. «Вы остались тем же молодым Фединым, каким я Вас знавала когда-то “на заре туманной юности”» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 1 марта 1952 г., ГМФ 6720/19); «Благодарю за внимание. Брату-пустыннику и сестре-пустыннице оно тоже бывает необходимо, а главное приятно» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 13 апреля 1957 г., ГМФ 34921); «Пишу об этом не как Серапионова сестра, а как читатель»; «Вот и пожаловалась Вам как Серапионову брату на редакторов-издателей!» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 20 декабря 1961 г., ГМФ 4460/1); «Увы, и Ваша Серапионова Сестра не была на этом празднике...» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 28 февраля 1967 г., ГМФ 34934) и т.п. Свою книгу «Стихотворения и поэма», вышедшую в Ленинграде в 1960 г., Полонская подписала Федину «На память о серапионовой сестре». Мы узнаем об этом из ее письма от 18 июля 1961 г.: «Месяца три тому назад, из Комарова я послала Вам книгу своих стихов. Мне хотелось, чтобы она у Вас была и чтобы вы ее просмотрели <...> Получили ли Вы ее? Не стала бы спрашивать, зная Вашу давнюю привычку отвечать на письма. Но на

днях мне пришла странная мысль: быть может я не подписала книги, а только обозначила – на память о серапионовой сестре – ! Если это так, прошу меня извинить» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 18 июля 1961 г., ГМФ 34922). В настоящее время книга в архиве писателя не выявлена, но мы знаем о том, что он получил этот экземпляр и 16 ноября 1961 г. поблагодарил Полонскую за ее дар: «Милая Серапионовская сестра Елизавета Григорьевна! Спасибо Вам Братское за память – за книгу <...> Я очень рад, что вышла эта Ваша книга – ответ неумирающих чувств, которые зажгли и продержали нашу дружбу в котле бурь и туманов целое соколатетие» [1, с. 377].

Дружба между Серапионами (справедливости ради скажем, не всеми) продолжалась и много лет спустя после того, как содружество прекратило свое существование. Хотя последний раз Серапионы праздновали годовщину образования группы в 1929 г., время от времени 1 февраля, в день образования Братства, они собирались вместе. В дневниках 1957 г. Федин вспоминает один из таких вечеров: «Февраль. 1-го числа – у Всеволода <Иванова>. Были Ел. Полонская, Каверин с Лид<ией> Ник<олаевной>¹. Со мной – Нина². Каверин прочитал главу воспоминаний. Это о Лунце и Зоценке, немного о себе. Всем понравилось. <...> Вечер оставил по себе хорошее чувство, и я рад» [10, с. 420].

Если не было возможности встретиться лично – поздравляли друг друга в письмах и телеграммах, передавали приветы другим участникам.

Атмосфера «оттепели» конца 1950-х гг. подтолкнула Полонскую к работе над воспоминаниями. Начав с раннего детства и школьных лет, пережив заново революционную юность в Петербурге и Париже, она подошла к 1920-м гг. 20 декабря 1961 г. Полонская пишет Федину: «Я и сама, при всей моей лени, спешу записать хоть что-нибудь из того, что видела на веку. Мне кажется, что я в долгу перед многими людьми, ведь столько жизней прожито мною за мою одну жизнь. Не знаю еще, что буду делать с написанным. Читаю Александру Григорьевичу³, и он пока мой единственный критик» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 20 декабря 1961 г., ГМФ 4460/1).

В скором времени замысел приобрел общую оформленность: Полонская стала писать

¹ Тынянова Лидия Николаевна (1902–1984) – писатель, жена В. А. Каверина.

² Федина Нина Константиновна (1922–2018) – актриса, дочь К. А. Федина.

³ Мовшенсон Александр Григорьевич (1895–1965) – театровед, брат Е. Г. Полонской.

короткие отрывки, посвященные встречам со значимыми для нее людьми. Так, в 1962 г. в Пушкинском Доме на вечере, посвященном 70-летию К. А. Фебина, Полонская впервые прочитала свои воспоминания о знакомстве с Константином Александровичем. В письме от 5 декабря 1962 г. она рассказывает Федину о том, как прошел вечер, как силами его «ленинградских друзей» была организована выставка, на которой представили редкие издания его книг, фотографии и рукописи. «Теперь посылаю Вам, дорогой Константин Александрович, те несколько страничек, которые когда-нибудь войдут в мои воспоминания, и прошу прочесть их. У меня просили эти воспоминания для «Записок Тартуского университета». Если Вы не возражаете, я пошлю их в Тарту и добавлю к моим воспоминаниям о встречах с Мишей Зоценко, которые я им уже дала в прошлом году. Из Серапионов я показывала их Слонимскому, а он, как присяжный редактор, вычеркнул кое-какие строки, которые я сразу же восстановила в прежнем виде. Если будет у Вас время и охота, напишите, согласны ли Вы, чтобы воспоминания о Вас были напечатаны так, как Вы их прочтете в прилагаемой рукописи» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 5 декабря 1962 г., ГМФ 34924). По сохранившейся в архиве писателя рукописи (Полонская Е. Г. О Константине Федине. 1963, ГМФ 15147) видно, что Федин не сделал в тексте ни единой правки. В ответном письме от 10 декабря 1962 г. он объясняет свое решение: «Само собой, я ничего не имею против того, чтобы Вы послали Тартускому университету страницы воспоминаний, посвященных нашему знакомству.

Уже не сегодня и не вчера начался счет пятому десятку лет с того времени, когда зародилась серапионовская литература на углу Мойки и Невского. Да и себе я уже замерил почин восьмого. И разве поручишься за крепость памяти, когда ушло такое множество событий в прошлое, и наш численник так поистрепался?

Мне кажутся серапионовские календы в такой последовательности, Вам – в другой. И я не взялся бы «редактировать» Вашу память и понимаю Вас, когда Вы не соглашаетесь с «редактором» М. Слонимским» (Федин К. А. Письмо Полонской Е. Г. от 10 декабря 1962 г., ГМФ 51798).

Воспоминания Полонской, напечатанные в VI выпуске «Ученых записок Тартуского университета. Трудов по русской и славянской филологии» включали в себя отрывки о Федине, Зоценко и Маршаке [11].

Полонская особенно подчеркивала, как важно для нее было написать о Зоценко, судьба

которого трагически осложнилась после Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 г.: последовало исключение из Союза писателей и отлучение от литературы на многие годы.

Еще 2 февраля 1933 г. в дневниковой записи об очередной годовщине Братства Федин говорил о полной примиримости всех присутствующих на основе «единогласного признания исключительного дарования Зоценки»: «Его стараются “снизить” – измельчить, печатают в юмористических журнальчиках, чтобы он, кой грех, не поднялся до высоты большой, общественно-важной индивидуальности. А он – явление из ряда вон выходящее, очень значительное, <...> подымающееся до Гоголя. <...> Его стараются представить зубоскалом (и то, что он пишет, действительно неудержимо-смешно), мещанским “рупором”, а он – безжалостный сатирик и – мож<ет> быть – единственный в наши дни писатель с гражданским мужеством и человеческим голосом, без фистулы подобострастия. Мне показало, что он переживет всех нас, и, вероятно, я не ошибаюсь...» [10, с. 63–64]. Федин внес свой вклад в восстановление имени Зоценко, публично признавая его мастерства и роли в литературе, включив главу о нем в свою книгу «Писатель. Искусство. Время» [12, с. 171–181]. Поэтому желание Полонской было ему очень близким, тем более что она уже писала о том, как трудно ей было устроить эти воспоминания и как она рада тому, что их взял именно Тартуский университет, в котором она сама училась и сдавала экзамены. Одобрительные письма прислали Полонской Каверин, Шкловский, Эренбург, Шагинян, Тихонов [13, с. 24]. Федин поддержал ее в письме от 1 июля 1964 г.: «Дорогой друг мой и сестра Елизавета Григорьевна! <...> Я получил “Уч<еные> записки Тартуск<ого> Унив<ерситета>” с Вашими воспоминаниями. Большущее спасибо. Центральная глава их – о Зоценке – лучшая во всех отношениях: хороши факты, точна, изящна характеристика, и Миша грустновато, но усмешливо проглядывает почти из каждого абзаца.

Поблагодарите от меня всех ученых, подпавших подаренный мне выпуск “Записок”. Скажите им, что мы очень ценим труды тартуских филологов и особенно все, что они делают для советской русской литературы» (Федин К. А. Письмо Полонской Е. Г. от 1 июля 1964 г., ГМФ 51799).

Последний абзац относился к сопроводительному письму Полонской к упоминаемому нами выпуску «Ученых записок». «Теперь они <редакторы> прислали мне номер своего журна-

ла, который просят переслать Вам, так как сами немного стесняются, боятся, что Вы не станете читать. Я их конечно разуверила в этой мысли и думаю, что может быть – Вы поддержите меня» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 10 декабря 1963 г., ГМФ 34926).

Экземпляр с надписью «Многоуважаемому Константину Александровичу Федину» [11, авантитул], подписанный членами редколлегии З. Г. Минц, Б. Ф. Егоровым, С. Г. Исаковым, В. И. Беззубовым и Ю. М. Лотманом, сохранился в архиве К. А. Федина.

Подчеркивая еще раз важность этой публикации для автора, приведем другой фрагмент из письма Полонской Федину от 29 июля 1964 г.: «Спасибо, что похвалили мой очерк о Мише Зоценко. Я очень обязана редакторам Записок Тартуского университета, что они напечатали его. И Федин, и Маршак написаны мною от души. Но главное, и Вы это поняли, напечатать Зоценко. Я передала этим молодым людям Вашу благодарность за то, что они делают для русской литературы. Они очень ценят Ваш отзыв. Все они питомцы Ленинградского университета, а некоторые Московского. Хочу в следующий номер дать им воспоминания о других людях, которых я знала. Но это пока проекты» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 29 июля 1964 г., ГМФ 34928).

Позднее Полонская написала о многих, посвятив отдельные главы Лунцу, Иванову, Никитину и «Серрапионовым братьям» вообще.

В 1966 г. Елизавета Григорьевна поздравила Федина с 45-летием Серрапионов: «Жаль, что города и годы¹ уже позади, пусть они вновь появятся и для Вас, и для меня» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 1 февраля 1966 г., ГМФ 34931).

Желая поддержать тяжело больную писательницу, Федин ответил ей 6 февраля 1966 г.: «Спасибо за первое февраля! До нашей золотой свадьбы² – еще пять лет. Давайте условимся непременно отпраздновать ее... А до того не будем забывать Первое февраля, как не забывали его все прошедшие годы» [1, с. 379].

Полонская ответила: «Спасибо Вам за письмо и за предложение заключить договор о праздновании золотой серрапионовой свадьбы.

*“И вырвал грешный мой язык,
И праздный, и лукавый...”*

¹ «Города и годы» – название романа К. А. Федина. Так же, по утверждению Б. Я. Фрезинского, это был один из вариантов названия книги мемуаров Е. Г. Полонской.

² Группа «Серрапионовы братья» образовалась 1 февраля 1921 г.

Не смею, дорогой брат, хоть и охота смертная» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 10 февраля 1966 г., ГМФ 34932).

Действительно, этот отказ был пророческим: Полонская скончалась в 1969 г., не дожив до 50-летнего юбилея такого дорогого ей Серрапионова братства. Но пророческими были и другие ее строки. Отвечая Федину на его замечания об уникальности восприятия мемуаров, она пишет: ««Серрапионовские календы», как Вы их назвали, понемногу выходят из-под пыли десятилетий. Настанет время, и новые Шлимань³ будут создавать себе имя на этих раскопках» (Полонская Е. Г. Письмо Федину К. А. от 17 декабря 1962 г., ГМФ 34925).

Хочется отметить, как точно уловила она родственность занятий археолога и исследователя литературы. Ведь поиск уникальных документов и их введение в научный оборот также дает возможность делать удивительные открытия. И многие факты, скрытые пока от глаз историков литературы, еще обогатят наши знания об истории «Серрапионовых братьев».

Список литературы

1. Фрезинский Б. Я. Судьбы Серрапионов : Портреты и сюжеты. СПб. : Академический проект, 2003. 595 с.
2. Федин К. А. Письмо Солониной А. А. от 27 мая 1925 г. // Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. Т. 11. Письма 1909–1977. М. : Художественная литература, 1986. 590 с.
3. «Свела нас Россия» : переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова 1922–1974 / под ред. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой ; сост. и вступ. ст. И. Э. Кабановой, подг. текста и коммент. И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой, Т. И. Сыромятниковой. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. 498 с.
4. Письма И. А. Груздева К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. О. П. Семенов и И. В. Ткачевой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский : в 2 кн. Кн. 2. СПб. : Наука, Ленинградское отд-ние, 2006. С. 67–82.
5. Письма Вс. В. Иванова К. А. Федину / вступ. ст., подг. текста и примеч. Е. А. Мазановой // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 692–714.
6. Константин Федин и его современники : Из литературного наследия XX века / редкол. : И. Э. Кабанова (сост.) [и др.]. Кн. 1. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН ; [Саратов] : Гос. музей К. А. Федина, 2016. 680 с.
7. Константин Федин и его современники : Из литературного наследия XX века / редкол. : И. Э. Кабанова

³ Шлиман Генрих (1822–1890) – археолог, получивший известность как первооткрыватель Трои.

- (сост.) и др. Кн. 2. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН ; [Саратов] : Гос. музей К. А. Федина, 2018. 768 с.
8. Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 2. СПб. : Наука, Ленинградское отд-ние. С. 27–66.
9. Ширмаков П. П. Творчество К. А. Федина в период гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1918–1924) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 21 с.
10. Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. М. : Художественная литература, 1986. 623 с.
11. Полонская Е. Г. Из литературных воспоминаний // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. VI. Тарту, 1963. С. 379–382.
12. Федин К. А. Писатель. Искусство. Время. М. : Советский писатель, 1957. 524 с.
13. Фрезинский Б. Я. Елизавета Полонская – ее жизнь и стихи, ее «Города и встречи» // Полонская Е. Г. Города и встречи. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 3–28.

Поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 10.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 320–329

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 320–329

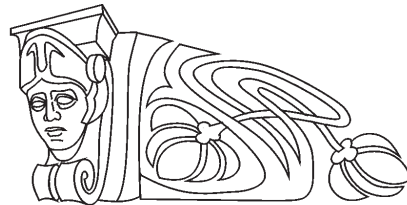
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-320-329>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2-311.6+929[Пестель+Зорин+Окуджава]

Пестель vs. Пестель: трагедия Л. Зорина «Декабристы» и роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов»

М. А. Александрова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Александрова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Аннотация. В статье предпринят сопоставительный анализ двух интерпретаций личности и судьбы Пестеля в литературе поздней «оттепели». Показан вклад писателей-ровесников в освобождение культурно-исторической памяти от официального диктата, обозначена основа их мировоззренческой близости: это осознание «роковой проблемы нравственности и революции» (Зорин). Автор трагедии «Декабристы» (1966) и автор романа «Бедный Авросимов» (опубликован в 1969-м) работали с одними и теми же документами по истории декабризма, однако каждый установил для себя иерархию источников. Отсюда, как показано в статье, различие творческих стратегий и замечательных (в том и другом случае) художественных результатов. Зорин, удививший современников смелостью подхода к привычной теме, в целом остался верен духу декабристского мифа. Для драматурга первостепенное значение имело мемуарное свидетельство священника Мысловского («Ничто не колебало твёрдости его»); поэтому зоринский герой даже накануне казни представлен борцом, устремлённым в будущее. С иной стороны открывается «главный декабрист» Окуджаве: в основу концепции романа положены факты, которые «от первого лица» опровергают мифологизированную репутацию Пестеля. Это позволяет современному писателю увидеть в давней политической трагедии её вечную – экзистенциальную – природу. Стимулирующий контекст творческого поиска Окуджавы образуют не только исторические документы, но и впечатления от «Декабристов» (пьесы и спектакля на сцене театра «Современник»); в статье прослежены основные аспекты полемического диалога романиста с драматургом. Если пьеса Зорина талантливо актуализирует декабристскую мифологию и персональный миф Пестеля, то в романе Окуджавы миф отрефлексирован и преодолен.

Ключевые слова: Л. Зорин, Б. Окуджава, декабристы, миф, канон, Павел Пестель

Для цитирования: Александрова М. А. Пестель vs. Пестель: трагедия Л. Зорина «Декабристы» и роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 320–329. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-320-329>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Pestel vs. Pestel: L. Zorin's tragedy *The Decembrists* and B. Okudzhava's novel *Poor Avrosimov*

М. А. Aleksandrova

Linguistic University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Maria A. Aleksandrova, nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Abstract. This paper undertakes a comparative analysis of two interpretations of Pavel Pestel's personality and fate in the literature of the late Khrushchev thaw. The contribution of the peer writers to the liberation of cultural and historical memory from official dictatorship is discussed, the basis of their ideological similarity is shown: this is the awareness of the fatal problem of morality and revolution (Zorin). The author of the tragedy *The Decembrists* (1966) and the author of the novel *Poor Avrosimov* (published in 1969) worked with the same documents on the history of Decembrism, but each of them established his own hierarchy of sources. The article shows the difference between creative strategies and remarkable artistic results of both authors. Zorin, who surprised his contemporaries with his bold approach to a familiar topic, on the whole remained true to the spirit of the Decembrist myth. For the playwright, the memoir testimony of the priest Myslovsky ("Nothing shook his firmness") was of paramount importance; therefore, even on the eve of his execution, Zorin's hero is presented as a forward-looking fighter. The chief Decembrist in Okudzhava's work is different: the concept of the novel is based on the facts that "in the first person" overturn the mythologized reputation of Pestel. This allows the modern writer to see the eternal – existential – nature in the old political tragedy. The context of Okudzhava's creative search is formed not only by historical documents, but also by impressions from the *Decembrists* (a play and performance on the stage of the

Sovremennik Theatre); the article underlines the main aspects of the polemical dialogue between the novelist and the playwright. While Zorin's play skillfully updates the Decembrist mythology and Pestel's personal myth, the myth in Okudzhava's novel is reflected and hence overcome.

Key words: L. Zorin, B. Okudzhava, Decembrists, myth, canon, Pavel Pestel

For citation: Aleksandrova M. A. Pestel vs. Pestel: L. Zorin's tragedy *The Decembrists* and B. Okudzhava's novel *Poor Avrosimov*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 320–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-320-329>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Творческое самоопределение в контексте декабристского мифа: разные пути

Личность Пестеля привлекла внимание Леонида Зорина и Булата Окуджавы на излёте «оттепели», в «эпоху расцвета литературно-исторической аналогии», когда «острые вопросы современности решались и в открытом диспуте, и в исторических декорациях» [1, с. 164–165], а прошлое открывалось подчас с неожиданной стороны. Официальная идеология давно «канонизировала ответы» [2, с. 231], создав культ наиболее радикальных деятелей дооктябрьского периода; образцовым считался роман О. Форш «Первенцы свободы» (1950–1953), где «Пестель показан как внутренний двигатель, как мозг движения»: «Он единственный из всех не только самозабвенно предан революции, но и знает необходимую последовательность действий, имеет и план восстания, и программу деятельности после него» [3, с. 176]. Хотя А. В. Тамарченко в книге об О. Форш (1966) осторожно замечала, что «выводы историков» скрывали беллетристов 1940–1950-х гг. [4, с. 334], литературная критика ещё долго хвалила «Первенцев свободы» за правильность общей идеи, обеспеченную всесторонней «документированностью» романа [3, с. 176]. Авторы, подвергнутые всем видам «формовки советского писателя» (Е. Добренко), не могли обходиться без посредников, транслировавших «единственно верное» понимание источника: слишком высока была цена идеологической ошибки. «Шестидесятники» увидели в «первичном», подлинном историческом материале альтернативу доктрине – и стимул для творческого воображения; отсюда эпиграф к «Декабристам» Зорина, сочинённый автором раньше самой пьесы: «Здесь вымысел документален // И фантастичен документ» [2, с. 231] (курсив в цитатах везде мой. – М. А.).

Обращение к документам раскрепощало историческую рефлексию, что само по себе ещё не предполагало ревизии декабристского мифа. Во-первых, существовал запрос на очищение его «старшей» версии, возникшей по живому следу событий, от советских напластований. Во-вторых, новая сложность, объёмность исторической картины отвечала стремлению «шестидесятников» устанавливать связь с прошлым на личностном уровне. Документы декабристской

эпохи, представшие «вместилищем страстей» [2, с. 231], служили этой задаче как нельзя лучше. Согласно Н. А. Бердяеву, история в её личностном восприятии «требует веры»; «это не простое насилие над познающим субъектом внешних объективных фактов», но «акт преобразования великого исторического прошлого», т. е. (по определению философа) современный миф, «в котором совершается внутреннее постижение исторического объекта, внутренний процесс, *роднящий субъект с объектом*» [5, с. 18]. Именно так вспоминал Зорин своё приобщение к трагедии декабристов: «Вот передо мной эти бездны и опрокинутые вершины, и мне предстоит повторить это странствие – и взмыть, и пасть, и восстать из праха...» [2, с. 231]. Память о декабризме как «сердце русской истории, лучшая её легенда» [6, с. 87], даже в сталинский период не контролируемая всецело, снова подтвердила свою продуктивность: «перевод сообщений» с языка прошлого на язык современности, «механизм активного и постоянного нового моделирования» образа прошлого позволял извлечь из памяти культуры «больше, чем в неё внесено» [7, с. 567].

Наряду с оригинальными версиями мифа, более многообразными, чем когда-либо прежде, в 1960-е гг. стали возможны и подходы «испытующие». Писатель, удивлявший современников смелостью трактовки декабристской темы, мог всё же оставаться «в пределах» [2, с. 245] (такова поздняя самооценка Зорина) – либо переступить некий рубеж, принципиально менявший авторскую «оптику» [8, с. 221]. Разграничить эти явления позволяет сопоставительный анализ двух образов Пестеля.

Когда в 1972 г. Окуджава комментировал свой первый исторический роман для румынского журнала «Secul 20», Пестель не был упомянут, но он угадывается за коллективным портретом любимцев советской исторической литературы: «Этих профессиональных революционеров оценили и описали так всесторонне, в стольких невероятных ракурсах, что продолжать исследовать их деятельность значило для меня переливать из пустого в порожнее» [9, с. 344]. Зорин, со своей стороны, констатировал: «Не было смысла пускаться в плавание, чтобы утверждать утверждённое» [2, с. 231]. Окуджава открыл для себя дилетантов от политики, беспомощных

«при решении вечного спора: кто прав и кто виноват»; «О да, они были несведущи и неопытны, и не всегда прекрасны, и не во всём правы, но, страдая, пробираясь в потёмках, они, сами того не подозревая, привили своим современникам способность самостоятельно мыслить» [9, с. 345]. Сходным образом расставлены акценты в зоринской типологии декабристов: моральную рефлексию олицетворяет Никита Муравьёв, укоряемый Пестелем за неуместный в политике идеализм. Само осознание «роковой проблемы нравственности и революции» [2, с. 231] делало Зорина и Окуджаву единомышленниками. Далее начинаются расхождения.

Приступая к работе над «Декабристами», Зорин «сразу определил центральный нервный узел конфликта. При этой *стремительности* <...> первенство было за *интуицией*, а не за фундаментальным исследованием» [2, с. 231]. 14 сентября 1966 г. драматург набросал экспозицию, а уже 31 октября «перебелённая рукопись была прочитана первым слушателем» [2, с. 231, 244]. Круг подготовительного чтения Зорина и Окуджавы во многом (как будет показано далее) совпал, но разным оказался сам характер освоения источников. Романное воплощение темы декабризма предполагало совсем иные, нежели в ситуации Зорина, темпы и сроки. Работа над «Бедным Авросимовым» продолжалась около четырёх лет (1965–1968), и за это время первоначальный замысел был изжит. Об отправной точке пути позволяет судить ближайший предшествующий опыт писателя; стадийно он относится к литературному «промежутку», когда ещё оставались в силе законы соцреалистической декабристики, но уже началось «оттепельное» обновление декабристского мифа.

Как автор многогеройной пьесы «Глоток свободы» (опубликована в 1966-м), Окуджава вдохновлялся, прежде всего, личностью Михаила Бестужева. По наблюдениям С. С. Бойко, драматург следовал за М. К. Азадовским, подготовившим издание воспоминаний братьев Бестужевых в «Литературных памятниках»: «Можно смело сказать, что именно он <Михаил> поднял восстание. <...> Он первый положил начало осуществлению намеченного плана, поставив тем самым остальных участников заговора перед совершившимся фактом»; «он безусловно превосходил своих старших братьев революционным темпераментом и безудержным энтузиазмом, что с такой силой и яркостью сказалось в его поведении в утро восстания» [10, с. 612, 615]; «Поступки и весь духовный облик Михаила Бестужева, ярко проявившиеся в записках, *требуют* от произведения о нём *героического пафоса*» [8, с. 105].

Михаил Бестужев лучше многих его товарищей отвечал советскому канону декабриста, но вершиной героической иерархии всё же оставался Пестель: «Никто из подсудимых не был спрашиван в Комиссии более его; никто не выдержал столько очных ставок, как опять он же; везде и всегда был равен себе самому. Ничто не колебало твёрдости его. Казалось, он один готов был на рамена своих выдержать тяжесть двух Альпийских гор» [11, с. 38]. Этот портрет воспроизводили все советские историографы и беллетристы (с неизменным комментарием, что даже «враг» – протоиерей П. Н. Мысловский – воздал должное Герою [12, с. 492–493; 13, с. 314]. В современном контексте подобные биографические легенды контрастировали с участием сталинских жертв. Только безвестность могил казнённых создавала историческую «рифму». Смерть комиссаров в пыльных шлемах «от руки государства, которому они служили, <...> вступала в противоречие с идеологемой “коммунист отдаёт жизнь за дело революции” – была *бесславной*, не несла в себе никакого героического начала» [14, с. 86]. Недостигаемо высокоую судьбу олицетворяли декабристы, поднимавшиеся на эшафот, хранившие *гордое терпенье* в сибирском изгнании. Переходя от образа Бестужева к фигуре Пестеля, от драмы к роману, Окуджава, вероятно, предполагал углубиться в загадку героической личности, устоявшей в поражении. Всё начиналось с безусловной веры в избранного героя, с нерелексивного доверия к декабристскому мифу в целом, но чтение мемуаров, следственных документов и конституционного проекта Пестеля многое изменило: «Меня испугал фанатизм этого человека и оттолкнул от него. Меня не вдохновлял такой героизм. Это был “не мой” герой» (цит. по: [15, с. 14]).

Никто из современников писателя не воспринимал возвеличенного исторического деятеля столь критически, поскольку даже на фоне гуманизма «оттепельного» поколения Окуджава выделялся своими ценностными установками: встреча с личностью Пестеля проявила их со всей наглядностью. Давид Самойлов однажды назвал Окуджаву-лирика сентименталистом, и тот, не противореча сложившейся репутации, особо отмечал «благотворное влияние» сентиментализма [16, с. 96] на свою работу исторического романиста (см. о рецепции сентиментализма в позднем творчестве Окуджавы: [17, 18]). Применительно к роману «Бедный Авросимов» это означало изменение привычного ракурса изображения Героя, «человека подвига». В 1975 г. писатель высказался подробно в домашней беседе с кинорежиссёром Владиславом Виноградовым: «...И вот, когда я изучал эти

документы, я невзлюбил Пестеля. Хотя я сам его выбрал себе, когда мне предлагали там <в издательстве> различных героев. Не то что невзлюбил – не мне судить его через сто пятьдесят лет, – я вдруг увидел в нём проявление такого страшного деспотизма и фанатизма»; «Мне даже стало страшно, когда я подумал о том, что теория Пестеля и его линия могли бы восторжествовать. Не Никиты Муравьёва, а – его!.. <...> А потом бы мы расплачивались за ошибки человека, быть может, прекрасного, желающего добра людям» [19, с. 78, 80]. На эту почву и легли впечатления о зоринском Пестеле.

«Декабристы» Зорина как фактор творческой истории романа Окуджавы

В августе 1967 г. театр «Современник» открыл сезон постановкой «Декабристов» (в роли Пестеля – Игорь Кваша); журнал «Театр» завершил календарный год публикацией текста пьесы. Зимой 1969 г. Окуджава предложил роман в «Дружбу народов», и уже через три дня был извещён, что начальные главы идут в ближайший номер [16, с. 22] – апрельский (сдан в набор 14 февраля). Таким образом, от момента знакомства Окуджавы с «Декабристами» Зорина до завершения «Бедного Авросимова» прошло не менее года интенсивной работы. Концепция двухгеройного произведения возникла рано, на стадии чтения следственных протоколов (о рождении образа писателя Окуджава рассказывал охотно [16, с. 114]), но изображение Пестеля неизбежно становилось трудной задачей. С одной стороны, реальному Пестелю категорически отказано в идейной солидарности; с другой стороны, пушкинская заповедь *милость к падшим* непреложна для Окуджавы. Разрешение коллизии должно было произойти по законам его собственного художественного мира. Опыт писателя-ровесника, уже нашедшего современный ракурс видения сложной исторической фигуры, был интересен вне зависимости от степени согласия с зоринской трактовкой.

В «Бедном Авросимове» есть как минимум одна прямая отсылка к пьесе – цитата, открывающая драматургически построенный эпизод с ведущей ролью Пестеля. Зорин дал герою двух партнёров, Окуджава – трёх; событие встречи в обоих случаях отнесено к последним месяцам перед декабрьской катастрофой. Сравним:

Муравьёв-Апостол. Мы пришли проститься...

Пестель. Я был вам душевно рад, Сергей Иванович. Судьба не балует нас частыми свиданиями. В этом, быть может, её коварный умысел.

Муравьёв-Апостол. Можно взглянуть и с иной стороны – PROVIDENCE нас оберегает [20, с. 132].

Авросимов <...> подошёл к таинственному незнакомцу <...> и сказал ему, словно век уже целый был с ним близок:

– Судьба не часто балует нас встречами.

– Полноте, – улыбнулся полковник, – с нашими-то заботами в наш век можно ли видаться чаще? [21, с. 172]

Оба эпизода развиваются от изъявления дружеских чувств к обнаружению противостояния, но суть коллизии различна. Драматург освещает борьбу Пестеля за власть над волей заговорщиков. Романист позволяет фантазёру Авросимову остановить историческое мгновение, чтобы сказать Пестелю, его рефлексирующему младшему товарищу и защитнику *status quo*: «Нет, нет, <...> я не вижу ни у одного из вас резона, не вижу» [21, с. 174]. Этот пример позволяет наметить перспективу дальнейших сопоставлений.

Персонифицируя противоречия декабристского движения в контрастных парах (Пестель – Никита Муравьёв, Пестель – Муравьёв-Апостол, Пестель – Трубецкой), Зорин оттенил эту сложность картиной сплочённости противоположного лагеря. Дмитрий Блудов, сокрушённо признающий собственный «печальный опыт модных увлечений», усердствующий в своей новой роли, восхищается решением императора привлечь Сперанского к расправе с мятежниками: «Вот где гений, господа! Вот нам всем поучение! Какая широта, какое сверкание мысли! Сперанский, Сперанский, и никто другой! (Почти ликуя.) Весь век охранял вывеску независимого мужа, учителя царей и вот – извольте-с!» [20, с. 144]. Дискредитация Сперанского и Блудова подготовлена спором Пестеля и Муравьёва за год до восстания; первый высмеивает риторику карьеристов с либеральным прошлым, второй сетует: «Право, мы стали безмерно нетерпимы. Всякий волен иметь своё суждение» [20, с. 129]. Ход событий доказывает правоту Пестеля: страх и карьерная выгода уравнивают между собой всех, кто судит побеждённых; даже стиль поведения (как заметил Вл. Новиков) нивелируется [22, с. 125–126]. Жанр *трагедии* – таков авторский подзаголовок «Декабристов» – всецело отвечает представлению о поляризации исторических сил.

Окуджава также уделяет внимание примитивности мотивов, сплывающих дознавателей-судей против их жертв, но в большей степени его интересуют явления другого рода. Александровская эпоха, разом отодвинутая в прошлое событиями 14 декабря, видится сложной, «полюфоничной», когда действительно всякий был

волен иметь своё суждение: будущие декабристы и «их антагонисты, оказывается, проживали <в истории> на одном этаже» [9, с. 345]. И после того как все персонажи романа сделали свой главный выбор, они объективно нуждаются друг в друге, а потому заново сходятся в символическом пространстве снов и фантазий Авросимова (подробнее об этом см.: [23, с. 441–442]).

Показатель разных творческих установок Зорина и Окуджавы – отбор фактов биографии Пестеля. Его младший брат Владимир, ставший участником «Союза спасения» из любви к Павлу, но в итоге оказавшийся по другую сторону исторического разлома, драматургом даже не упомянут: в художественном мире пьесы близкая к Пестелю «неопределённая» фигура была заведомо лишней. Возможно, это подсказало Окуджаве своеобразный минус-приём: имя Владимира Ивановича Пестеля буквально преследует писаря, который протоколирует допросы Павла Ивановича, но встречи с «призрачным» [21, с. 135] братом мятежника не будет. Положение Авросимова между двумя Пестелями – символ душевной смуты и запутанных исторических дорог.

Системный характер подобных контрастных параллелей даёт основание полагать, что впечатление Окуджавы от зоринских «Декабристов» послужило созреванию собственной концепции.

Статус Пестеля в трагической ситуации: две версии

Осмысливая трагедию декабризма, Зорин и Окуджава сосредоточились на противоречии между вдохновляющим идеалом и реальностью политической борьбы. Именно Пестель, стремившийся к объединению движения, стал, в понимании обоих писателей, невольной причиной разлада между товарищами по заговору. Объясняя роль Пестеля, оба апеллировали к свидетельству протоиерея Мысловского: «...везде и всегда был равен себе самому. Ничто не колебало твёрдости его» [11, с. 38]. Зорин разворачивает эти формулы в эпизоды, где качества исключительной личности явлены наглядно. Окуджава превращает оценку потрясённого наблюдателя в косвенную речь персонажа: «Пестель понимал, что не всем дано оставаться самим собою под ударами судьбы, а лишь немногим, в ком сила духа и прочность воззрений слиты с давнего времени и как бы вошли в кровь» [21, с. 71]. Пестель беспокоится о стойкости соратников, ещё не испытав на деле своего мужества.

В пьесе Зорина подлежат бескомпромиссному осуждению идеи Пестеля о пользе ре-

волюционной диктатуры. Моральная чуткость Никиты Муравьёва – залог его правоты в споре с «русским Бонапартом». Позднее драматург писал: «Я ощущал, что эти двое выразили с предельной чёткостью ту несовместимость цели и средств, которая и взорвала движение ещё до 14 декабря» [2, с. 232]. В то же время сама личность Пестеля оправдана – перед высшим судом – его неизменной дружеской привязанностью к идеалисту: «Передайте Никите Муравьёву, что я всё люблю его, люблю и в последний свой день. Кто из нас прав, скажет время» [20, с. 152]. Благодаря Пестелю его друг-антипод постигает масштаб трагедии: «Но неужто века пройдут, покамест человек обретёт естественное право мыслить и мысли свои исповедовать? Неужто всегда за естественное это право должен он прибегать к насилию? Стало, Пестель прав? Но ежели насилие родит насилие, то и новое насилие родит таковое же по образу и подобию своему... И будет ли этой цепи конец?» [20, с. 151].

Беспощадная постановка главного вопроса исключает возможность финального катарсиса. Ход следствия воссоздан Зориным с убеждением, что «бессмысленность жертвоприношения была трагически равнозначна бессмысленности суда и кары» [2, с. 234]. Тем не менее автор «преодолевает» даже самые тяжёлые репутационные потери, понесённые декабризмом в месяцы дознания. Прозреть в трагедии падших высокие смыслы дано всё тому же Пестелю, ибо только он предстаёт свободным от плена конкретных обстоятельств:

Голенищев-Кутузов. Да-с, господин полковник, сообщников надо избирать поумнее. И с этими-то господами хотели вы идти в дело?

Пестель. Зря веселитесь, генерал. Не нужно ни ума, ни совести, чтобы смеяться над тем, что люди *лжесвидетельствовать не умеют, что искренность их вторая натура, их потребность душевная*. Вы казните их день за днём самой изощрённой нравственной пыткой, вы их сводите с ума адом допросов и очных ставок и смеётесь, когда они не знают, что говорить и как держаться, чтобы *остаться и верными и правдивыми* [20, с. 148].

Чем ближе к финалу трагедии, тем очевиднее личное величие Пестеля: загнанные жертвы сдают рубеж за рубежом, тогда как одинокий Герой неизменно *равен себе самому* в двойном противостоянии – слабым товарищам и следствию.

Совершенно иначе освещено одиночество Пестеля в «Бедном Авросимове». «Несчастливого, оставленного в одиночестве полковника» [21, с. 231] сопровождает сквозной мотив *все на одного* и образ сверхчеловеческой тяжести, который

восходит к метафоре «тяжесть двух Альпийских гор» из мемуарного этюда Мысловского: «...как много их всех на одного! Как много нас-то на него одного!» [21, с. 126]; «Большая и тяжёлая, словно гора, наваливалась машина <следствия> на злодея и перемалывала ему кости» [21, с. 223].

В пьесе Зорина Пестель владеет собой в самом безнадежном положении, каждая его реплика обескураживает следователей; тем же, кто приведён на очную ставку с Героем, остаётся лишь переживать усугублённое чувство вины:

Чернышев. Полковник Пестель! Подполковник Поджио показал, что вы при встрече с ним, вам известной, ещё с убедительностью доказывали необходимость истребить всю императорскую фамилию. Сжав руки, вы произнесли: давайте считать жертвы, и, покамест Поджио называл священных особ по именам, вы считали их пальцами, и число жертв составило тринадцать.

Пестель (взглянув на Поджио). Следственно, пальцев не хватило?

Чернышев (повысив голос). Подполковник Поджио далее показывает, что вы ему сказали: «Я поручил уже князю Бяратинскому приготовить мне двенадцать человек решительных лиц для сего». (Внимательно глядя на Пестеля.) Вам понятно показание?

Пестель. Вполне, ваше превосходительство, жертв – тринадцать, убийц – двенадцать. <...>

Левашов. Подполковник Поджио, вы подтверждаете свои показания?

Поджио. Бог мой! Подтверждаю...

Левашов. Полковник Пестель, подтверждаете и вы?

Пестель. Нимало. Поджио наш разговор представил в превратном виде. Множество лиц императорской фамилии находится за границей, имеют детей и большие семейства. Мы, точно, всех при этом назвали по имени, но... без всяких театральных движений, как Поджио изобразил. Смею уверить, что я и сам не злодей из трагедии, каким меня тщатся представить. <...>

Поджио. <...> Нынче самый горький мой день. Радуйтесь, ваше превосходительство [20, с. 147–148].

Напротив, в романе Окуджавы Пестель лишь обречённо выслушивает сумбурный монолог «вчерашнего единоверца», черноглазого офицера, в котором узнаётся Александр Поджио:

«Теперь всё равно», – вяло подумал Пестель <...>.

– Теперь всё равно, – торопливо выпалил офицер, когда ему задали тот же вопрос, касаемо цареубийства. <...> Вы же говорили мне, Павел Иванович, что прежде чем начать возмутительные действия, следует истребить... Вы же говорили?

<...> Вы же готовили других для свершения удара? <...> Вы, Павел Иванович, увлекли меня, и в этом вы человек великий, как вы обольщать умеете... И как мы с вами на пальцах считали, уж это вы помните, чтобы счёт жертвам был точный. Мы вот так по пальцам считали, – обратился он к графу, протягивая ему свою развёрнутую пятерню, – и всех перечисляли, начиная с государя... И вы, Павел Иванович, желая показать, что я бесчеловечен, сказали мне, мол, знаю ли я, как это всё ужасно? Помните?... <...>

«Он будет кричать без конца, – зажмурился Пестель. – Что они его не остановят?» [21, с. 73, 74]

Оба художника строят эпизод очной ставки на совмещении двух (одних и тех же) документальных источников [24, с. 182–184; 25, с. 76], по-разному воспринятых. У Зорина сцена увенчивается цитированным уже диалогом Пестеля с Голенищевым-Кутузовым: издевательство палача над слабостью заговорщиков решительно пресекается Героем, которому понятна трагедия жертв следствия, не сумевших «остаться и верными и правдивыми» [20, с. 148]. В романе Окуджавы Пестель надломлен и фактом отступничества единомышленника, и сомнением в исторических перспективах своего дела:

«...Однако России ещё далеко до грядущих блаженств... с этим... вот с такими... – и сокрушённо: – Каковы её дети!.. Это нервический припадок...»

– Ваше сиятельство, – сказал Пестель, – распорядитесь препроводить меня обратно в каземат. Нынче я отвечать не способен [21, с. 75].

Будучи ценителем выразительного исторического документа, Зорин поверяет разнообразные свидетельства о Пестеле его героической репутацией; тем самым подтверждается непререкаемость мифа. Среди впечатлений драматурга особое значение имел, по всей видимости, мемуарный этюд Мысловского. Напротив, Окуджава следует за показаниями и письмами узника, где «уверенность в собственной правоте чередуется с минутами острого душевного раскаяния» [26, с. 11]. Важнейший для романиста источник – самоотчёт Пестеля: «Я начинал сильно опасаться междуусобий и сильных раздоров, и сей предмет меня сильно к цели нашей охладевал. В разговорах иногда однако же воспламенялся я ещё, но ненадолго, и всё уже не то было, что прежде» [24, с. 92]. Искренность этого признания удостоверена воспоминаниями ближайших сподвижников главы Южного общества о его метаниях на протяжении 1825 г.: «Совершенно очевидно, что автору “Бедного Авросимова” известны <...> “Записки декабриста Н. И. Лорера” (М., 1931),

содержащие не только фактический материал по истории движения, но и нравственно-психологические характеристики Пестеля» [27, с. 169]. Революционный вождь предстаёт человеком, который способен усомниться в самом главном для себя, причём не постфактум, а на пути к цели. Рассказ Пестеля о кризисе, пережитом до ареста, свидетельствует о новом кризисе, переживаемом в момент признания. Факты, опровергающие миф «от первого лица», положены в основу концепции Окуджавы – и словно бы не замечены Зориным.

Зоринский Пестель даже накануне казни, в беседе со священником (драматург контаминирует фигуры лютеранского пастора Рейнбота и Мысловского) предстаёт всё тем же борцом, устремлённым в будущее, исполненным неукротимой жизненной силы, равной силе его убеждений: «...я не из тех, кто страшится взять верх. Пусть все пророки мира твердят мне, что в победе таится поражение, – мне нужна победа!» [20, с. 152]. Эта сцена подвергается полемической инверсии в романе Окуджавы: «Павел Иванович ответил <на очередной вопрос> всё тем же тихим и бесстрастным голосом, будто всё уже кончилось и его самого уже не существовало и не существовало борьбы за жизнь, а *просто это душа его*, не ведающая ни лжи, ни правды, ни гордости, ни страха, *однообразно и монотонно исповедовалась где-то...*» [21, с. 220].

У Зорина речь идёт о трагедии титана, штурмовавшего небо и остановленного в своём порыве внешней силой. Автор предисловия к мемуарному роману «Авансцена» обобщает: «Как все интеллигенты ХХ столетия, Леонид Зорин преклоняется перед героическим жестом: он вырос в эпоху, когда, выбирая свободу, нужно было приготовиться к смерти» [28, с. 3]. В этом отношении Окуджавы как раз не принадлежит к большинству; он развивает тему героики в совершенно необычном направлении.

Соблазн силы и мнимость силы: антропологический аспект исторической рефлексии Окуджавы

Фигура Пестеля символизирована Окуджавой в качестве главного ответчика за надежды, страхи и разочарования современников. Восприятие простодушного Авросимова служит той призмой, которая позволяет автору предельно заострить вопрос о значении мятежного полковника для обеих сторон исторического конфликта: «...в треугольном равелине метался злодей, несчастный человек, пророк, разбойник, переворотивший всю душу, достойный самой лютой казни и самого возвышенного благо-

говения, убийца и сеятель добра, один, один из племени людского, вышедший за круг, *покинутый всеми и всем необходимый*: и государю, и графу, и ему, Авросимову, проклиняющему его и плачущему над ним» [21, с. 252].

Если властям Пестель необходим для показательной расправы («Его хотят убить... В острастку нам...» [21, с. 233]), то *проклиняющий и плачущий* Авросимов представляет за всех «соблазненных» полковником. Решимость Пестеля *выйти за круг*, нарушить историческую инерцию представлена как сугубо рациональная в своей основе, но магически действующая на окружающих. Доказывая вред монархии и необходимость цареубийства («Это математически непреложно» [21, с. 102]), Пестель увлекал соратников отнюдь не логикой. Николай Заикин признаёт, что «это грех был *не верить ему*» [21, с. 203]. Устами Евгения Оболенского объяснена природа «соблазна»:

– Я вижу, как вы *обольщаетесь*, но мне, чёрт возьми, *хочется вам верить*. Приятно *чувствовать себя сильным*, вы не находите?.. Хотя я не говорю вам «да», учтите, не говорю, дайте срок, *мне по сердцу ваша неукротимость*, но я не знаю, то есть о себе я не знаю; это, наверное, справедливо, но я не знаю...

– А вы не боитесь, что именно нерешительность сыграет с вами однажды злую шутку? – спросил Пестель холодно.

– Не знаю, – сказал Оболенский <...> [21, с. 161].

Следственные показания Пестеля становятся источником романских образов и мотивов, которые очерчивают непреодолимое для *дилетантов* нравственное препятствие:

«...Все говорили, что Революция не может начаться при жизни Государя... и что надобно или смерти его дожидаться или решиться оную ускорить... Но справедливость требует также и то сказать, что <...> каждый в своё время говорил, что хотя сие Действие может стать и *будет необходимо*, но что он не примет исполнение оно-го на себя, а каждый думал, что найдётся *другой* для сего» (ср. с текстом источника: [24, с. 103]).

– Отчего же так? – словно спросил *кто-то с насмешкою*. Но кто спросил, было не понять. <...> *небеса были далеке*, за толщей сводчатых потолков [21, с. 160].

Насмешка неба над землёй знаменует обречённость любой попытки действовать на историческом поприще, сохраняя человечность. Поэтому Пестель для заговорщиков необходим как тот *другой*, тот *сильный*, кто не страшится моральной ответственности за кровь: « – Не беспокойтесь, господин подпоручик, – мрачно усмехнулся полковник, – думайте об избавлении родины от

рабства. Царя я беру на себя...» [21, с. 174]. Такое распределение ролей в заговоре, когда страшная ответственность уступается другому, напрямую связано с отступничеством в ходе дознания: «...Нынче же разве это есть отречение? От чего ж мне <...> отречься, коли сие и не моё вовсе, а чужое?» [21, с. 203].

Учитывая традицию изображения следствия по делу декабристов от Мережковского (см. об этом: [29, 30]) до Зорина, Окуджава ставит проблему слабости заговорщиков по-новому. Сущность происходящего осмыслена как ответ человеческой природы, вечной в своих свойствах, на испытание Историей. Закономерность ответа наиболее убедительно подтверждается именно тем романским персонажем, которому декабристский миф приписал сверхчеловеческую твёрдость: даже для самого сильного невыносимо бремя исторической ответственности. Окуджава объясняет трагедию декабризма иначе, чем Зорин, но масштаб её не умаляется: проблематика нравственно-политическая перерастает в экзистенциальную.

«Человеческое, слишком человеческое» против мифа

Отрефлексированный Окуджавой миф становится в романе предметом изображения. Эскурсам в прошлое, рисующим Пестеля-вождя, вторят картины, нафантазированные «обольщённым» Авросимовым: « – Мы ждём гостя, – продолжал наш герой <...>. – Наконец он входит к нам. Мы все встаём, потому что невозможно сидеть, когда он входит. Сам он невысок, кряжист, армейский полковничий мундир ладно сидит на нем. Глаза холодны и глубоки. Движения размеренны. Он садится в кресло и сидит, ровно Бонапарт, ногу чуть вытянул...» [21, с. 172]. Авросимов готов превратиться из писателя в летописца героической судьбы, но императив поклонения Герою оборачивается против узника:

– Справедливым будет добавить, – вдруг громко сказал Павел Иванович, – что в течение всего двадцать пятого года стал сей <революционный> образ мыслей во мне уже ослабевать, и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно было совершить благополучно обратный путь...

«Ложь!» – вскричал про себя Авросимов, негодуя.

Неожиданное признание Павла Ивановича престранно подействовало на нашего героя, будто слабость полковника его оскорбила, будто самому Авросимову не этого хотелось [21, с. 220–221].

Романный Пестель произносит слова, которые его прототип написал собственной рукой (ср. с текстом источника: [24, с. 92]). Негодование простодушного свидетеля слабости моделирует, по замыслу автора, столкновение декабристского мифа с исторической реальностью. Все подобные эпизоды предназначены тревожить читателей романа, которым, подобно Авросимову, не этого хотелось.

Наконец, мотив отречения, сопряжённый на протяжении всего повествования со «слабыми друзьями» полковника [21, с. 203], вплетается перед финалом в его собственную характеристику. Упомянув письмо Пестеля к генералу Левашову (см. источник: [24, с. 125–126]), автор сначала интерпретирует тактику узника – «маленькую хитрость поверженного, но не потерявшего надежд человека» [21, с. 244], чтобы затем осветить его внутреннее состояние:

– Ежели вы получите свободу, будете ли упорствовать в своих замыслах? Будете ли стремиться восстановить разрушенное? – спросил он самого себя. И ответил себе же тюремным шёпотом:

– Нет, никогда.

– Но почему? Почему? Почему же, о господи?!

– Не знаю... Сие свыше сил...

– Значит, отрекаешься?

– Да нет же, боже мой, нет! Не отрекаюсь! [21, с. 244].

Между тем об отречении свидетельствует сама интонация отчаяния. Все реальные обстоятельства, не позволяющие Пестелю упорствовать в своих замыслах, словно бы упразднены; о них так и сказано: Почему?.. Не знаю... Процитированный внутренний диалог персонажа восходит к реальному письменному монологу, где звучит мольба «облегчить <...> безмерную тяжесть» неведения о будущем [24, с. 126]. И вновь собственное слово Пестеля даёт право усомниться в его персональном мифе: готовности Героя вынести тяжесть двух Альпийских гор противопоставлено выстраданное чувство, что сие свыше сил. Полемическое преломление мифа – портрет узника, сохраняющего видимое самообладание: «Он поднял голову. Серое лицо его было спокойно. Буря бушевала в сердце, под рёбрами, да на листе бумаги, сложенном вдвое» [21, с. 244]. Сложенный вдвое лист (текстом внутрь, как всегда складывают важные письма) становится ещё одной метафорой потаённого смятения. Таким образом, автор романа последовательно соотносит катастрофу человека «железных правил» [21, с. 231] с падениями заговорщиков-дилетантов – людей «прекрасных, да ненадёжных» [21, с. 244]. Это

сближение противоположностей можно рассматривать в контексте диалога с Зориним.

Генерализация важнейшей идеи драматурга происходит на глазах зрителя; к неукротимому борцу, даже накануне казни мечтающему о победе, обращается протоиерей Мысловский: «Я знаю, силы у вас хватит. Друг мой, вам не хватает слабости» [20, с. 152] (в поздней редакции пьесы, где роль Мысловского купирована, реплика передана Никите Муравьеву). Под *слабостью* Зорин понимает человечность. Олицетворённая в Никите Муравьеве, человечность до конца сопутствует Пестелю, который перед смертью думает о друге. То же самое контекстуальное значение получает *слабость* в сюжетной линии оруджавского Пестеля, но очеловечивание Героя совершается иначе – в соответствии с историей душевных мытарств его прототипа. Если зоринский Пестель сходит со сцены в ореоле трагической поэзии, то Оруджава жертвует красотой мифа ради воссоздания «человеческого, слишком человеческого» опыта декабристов.

Заключение

Встреча с личностью Пестеля стала для Зорина и Оруджавы настоящим творческим вызовом. В обоих случаях авторская стратегия определялась поиском возможностей «примириться» с персонажем, не отказываясь от нравственных претензий к реальному Пестелю. Оба пути дали замечательные творческие результаты – с разными последствиями для развития позднесоветской «декабристианы». Художественная смелость Зорина послужила обновлению декабристского мифа, укрепила его связь с современностью. Напротив, Оруджава над мифом поднялась, чтобы затем предпринять всесторонний анализ декабризма в романах «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом».

Список литературы

1. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 368 с.
2. Зорин Л. Авансцена. Мемуарный роман. М. : Слово/ Slovo, 1997. 526 с.
3. Левкович Я. Восстание декабристов в советской художественной прозе // Русская литература. 1975. № 4. С. 167–179.
4. Тамарченко А. Ольга Форш. Жизнь, личность, творчество. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. 352 с.
5. Бердяев Н. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 176 с.
6. Улицкая Л. Зелёный шатёр: роман. М. : Эксмо, 2011. 592 с.
7. Лотман Ю. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Лотман Ю. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. С. 557–567.
8. Бойко С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2013. 608 с.
9. [Окуджаву Б.]. Русские писатели в журнале «Secul 20». Булат Окуджаву [о романе «Бедный Авросимов»] // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 344–346.
10. Азадовский М. Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник // Воспоминания Бестужевых. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 581–678.
11. Из записной книжки протоиерея П. Н. Мысловского // Щукинский сборник. Вып. 4. М. : Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1905. С. 29–39.
12. Форш О. Первенцы свободы // Форш О. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : ГИХЛ, 1956. С. 211–533.
13. Карташёв Б., Муравьев В. Пестель. М. : Молодая гвардия, 1958. 333 с.
14. Чудакова М. Возвращение лирики : Булат Окуджаву // Чудакова М. Новые работы: 2003–2006. М. : Время, 2007. С. 62–107.
15. Белая Г. Булат Окуджаву, время и мы : вступит. ст. // Окуджаву Б. Избр. Произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Современник, 1989. С. 3–24.
16. Окуджаву Б. «Я никому ничего не навязывал...» [Ответы на записки во время публич. выступл. 1961–1995 гг.] / сост. А. Петраков. М. : Кн. маг. «Москва», 1997. 288 с.
17. Биткинова В. Карамзинский код в романе Б. Окуджаву «Свидание с Бонапартом». Статья 1 : «Арина из девицей» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-2-164-173>
18. Биткинова В. Карамзинский код в романе Б. Окуджаву «Свидание с Бонапартом». Статья 2 : Лиза Свечина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 307–316. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-3-307-316>
19. Виноградов Вл. Монолог Мастера о декабристах : [Расшифровка фонограммы] // Голос надежды : Новое о Булате. Вып. 6 / сост. А. Крылов. М. : Булат, 2009. С. 76–83.
20. Зорин Л. Декабристы : Трагедия // Театр. 1967. № 12. С. 124–153.
21. Окуджаву Б. Бедный Авросимов // Окуджаву Б. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. М. : Современник, 1989. С. 25–264.
22. Новиков Вл. Режиссура сюжета и стиля (Театр Леонида Зорина) // Новиков Вл. Диалог. М. : Современник, 1986. С. 118–143.
23. Александрова М. Творчество Булата Окуджаву и миф о «золотом веке». М. : Флинта, 2021. 592 с.
24. Восстание декабристов : материалы. Т. 4. М. ; Л. : Госиздат, 1927. 486 с.

25. Восстание декабристов : документы. Т. 11. М. : Госполитиздат, 1954. 435 с.
26. Парсамов В. К характеристике личности П. И. Пестеля // Освободительное движение в России : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 19. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 3–11.
27. Дронова Т. История глазами художника : (Источник и его осмысление в романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов») // Очерки по истории культуры : науч. сб. Саратов : ИЦ Саратовского экон. ин-та, 1994. С. 152–170.
28. Швыдкой М. «Вундерменш» (Wundermensch) // Зорин Л. Авансцена. Мемуарный роман. М. : Слово/Slovo, 1997. С. 3–4.
29. Дронова Т. О символистской традиции в исторической прозе Б. Окуджавы : Диалог с Д. Мережковским в романе «Бедный Авросимов» // Античный мир и мы. Вып. 6 : Материалы и тез. конф. 22–23 апреля 1999 г. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2000. С. 71–78.
30. Солнцева Н. О «Бедном Авросимове» Б. Окуджавы и «14 декабря» Д. Мережковского // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии. М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 215–224.

Поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 330–335

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 330–335

<https://bonjour.sgu.ru>

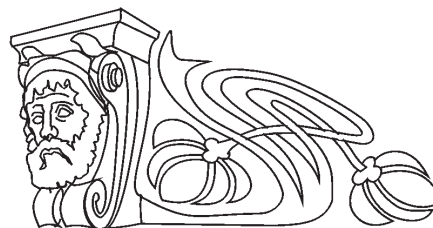
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-330-335>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3:008(510)

Анализ русской деревенской прозы и ее места в культурном пространстве Китая

Мэн Ци

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Мэн Ци, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, 934329397@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9383-1633>

Аннотация. В современной России бытует мнение, что Китай взял для себя все самое лучшее от СССР: идеи равенства граждан, социалистическое устройство государства, борьбу с коррупцией, культурные тенденции, тенденции в образовании. Русская деревенская проза вошла в школьную программу Китая, как на своей Родине в России. Деревенская проза близка по духу основной массе населения китайских провинций. Идеи и тенденции, волнующие русского человека, не могли оставить равнодушными жителей Китая. Огромное влияние русской словесности на национальную литературу Китая происходило с 1917 г.; на примере произведений русской литературы население КНР осознавало необходимость перемен, писатели поняли основы создания новой, современной литературы. В 1990-х гг. место русской деревенской прозы было так велико, что население Китая воспринимало ее как свою родную литературу. В КНР ценятся произведения В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина, изучаются особенности их писательского слога. Произведения, написанные в жанре деревенской прозы, имеют большое значение для граждан Китая, они выпадают из привычного жанра, сохраняют историческую память народа, показывают трагедии времен коллективизации, тяготы военного времени тыловиков, восстановление разрушенного государства и др. Деревенский быт завораживает своей простотой. Отрываясь от своих корней, разрушая внутрисемейные связи, увлекаясь противоположными направлениями и идеями, герои произведений российских авторов делают себя несчастными, но понимание ошибки приходит поздно, вместе с раскаянием, либо не приходит совсем.

Ключевые слова: деревенская проза, сельская проза, «литература родных краев», Китайская Народная Республика, Советский Союз, китайская национальная литература

Для цитирования: Мэн Ци. Анализ русской деревенской прозы и ее места в культурном пространстве Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 330–335. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-330-335>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analysis of the Russian village prose and its place in the cultural space of China

Meng Qi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Meng Qi, 934329397@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9383-1633>

Abstract. In modern Russia it is widely believed that China has adopted all the best from the USSR: the ideas of the equality of citizens, the socialist structure of the state, the fight against corruption, cultural trends, trends in education. The Russian village prose has become part of the school curriculum of China, just as it has done in its homeland in Russia. Rustic prose is close in spirit to the bulk of the population of the Chinese provinces. The ideas and trends that concern the Russian people could not leave the citizens of China indifferent. Russian literature has been influencing the national literature of China since 1917; using the example of the works of Russian literature, the people of China realized the need for change, writers understood the basics of creating new, modern literature. In the 90s, the place of the Russian village prose was so great that the Chinese population perceived it as their native literature. In China, the works of V. Astafyev, V. Rasputin, V. Shukshin are appreciated, the peculiarities of the writers' styles are studied. The works written in the genre of rustic prose are of great importance for Chinese citizens, they fall out of the usual genre, preserve the historical memory of the people, show the tragedies of the times of collectivization, the hardships of wartime logistics, the restoration of the destroyed state, and others. Village life fascinates with its simplicity. Breaking away from his roots, destroying intra-family ties, being carried away by opposing tendencies and ideas, the hero of the works of Russian authors makes himself unhappy, but the understanding of the mistake comes to him late, alongside the remorse, or does not come at all.

Keywords: village prose, rural prose, "country literature", People's Republic of China, Soviet Union, Chinese national literature

For citation: Meng Qi. Analysis of the Russian village prose and its place in the cultural space of China. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 330–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-330-335>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Литература Китая в разные времена испытывала на себе влияние иностранных авторов. Нравственные ориентиры и человеческие ценности, которые отражены в русской деревенской прозе, имеют заметный и выраженный след в современной китайской литературе, в особенности в направлении сельской прозы, популярной в Китае [1, с. 109].

Один из наиболее известных китайских ученых-литературоведов с мировым именем, переводчик, специализирующийся на современной русской поэзии, и профессор Шанхайского университета иностранных языков Чжен Тиу (郑调), считает, что русская литература благодаря своей нравственной составляющей и духовной близости к подавляющей массе населения Китая имеет внушительный вес в китайской критике и китайском литературном процессе [2, с. 22].

Чжен Тиу поясняет, что в произведениях русской деревенской прозы исторический фон находит наибольший отклик среди китайских читателей. История культурных взаимоотношений России и Китая во многом основана на политизации культурных веяний в обеих странах. Те идеи и тенденции, которые волнуют русского человека, не могут оставить равнодушным жителя Китая, поскольку он видит в них пересечения с судьбой своей страны и своего народа.

Если проследить интенсивность влияния русской словесности на национальную литературу Китая, то можно заметить ее резкое возрастание с 1917 г., когда произошла смена идеалов. Результатом такого влияния стала литературная революция в Китае. Литературная революция связана с деятельностью китайского философа и революционера Ху Ши, который в 1919 г. начал процесс перерождения культурного характера китайской литературы, от монопольного национального фона, обращенного исключительно к своей стране, в сторону романтизма, натурализма, символизма и других популярных в Европе течений. Все эти течения оказали заметное влияние на литературное богатство Китая в начале XX в., но глубже всех европейских тенденций в национальную культуру проникла русская литература.

Уже к 1927 г. произведения русских писателей переводились на китайский язык в больших масштабах, поскольку и в начале XX в., и спустя столетие китайский читатель нуждается в тех эмоциях, которые несет русская деревенская проза. Однако именно после 1917 г. в Китай потянулась революционная пропаганда, которая содержала в себе дух свободы от капиталистического гнета. На примере произведений русской литературы население Китая осознавало необходимость перемен, а писатели – создания

новой, современной литературы в своей стране. Это был опыт, необходимый для развития как новых литературных течений в Китае, так и новой государственности.

Влияние советской литературы на Китай продолжилось и во второй половине XX в., когда уже культурные особенности в литературе носили устоявшийся характер. Однако политическое влияние на литературу в Китае тоже стало прочнее, что значительно осложняло процесс популяризации советских произведений среди китайских читателей.

Таким образом, вплоть до 1990-х гг. место русской деревенской прозы было настолько значительным, что население Китая воспринимало ее как свою родную литературу.

Рассмотрим особенности деревенской прозы, отличающие ее от других направлений в отечественной литературе. Деревенская проза – это направление в литературе, в котором главным предметом изображения является деревенская жизнь в различных ее проявлениях: быт и традиции крестьян, тяготы крестьянского труда, судьбы крестьянских поселений, их связь и противостояние с городом. Исходя из того, что сельское население как в Китае, так и в нашей стране значительно превосходит по численности городское население, то становится очевидной причина популярности деревенской прозы. Более того, данный литературный жанр повествует о жизни родителей и прародителей наших современников, которые были более близки к деревне, нежели к городу и городской жизни.

Деревенская проза начала набирать популярность в Советском Союзе с 50-х гг. прошлого столетия в работах Валентина Овечкина, Александра Яшина и других писателей. С появлением рассказа «Матренин двор» Александра Солженицына деревенская проза достигла небывалого уровня популярности, что позволило создать отдельный жанр, у которого сразу появилось много последователей и ценителей.

В более поздние периоды в данном направлении работали такие великие русские писатели, как В. Шукшин, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, позднее – В. Астафьев и др. В Советском Союзе всех писателей, имеющих отношение к деревенской прозе, объединил журнал «Наш современник».

Деревенская проза как жанр была наиболее востребована и популярна в Китае вплоть до конца 1990-х гг., когда центр внимания обществу привлекли более проевропейские жанры, содержащие в себе новую жизнь, новые идеи и ценности.

В китайском литературоведении наибольший интерес проявлялся к публикациям советских

авторов деревенской прозы 1950–1980-х гг., а именно В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина.

Интерес к произведениям Виктора Астафьева и Валентина Распутина объясняется тем, что они создают свою собственную, авторскую картину мира, влияние которого на жизнь человека ярко отобразено в их произведениях. Оба писателя опечалены тем, что русский народ постепенно утрачивает свою духовность, колеблется вера в правильность государственной идеологии. Деревенский быт завораживает своей простотой и в то же время сложными хитросплетениями отношений героев. Все волнующие моменты в произведениях – национальные и религиозные истоки, народная культура и психологические портреты героев – имеют одно начало и одну природу, легко сводимую к теме деревни и ее значению в жизни страны [1, с. 17–18].

Чжао Ян, критик и исследователь русской литературы, отмечает, что В. Распутин сочетает в своих произведениях «наблюдение за человеком, жизнью и обществом», приводя при этом описания бытовой жизни деревень, духовного облика крестьянского населения, и таким образом создает по-настоящему «национальные произведения», в которых ярко проявляются национальный характер и судьба народа [3, с. 15].

В подтверждение того, что русская деревенская проза была и остается близкой китайскому читателю благодаря схожести культурно-исторической парадигмы, можно привести в пример статью Чжан Цзяньхуа, в которой исследователь проводит параллели между повестями В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Жизнь» Лу Яо. По мнению Цзяньхуа, оба произведения отражают переходный период в Китае и в России, что проявляется в теме противоречий между двумя укладами жизни – городом и деревней [4, с. 35].

Отрываясь от своих корней, разрушая внутрисемейные связи, увлекаясь противоположными направлениями и идеями, герои произведения ощущают себя несчастным, но осознание ошибки приходит поздно, вместе с раскаянием, либо не приходит совсем. Такой сюжет прослеживается в произведениях почти всех писателей – и Астафьева, и Распутина, и Шукшина. Вопросы единства народа для России были актуальны всегда, а после потрясений Гражданской войны, коллективизации и военного времени они обрели еще большую актуальность. Отношения человека и власти, жизнь простого народа и ее культурная составляющая – также весьма животрепещущая тема, на которую всегда есть что написать каждому из данных писателей [1, с. 14].

Писатели, работающие в жанре деревенской прозы, твердо убеждены, что человек нуждается

в обществе так же, как и общество в целостности идей и мнений, так же, как и государство в людях. Если человек не осознает начал гармонизации и противопоставляет себя обществу, то он неизбежно страдает. При этом совершенно не важно, насколько хорош данный герой: такова судьба всех умных и сильных, смелых и амбициозных, которые решились противопоставить себя обществу.

Прозаики В. Астафьева и В. Распутин столь часто противопоставляют и сравнивают не только потому, что их творчество относится преимущественно ко второй половине XX в. Их произведения отнюдь не ограничиваются этим временем. Исторические рамки событий, описанных в прозе как Астафьева, так и Распутина, простираются и в дореволюционные времена, показывают связь времен в истории одной семьи и в истории целого народа. В жанре рассказа это проследить наиболее удобно, поскольку мы видим судьбу отдельного человека в судьбе целого народа.

Два рассказа, написанных в позднем творческом периоде двух писателей-прозаиков, можно проанализировать в этом отношении наиболее плодотворно, поскольку они позволяют провести параллель и выявить некоторые закономерности. «Пролетный гусь» Виктора Астафьева и «В ту же землю» Валентина Распутина имеют негласный статус рассказов-завещаний, поскольку являются одними из последних на творческом пути каждого писателя.

В рассказе «Пролетный гусь» В. Астафьев озабочен послевоенной судьбой страны и судьбами отдельных осиротевших граждан, одиноких, потерявшихся, пусть взрослых и переживших войну, но практически нежизнеспособных в отсутствии близких людей. Название рассказа очень говорящее и проникновенное: дикий гусь, отбившийся от стаи, не способен выжить. Потеря вожака и своих сородичей для него неизбежно ведет к гибели. Так, два главных героя рассказа, Марина и Данила, после окончания войны предстают перед читателем совершенно растерянными и мечущимися в поисках кого-нибудь, кто станет близким и родным, заменив погибших членов семьи [5].

У В. Астафьева тема потери близкого раскрыта очень тонко, символично. Символичной является и встреча героев на железной дороге, словно на перекрестке путей. Двое молодых, но зрелых людей, готовых к семейной жизни, способных много работать и брать на себя ответственность друг за друга, за детей и за судьбу страны, не просто встречаются – они, как два одиночества, притягиваются друг к другу. Не имея ничего, бывший фронтовик и бывшая

фронтальная медсестра проникаются друг к другу, срastaются израненными душами, прячутся друг в друге от собственного одиночества [1, с. 110].

Не удивительно, что на первый план в сюжете выходят именно растерянность бывших фронтовиков и их страх перед возвращением на малую родину, неизвестность о судьбах родных, пугающее одиночество, суровые условия восстановления разрушенной страны.

В рассказе В. Распутина «В ту же землю» имеет место другое представление о крестьянской жизни – одиночество человека, посвятившего жизнь своей стране. Автор с горечью подчеркивает полнейшее равнодушие людей к чужим проблемам и горестям, утрату даже самых основных нравственных ценностей. Пашута, главная героиня рассказа, хоронит старенькую мать самостоятельно, на пустыре. Не на благоустроенном кладбище, где невозможно соблюсти христианских обычаев, а ночью, на пустыре, но с соблюдением всех ритуалов, которые считает важными. Это ли не одиночество каждого гражданина огромной и сильной державы? Это ли не трагедия? [6].

В дружественном Китае, который в своем историческом развитии только стремился к достижению такого величия своей страны, обездоленность, «непонятость», ненужность граждан государству в определенный период становления не могли остаться незамеченными. Эти произведения обнажают не только русскую душу, они обнажают проблемы государства, как кровоточащие раны, вызывающие дикую боль за судьбу людей. Именно поэтому проза В. Астафьева, В. Распутина близка и интересна китайским литературоведам и читателям.

В работе исследователя русской деревенской литературы Ли Синьмэя отмечается также, что в китайском изучении русской литературы обращается особое внимание на проблематику произведений. Их интерес основан на сходстве, так как произведения и русских, и китайских писателей того времени были сконцентрированы на вопросе выбора нравственных ценностей в период смены эпох, описанию происходящего конфликта между городом и деревней [7, с. 102].

Другой исследователь русской словесности в Китае, Чжоу Цзожень, считает, что именно русская деревенская проза и литераторы, работающие в этой сфере, как никто другой способны показать духовный мир человека. Внешняя простота часто сочетается с богатым внутренним миром человека, и, напротив, внешнее благородство человека оборачиваются пустотой и гнильностью души. Наравне с Лу Синем Чжоу Цзожень считает, что русские писатели-прозаики середины XX в. наилучшим образом умеют показать

широту души русского человека через его грехопадение, истинные мотивы преступлений и обязательное покаяние (цит. по: [4, с. 35]).

В известной повести В. Астафьева «Царь-рыба» поднимаются такие важные темы, как быт и нрав русской деревни, природа и человек. Писатель рисует образы деревенского быта рыбаков, довольно жестокие проявления деревенских нравов: один из героев, Игнатийч, наказывает свою невесту, которая ему изменила. Однако жестокое обращение с девушкой не порицается, наоборот, именно деревенские мужики подговаривают его отомстить. В деревенском укладе слабость относится к личным проблемам, с ней не считаются остальные. Также автор произведения подчеркивает, что человек должен жить в гармонии с природой, относиться к ней с должным уважением. Крестьянин Игнатийч в итоге мучается, что совершил дурной поступок, и через признание своих грехов и раскаяние получает очищение, становится более нравственным человеком. Можно сделать вывод, что автор осуждает грабительское отношение к природе, это выражается в саморазоблачительном внутреннем монологе героя на краю гибели. Спасение Игнатийча, как и спасение человека и природы, по замыслу автора, возможно только после осознания вины и искреннего раскаяния. Человек не царь, а такое же дитя природы, как другие живые существа. Гармония с природой невозможна без обретения гармонии человека с самим собой [8].

Произведения В. Шукшина, как отмечает Ли Синьмэй, отражают стремление русского и китайского сельских обществ не забывать опыт прошлых поколений даже в условиях исчезновения привычного аграрного уклада жизни, поддерживают идеи традиционных добродетелей и нравственных ценностей [7, с. 102].

В. Шукшин заслуживает отдельного рассмотрения. В аспекте одиночества и утраты прошлых ценностей человека очень примечательно произведение «Калина красная». В киноповести одиночество и неустроенность доводят главного героя до тюрьмы, а героиню до того, что она готова соединить свою судьбу с едва освободившимся из тюрьмы человеком. Очевидно, что сюжет «Калины красной» о двух одиночествах, двух главных героях, Егора Прокудина и Любы, является основой для рассмотрения более глубокой идеи – помощь гражданам, попавшим в тяжелые ситуации, со стороны государства.

При внешнем многообразии тем и сюжетов в рассказах деревенских писателей преобладает одна важнейшая доминанта: через жизнь отдельного человека можно проследить судьбу всех людей, представить такие реалистические зарисовки, в которых отразились бы и многовековая

культура народа, и национальный – стоический характер русского человека, и процесс противостояния патриархального уклада деревни как некоего живого процесса так называемой «новой жизни» в образе строящегося, крепнущего государства.

Социальная проблема взаимоотношений деревни и города отражена в рассказе В. Шукшина «Сельские жители», имеющем некоторые сатирические черты. В нем город выступает как воплощение недостижимого идеала для деревенского человека, символ прогресса, а деревня – как материальный и духовный исток городской жизни, его «прародитель». По сюжету рассказа бабка Маланья получает письмо от своего сына – Героя Советского Союза, летчика – с приглашением навестить его в городе. Однако после того, как узнает от соседа о том, каким опасным и тяжелым может быть ее дорога, откладывает поездку до лучших времен, боится лететь в Москву на самолете. Основной идеей рассказа является то, что беспочвенные страхи, чувство инерции порой не позволяют сельским жителям выйти из своего привычного быта, но если они все же находят в себе смелость, то достигают больших успехов – совсем как сын Маланьи, ставший героем, гордостью страны [9].

В своем исследовании об интерпретации творчества писателей деревенской прозы Чжао Цзяньчан отмечает, что этим трем писателям – В. Астафьеву, В. Распутину и В. Шукшину – посвящено более 200 работ, включая научные статьи и диссертационные исследования. Так, можно сделать вывод о том, что исследование деревенской прозы среди ученых-русистов в Китае остается востребованным направлением [10, с. 49].

На данном этапе мы можем провести аналогию с направлением деревенской или сельской прозы в китайской национальной литературе, поскольку в Китае население провинций преобладает по численности над населением городов, следовательно, деревенская проза также востребована здесь, как в свое время в Советском Союзе. Однако история развития данного жанра в Китае несколько отличается. Во-первых, в Китае сельские сюжеты – это отражение социалистического портрета общества, нежели широта души отдельного героя. Главные действующие лица сельской прозы в Китае – это, как и в русской деревенской прозе, крестьяне, рабочие или солдаты, чьи судьбы объединяет место действия – деревня.

Во-вторых, в Китае после Первой мировой войны существовало движение 4 мая, в контексте которого русская литература воспринималась как факел свободы и равенства, как друг и наставник для своей словесности. Китайский

писатель Лу Синь и другие считали русскую деревенскую прозу образцом вдохновения и идеалом зарубежной литературы, несущей идеи национального освобождения и спасения нравственности китайского народа.

В-третьих, корни деревенской прозы в Китае уходят значительно глубже, нежели в Советском Союзе. Начало деревенской прозе положили молодые писатели в середине 1920-х гг. В китайском литературоведении, как указывает в своей статье Н. Г. Аюшева, более актуальным является термин «литература родных краев» или «этнопроза». В Китае этнопроза получила известность благодаря «рассказам о родине» Лу Синя («Снадобье», «Моление о счастье», «Кун Ицзи», «Правдивая история А Кью»). Действия рассказов, подобно рассказам русской деревенской прозы, развивались в маленьких уездах или деревнях. Основой для произведений служила тема крестьянской жизни, полной трудностей. Рассказы Лу Синя были опубликованы несколько раньше произведений Шукшина, Астафьева и Распутина – наибольшая популярность автора пришла на 20-е гг. XX в. Именно благодаря рассказам Лу Синя и их широкой известности появилось большое количество последователей «литературы родных краев» среди китайских писателей: Пэн Цзяхуан, Лу Янь, Сяо Хун, Ван Жэнсю, Шэнь Цунвэнь и др. [11, с. 60].

Писатели, вдохновленные работами Лу Синя, провозглашали идеи стремления к национальному самоосознанию, восстановлению страны и призывали сделать жизнь на своей малой родине лучше. Интересно то, что китайская литература о деревне также прошла определенный путь формирования на протяжении века. Вслед за «литературой родных краев» выделяется «картофельное направление» (Чжао Шули, Си Сю и др.). В 50–60-е гг. XX в. данное направление было представлено авторами из горных западных районов Китая, основными темами их творчества принято считать традиции, быт сельских людей, произведения буквально пронизаны уважением к сельскому человеку и его нравам, жизни в деревне.

Несмотря на то что далее в Китае появлялись и другие ответвления от «литературы родных краев», направление не утратило своей актуальности. С 90-х гг. XX в. произведения несколько видоизменяются: основное место действия – деревня – сменяется на город, деревенские пейзажи возникают как «туристические достопримечательности». Однако «литература родных краев» составляет наследие китайских прозаиков и, как и русская деревенская проза, являются неотъемлемой частью становления литературы в Китае [11, с. 63].

Над развитием жанра в Китае работали достаточно упорно и плодотворно. На уровне Союза писателей Китая здесь обсуждались вопросы о том, как именно деревенская литература может отражать противоречия в обществе, как развивать сюжет, не теряя выдающихся черт героев произведения. Иными словами, требовалось добавить реалистичности не только в сюжеты произведений, но и в образы героев, наполнять произведения второстепенными персонажами, что также добавляло им правдоподобности и сближало с читателем.

Несмотря на то что в Китае деревенская проза появилась раньше, именно советские писатели и их произведения стали ориентиром для улучшения качества и повышения интереса к данному жанру.

В новом тысячелетии ситуация с популярностью русской литературы в Китае стала меняться в лучшую сторону, но популярность деревенской прозы уже была утрачена, по большей части потому, что в этом жанре перестали работать писатели нового времени. Однако произведения деревенской прозы по-прежнему имеют большое значение как для наших сограждан, так и для китайского читателя: они сохраняют историческую память народа, показывают трагедии времен коллективизации, тяготы военного времени для тыловиков и восстановление разрушенной страны, поэтому столь ценны даже в наше время.

В качестве заключения можно сказать, что в течение всего XX в. русская словесность не просто занимала центральное место в китайской литературе, но и оказывала внушительное влияние на развитие культурных взаимоотношений с Китаем. Схожесть в историческом становлении стран также влияла на популярность деревенской прозы у китайского читателя: ведь как в Советском Союзе, так и в Китае главной «силой» революции были именно крестьяне, сельские жители. Среди авторов, чьи произведения пользуются наибольшей популярностью среди критиков и исследователей русской деревенской прозы в Китае, особенно выделялись В. Распутин, В. Аста-

фьев и В. Шукшин. Отражение быта аграрного уклада жизни, крестьянских традиций и смены привычной деревенской жизни на городскую, чуждую в их произведениях находило отклик у многих читателей того времени. Литературоведы Китая рассматривали русскую деревенскую литературу как главный ориентир для развития и сюжетного обогащения собственной словесности и направлений в литературе, таких как «литература родных краев».

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы о литературе и эстетике. М. : Художественная литература, 2017. 250 с.
2. Макина М. Русский советский рассказ : Вопросы развития жанра : учеб. пособие. Л. : ЛГПИ, 1975. 352 с.
3. Чжао Сюе. Рецепция современной русской литературы в китайском литературоведении : дис... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 186 с.
4. Чжан Цзяньхуа. Культурная ориентация и утраченные ценности в почвеннической прозе В. Распутина // Русская литература и искусство. 2008. № 4. С. 34–41.
5. Астафьев В. П. Пролетный гусь. URL: https://librebook.me/proletnyi_gus/vol1/1 (дата обращения: 03.03.2022).
6. Распутин В. Г. В ту же землю. URL: https://mir-knig.com/read_253223-1 (дата обращения: 03.03.2022).
7. Ли Синьмэй. Современная русская литература в Китае : обзор исследований // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 102–129. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.012>
8. Астафьев В. П. Собр. соч. : в 15 т. Т. 6. Царь-рыба. Красноярск : Офсет, 1997. 432 с.
9. Шукшин В. М. Рассказы. М. : Художественная литература, 1979. 384 с.
10. Чжао Цзяньчан. Наказание и спасение : интерпретация прозы В. Астафьева с точки зрения религиозной культуры // Вестник Шаньсиского университета. 2009. № 5. С. 48–51.
11. Аюшева Н. Г. Место «литературы родных краев» в творчестве современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 8. С. 61–64.

Поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 336–341

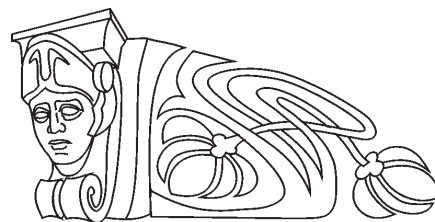
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 336–341

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-336-341>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Улицкая

Проблема смены точек зрения в романе Л. Улицкой «Лестница Якова»

Гао Имин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Гао Имин, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, yiming.masha@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4495-8387>

Аннотация. В статье рассматривается смена точек зрения повествователя и персонажей в романе Л. Улицкой «Лестница Якова», для которого характерно многоголосие и совмещение разных повествовательных ситуаций. В результате анализа общей композиции романа и конкретных отрывков обобщены основные формы текста, в которых проявляются точки зрения персонажей: старые письма и дневники, написанные героями, диалоги персонажей, их внутренние монологи, а также повествовательный текст, в котором автор как будто стоит за спиной героя, изображает картину, представленную в глазах конкретного персонажа. Отдельно рассмотрены повествовательные особенности этих форм передачи точек зрения персонажей и их роль в создании образа героев и раскрытии внутреннего состояния персонажей. Мемуарно-эпистолярные тексты в качестве важной составляющей части романа выполняют также сюжетно-композиционную функцию, образуют сюжетную линию старшего поколения семьи Осецких, являются основным способом для главной героини Норы познания своего деда Якова. Внутренняя речь героев передается как в форме прямой речи, так и в форме косвенной и несобственно-прямой речи. Иногда она встроена в диалог персонажей, выступает в качестве «голоса за кадром», раскрывающего психологическое состояние одного из собеседников. Проанализированы конкретные отрывки, в которых сливаются речь героя и авторское высказывание, обнаружена близость автора-повествователя к Норе. Выявлено, что для романа «Лестница Якова» характерна постоянная смена точек зрения, реализованная авторским композиционным решением и активным взаимодействием разнообразных повествовательных форм, что является особенностью творческой манеры писательницы при создании данного произведения.

Ключевые слова: точка зрения, повествовательная ситуация, многоголосие, эпистолярная составляющая, текстовая интерференция, Л. Улицкая

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Для цитирования: Гао Имин. Проблема смены точек зрения в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 336–341. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-336-341>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of changing points of view in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya

Gao Yiming

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Gao Yiming, yiming.masha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4495-8387>

Abstract. The article considers the change of points of view of the narrator and characters in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya, which is characterized by polyphony and the combination of different narrative situations. By analyzing the composition and specific paragraphs of the novel, the main text forms that reflect the characters' points of view are summarized: characters' old letters and diaries, their dialogues, internal monologues, as well as the narrative texts in which the narrator seems to be standing behind the character, portraying the picture presented in the eyes of a specific character. The narrative features of these forms of rendering characters' points of view and their role in creating the image of a character and in revealing their inner state are considered separately. The memoir-epistolary texts, as an important component of the novel, also play a plot-compositional function, forming an important storyline of the older generation of Osetsky family, and is the main way for the heroine Nora to know her grandfather Jacob. The inner speech of the characters is reflected in direct, indirect and free indirect speeches. Sometimes it is embedded in the dialogue between the characters as a "voice-over", revealing the mental state of one of the interlocutors. The specific passages, in which the character's speech blends with the author's text, are analyzed, and the closeness of the author-narrator to Nora is observed. It is revealed that the novel *Jacob's Ladder* is characterized by a constant change of points of view, realized by the author's compositional design and the active interaction of various narrative forms, which is also a particular feature of this writer's creative manner in creating this novel.

Keywords: point of view, narrative situation, polyphony, epistolary component, text interference, L. Ulitskaya

Acknowledgements: This work was supported by China Scholarship Council (CSC).

For citation: Gao Yiming. The problem of changing points of view in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 336–341 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-336-341>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Последний на сегодняшний день роман Л. Улицкой «Лестница Якова», вышедший в 2015 г., представляет собой большую семейную хронику с филигранным построением сюжета. Сохраняя реалистическую традицию, Л. Улицкая демонстрирует повседневную жизнь и судьбы нескольких поколений семьи Осецких на историческом полотне. При этом для «Лестницы Якова» характерно нелинейное повествование: в данном произведении, действие которого охватывает более 100 лет – с конца XIX в. до начала XXI в., параллельно раскрывались судьбы героев разных поколений. Перед читателями не только объективный рассказ повествователя об истории семьи, но и речь самих героев в различных формах, изредка противопоставляемых друг другу, поэтому в этом романе, включающем в себя многоголосие, особенно актуализируется проблема «точки зрения».

«Точка зрения» в качестве важной проблемы для исследования художественных произведений обсуждается разными литературоведами, критиками и лингвистами. Данное понятие введено еще в 1884 г. американским писателем Г. Джеймсом [1, с. 107] – одним из первых писателей, детально разбирающих этот вопрос [2, р. 133]. В XX в., выражая большой интерес к проблеме «точки зрения» в литературе и других нарративных текстах, исследователи выдвинули ряд теорий и концепций, в том числе теорию «фокализации» Ж. Женетта и М. Бала, «повествовательные ситуации» Ф. Штанцеля, четыре плана проявления точки зрения в искусственных произведениях Б. Успенского и др. Существующие различные подходы к изучению точек зрения в художественном творчестве подтверждают важность данного вопроса. В своей монографии немецкий филолог В. Шмид отмечает: «Разногласия возникают даже не столько относительно точности и полноты описания этого явления, сколько по поводу применимости предлагаемых типологий к анализу текста» [1, с. 107]. В настоящее время «точка зрения» остается интересным вопросом для исследования нарративных текстов, в частности романа, в качестве «многостильного, разноречивого, разноголосого явления» [3, с. 75].

Рассматривая разные подходы к исследованию данной проблемы, В. Шмид обобщает ряд внешних и внутренних факторов, обуславливающих разные точки зрения и относящихся к пяти планам: «пространственному», «идеологическому», «временному», «языковому» и

«перцептивному» [1, с. 118–121]. В данной статье мы в основном рассматриваем языковой, перцептивный и идеологический (оценочный) планы точки зрения, ориентируясь на смену «видения» и «голоса» повествователя и персонажей, отраженную в тексте произведения.

Сюжет романа «Лестница Якова» начинается с рождения сына Норы Юрика и смерти ее бабушки Маруси в 1975 г. Нора на бабушкиных похоронах услышала имя дедушки – Якова Осецкого, о котором раньше ничего ей не говорили, увидела маленькую фотографию этого человека на стене комнаты умершей бабушки и в той же комнате нашла ивовый сундучок, наполненный старыми бумагами. Нора перевезла его в свою квартиру, однако из-за кучи клопов в этом сундуке положила его на балкон и забыла. Спустя полгода, под воздействием морозов и дождя все бумаги в ивовом сундучке раскисли и были испорчены, кроме «тщательно упакованного в розовую аптечную клеенку свертка» [4, с. 43] на дне сундучка. В свертке аккуратно лежали несколько записных книжек и обширная переписка между Яковом и Марусей, отражающие жизненный путь Якова, его мышление и «четверть века их любви, дружества, брака» [4, с. 683], представляющие собой важную составляющую в данном романе. Нора положила сверток в свой архив, а прочитала эти письма и записные книжки только в 2011 г., когда уже «умерли все люди, которые могли бы ответить на вопросы, возникшие при чтении старых писем...» [4, с. 43]. Автор-повествователь вышеприведенным предложением заканчивает первую главу романа и начинает рассказывать «тайную» для Норы историю ее предков, о школьных годах Норы и о жизненных путях различных героев после смерти бабушки Маруси.

Повествователь в данном произведении является аукториальным. Он, как всеобщий наблюдатель и свидетель, достоверно знает, что случилось с этими героями, что они сказали, подумали и почувствовали, иногда дает свой комментарий к персонажам и событиям. Например: «К этим сложностям у него не было никакого иммунитета, и в дальнейшей жизни это ему часто вредило» [4, с. 118]; «Двухтысячный наступил, но ничего хорошего от него не ждали» [4, с. 495]; «Последние счастливые месяцы жизни Якова» [4, с. 692]. Однако всезнающий автор-повествователь не появляется во всех 50 главах книги – 11 глав полностью посвящены запискам и письмам в ивовом сундучке, а также в четырех

главах соединяются авторское повествование и найденные Норой старые бумаги. Писательница чередует в своем произведении повествовательный текст со старыми документальными материалами, наполненными голосами старшего поколения семьи Осецких, чтобы параллельно раскрыть несколько сюжетных линий. Читателям были представлены судьбы героев, живших в разное время, и даже разные этапы жизненного пути одного и того же персонажа.

Очевидно, что ввод **эпистолярных и других документальных материалов** в нарративный текст – самый прямой и механический способ перемены носителя речи и точки зрения. Помимо «Дела Осецкого Я. С.» [4, с. 705–716] в архиве КГБ, представленного писательницей в последней главе романа, остальные материалы в ивовом сундучке написаны самими же персонажами, и, следовательно, в этих текстах герои сердечно здороваются с адресатами, рассказывают им о своей жизни и своем настроении, откровенно записывают то, что произошло и о чем они подумали. Например, Яков часто в дневнике анализирует свое внутреннее состояние, думает над некими биологическими и философскими вопросами, пишет свои мысли о музыке и о произошедших исторических событиях. Сохраняя привычку к чтению, он также постоянно в письмах Марусе обсуждает литературу с женой и делится впечатлениями о прочитанных книгах и статьях. Слова самих персонажей выглядят для читателей более «честными», чем повествование нарратора. Они выразительно и наглядно демонстрируют образ героев. Более того, взаимоотношения героев также отражаются в их переписке, в словах героев, обращении друг к другу и даже во временном интервале между письмами, как в своей статье отмечает И. Б. Ничипоров: «Объемный эпистолярный Якова и Маруси, с неумолимо растущим числом безответных писем мужа к жене, становится трагическим документом о распаде дискурса супружеского, межличностного общения» [5, с. 78].

Кроме того, эти вставные материалы играют важную роль в сюжетно-композиционной организации романа. Ивовый сундучок со старыми записками и письмами, занимающими приблизительно треть от объема книги, является символическим предметом и ключевой сюжетной нитью в данном романе, связывающей старшее поколение с младшим посредством родовой памяти. Дневники Якова и семейная переписка демонстрируют дружеское и супружеское общение Якова и Маруси и их повседневную жизнь, когда они жили в разлуке из-за войны, репрессий и личного выбора в карьере, а о совместно проведенном ими времени, истории их родителей и

семейной «тайне», о которых невозможно узнать из оставшихся бумаг, рассказывается и объясняется аукториальным повествователем. Таким образом, история Нориных предков изображается разными голосами, поочередно появляющимися в книге, включающими в себя различные субъективные точки зрения.

Помимо мемуарно-эпистолярной составляющей, роман «Лестница Якова» включает многочисленные **диалоги персонажей**, являющиеся другим очевидным способом перемены точек зрения в данном произведении. Рассказывая эпизоды, автор-повествователь предпочитает привести прямую речь персонажей, участвующих в этих эпизодах. Более того, писательница старается имитировать различные «голоса» персонажей, чтобы в произведении совместились и столкнулись разнообразие по стилистике высказывания, включающие точки зрения героев. В их устной речи, как и в письменной, отражаются разные базы знаний говорящих персонажей, их мировоззрения, профессиональные привычки, характерные черты и даже интонационные особенности. К примеру, музыкальные термины и отдельные слова на французском, итальянском и немецком языках иногда появляются в дневнике и письмах Якова, который вырос в период Серебряного века в богатой семье, получил высшее музыкальное и экономическое образование, никогда, даже в самой трудной ситуации в жизни, не бросал учиться и читать. Прямая речь ирландской девушки Марты, которая работает в Америке и вышла замуж за Витю после развода Вити и Норы, оформлена на английском языке. А речь Тенгиза – грузинского режиссера, любовника Норы, – всегда содержащая его мнения о театральных постановках и об искусстве вообще, отличается эмоциональностью, выразительностью, грузинским акцентом, а также обилием восклицательных предложений и «длинных, с повышающимся хвостом» «Да?» [4, с. 76]. Как отмечает литературный критик Галина Юзефович, заметным прогрессом данного произведения по сравнению с романом «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) является то, что «примерно четверть романа – это “чужой” текст, причем каждый из его вымышленных авторов обладает собственным, узнаваемым и ни на кого не похожим голосом, интонациями, орфографией» [6], хотя, по нашим оценкам, доля «чужого текста» в произведении еще выше, чем четверть.

Кроме письменной и устной речи героев, **внутренние монологи**, раскрывающие психологическое состояние и душевные движения действующих лиц, также характерны для данного произведения. В этом романе они оформлены как

от первого лица, так и от третьего. Внутренний голос персонажей можно услышать не только в их прямой речи, но и в тексте автора-повествователя. Последнее явление во многих работах [1, 3, 7] отмечается как относящееся к несобственно-прямой речи, когда мы понимаем ее в более широком смысле как «отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причем передача текста персонажа не маркируется ни графическими знаками (или их эквивалентами), ни вводными словами (или их эквивалентами)» [1, с. 214]. В «Лестнице Якова» внутренние слова героев эксплицитно или имплицитно вставлены как в диалог героев, так и в авторское повествование. Рассмотрим несколько отрывков из данного романа, включающих различные формы внутренней речи персонажа.

Отрывок № 1.

«Ближе к концу учебного года Норе пришло в голову, как забавно было бы после скандального изгнания из школы заявиться на выпускной вечер в белом платье с фатой в качестве Витиной невесты. Очень, очень забавно! Пусть проглотят эти старые кошелки, пусть Никиту перекосят, а я посмотрю! И она предложила Вите пожениться – для смеха» [4, с. 99].

Отрывок касается Нориного капризного решения: выйти замуж за ее одноклассника Витю – необщительного математического гения, с которым никто в классе не дружил, кроме Норы и другого гениального мальчика Гриши. Нора собирается преподнести всем «сюрприз» на выпускном вечере, чтобы отомстить бывшему любовнику Никите за то, что из-за слабого и изменившего парня и его отца она была отчислена из школы, открылась не только тайная любовь между Норой и Никитой, но и связь ее мамы Амалии с женатым мужчиной Андреем. В этом отрывке сначала речь ведется от автора-повествователя, но затем в выделенных курсивом предложениях доминирует голос персонажа. Здесь с помощью восклицательных предложений, повествования от первого лица и слов, выражающих эмоцию и оценку персонажа, наглядно демонстрируются психологическое состояние и внутренняя речь Норы, а в последнем предложении отрывка субъектом речи вновь становится всезнающий повествователь.

Отрывок № 2.

«Оставалось время перекусить. Сели за столик.

– Ну, давай, иди в сортир и принимай чего там у тебя заготовлено, – сказала Нора. И подумала: «Страшный сон. Со мной ли все это происходит? Какое-то дурное кино...»

– Знаешь, мне еще не надо. Я сам знаю, когда пора... Я пока ничего...

Поели какого-то эластичного салата в пластмассовом корытце, пластмассового хлеба и выпили американской кофейной бурды в бумажном стакане. Нора вспомнила, как все это ей нравилось много лет тому назад, когда она в первый раз приехала в Америку! *И где же мы в результате оказались? Этот спешный катастрофический отъезд из Америки и его отправка из Москвы девять лет тому назад вдруг слились в одно событие – черт, все сделано своими руками... Это моя решительность, мое желание взять жизнь в свои руки, руководить, организовывать процесс, ставить свой спектакль...*» [4, с. 530–531].

Узнав о том, что Юрик пристрастился к наркотику в Америке, Нора и Тенгиз сразу полетели в Нью-Йорк, нашли Юрика и купили билеты на ближайший рейс, чтобы Юрик поскорее вернулся в Москву и обратился к врачам. Данный короткий диалог Норы и сыном происходит как раз в аэропорту перед вылетом на Родину. В этом отрывке представлены не только рассказ повествователя и устная речь собеседников, но и внутренние размышления Норы и ее душевное состояние. В первых двух предложениях последнего абзаца данного отрывка совмещаются точки зрения повествователя и персонажа: предложения представляют собой нарративный текст, но тревога и тоска Норы уже отражены в «эластичном салате», «пластмассовом хлебе» и «американской кофейной бурде». К тому же в придаточной части второго предложения передаются читателям ее чувства и мысли в тот момент. Остальные предложения в этом абзаце, написанные от первого лица, непосредственно выражают Норино душевное движение. Они кажутся прямой речью персонажа, однако в начале и конце этих предложений отсутствуют типичные знаки препинания для прямой речи (двоеточие, кавычки, тире) и глаголы, обозначающие ощущение персонажа и его процесс мышления (подумать, вспомнить, удивиться и т.д.). С такой формой внутреннего монолога героя, появляющейся также в отрывке № 1, мы часто встречаемся в данном романе. Иногда она встроена в диалог героев и воспринимается читателями как «голос за кадром», раскрывающий внутренний мир персонажа при разговоре с собеседником. Примером может служить следующая часть диалога Норы и болтливой медсестры Таиси:

«– Нор, а ты вообще-то замужем?»

Передает мне тайны по уходу за младенцем и хочет получить мои, в обмен на детское мыло... <...>

– Замужем.

Лишних слов нельзя произносить, можно все испортить, диалог сам должен катиться, она сама должна спросить...

– Давно?

– Четырнадцать лет, со школы.

Пауза. Отлично все строится.

– А чего как ни приду, ты дома одна... <...>» [4, с. 16–17].

Отсюда видно, что автор в своем романе совмещает различные повествовательные формы для раскрытия внутреннего мира героев. Вследствие этого перед читателями иногда чистый голос автора-повествователя или персонажа, иногда «дуют» – в нарративном тексте речь повествователя сливается со словами некоего героя, отражающими его собственную точку зрения, обогащающими образ данного персонажа в художественном мире. Стоит отметить, что в некоторых случаях между таким «свободным косвенным дискурсом» и традиционным повествованием от третьего лица «нет строгой границы» [7, с. 347]: предложения имеют признаки обеих повествовательных форм, могут рассматриваться как с позиции автора, так и с позиции определенного персонажа. Например, в последней главе романа повествователь рассказывает, как Нора читала семейный архив в ивовом сундучке: «Чтение длилось неделю, почти без перерывов. Плакала, смеялась, недоумевала. Восхищалась. Обнаружила в том же свертке несколько записных книжек, которые Яков начал вести еще подростком. *История великой любви, история поиска смыслов, творческое отношение к жизни и невероятная страсть к знанию, к пониманию взъерошенного и безумного мира*» [4, с. 703]. В этом отрывке последнее предложение можно воспринимать как выражение отношения повествователя к главному герою Якову и его любви к Марусе или как впечатление и мнение Норы о ее дедушке после прочтения старых семейных писем и дневников Якова.

Точка зрения персонажа не только проявляется в разных формах речи конкретного героя, но и отражается в **авторском повествовании**, когда в тексте «говорит» повествователь, а «видит», «слышит» или «ощущает» персонаж. В этом случае читатель обычно невольно ставит себя на место того персонажа, наглядно воспринимает его чувства и модифицированную картину, представленную его глазами. В результате мы больше сочувствуем данному герою, глубже узнаем и понимаем его. В качестве примера можно привести первую главу романа, в которой читатель, следуя за взглядом Норы, видит ее сына Юрика, медсестру Таисию, отца Генриха, внешность умершей бабушки Маруси и интерес ее

комнаты, соседей, цветы в магазине на Арбате, родственников, присутствующих на похоронах Маруси, поминки после похорон и т.д. Войдя в комнату бабушки, Нора последовательно остановила взгляд на теле Маруси на самодельной тахте, голых окнах, пыльном книжном шкафу и буфете, использованных в качестве дверей прежде анфиладной квартиры, старых книгах с клопами в шкафу, остатках сюзана, висящих на «двери», «лампочке Ильича», пианино, столе, кресле у окна, истертой одежде в скромной гардеробной за буфетом... Все эти появившиеся в книге детали имеют особенное значение для Норы, позволяют ей думать о жизни Маруси, вызывают у нее воспоминания о прошлом, когда она росла и жила здесь вместе с бабушкой.

Рассказывая историю семьи Осецких, повествователь фокусирует внимание не только на Норе, но и на других героях – Якове, Марусе, Тенгизе, Юрике, Вите... Однако в авторском повествовании большую часть времени центральным персонажем остается Нора, тем более по сюжету романа появление дневников Якова, семейной переписки и архивных документов в данной книге представляет собой результат того, что Нора перевезла бабушкин ивовый сундучок домой, заметила эти старые письма и тетрадки, спустя много лет прочитала их и после прочтения обратилась в архив КГБ, чтобы больше узнать о своем дедушке. В эпизодах, где Нора присутствует, развитие сюжета часто сопровождается ее психологической интроспекцией и реакцией на действие другого действующего лица, а мотивация и внутреннее движение других персонажей не всегда откровенно представлены читателям. Например, в отрывках, где Нора и Тенгиз вместе живут и работают, обсуждают театральные постановки и художественные вопросы, читатели четко знают психологическое состояние Норы и невольно стоят на ее позиции, поскольку они, как Нора, видят, что Тенгиз делает, слышат, что он говорит, но приходится думать о мыслях в его словах и причинах его поведения.

Стоит отметить, что здесь наблюдается и некая близость автора-повествователя к Норе, обусловленная не только важной ролью Норы в сюжетостроении и системе персонажей, но и автобиографичностью романа, аргументированной исследователями рядом схожих черт между писательницей и Норой, семьями Улицких и Осецких [8, 9]. В связи с этим можно подтвердить, что иногда образ автора сливается с образом Норы, и при этом условии писательница высказывает свои мысли Нориными словами. Наиболее очевидным примером служит внутреннее движение Норы в эпилоге романа, когда она прочитала все

сохранившиеся письма и документы о своих родственниках: «А может, разложит старые письма и напишет книжку... <...> Но кто он, мой главный герой? Яков? Маруся? Генрих? Я? Юрик? Нет, нет! <...> мой герой – сущность. Носитель всего, чем располагает человек, – высота и низость, смелость и трусость, жестокость и нежность, и страсть к познанию» [4, с 721–722]. Это и есть авторская исповедь о своем творчестве.

Итак, в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» совмещаются различные точки зрения персонажей, отраженные в следующих формах текста:

1) давних письмах и других документальных материалах, написанных персонажами;

2) диалогах героев;

3) внутренних монологов персонажей в качестве прямого, косвенного и свободного косвенного дискурсов;

4) авторском повествовании, когда в речи повествователя демонстрируется то, что персонаж видит, слышит и ощущает.

В произведении чередуются эпистолярные и мемуарные материалы в ивовом сундучке и повествовательный текст с диалогами персонажей, параллельно развиваются сюжетные истории о старшем и младшем поколениях семьи Осецких, демонстрируются жизнь и судьба героев, живущих в разные эпохи. Таким образом, в данном романе сосуществуют разнообразные повествовательные ситуации, наблюдается постоянная смена точек зрения, представляющая собой особенную повествовательную манеру писательницы. Она играет важную роль в движении сюжета, многостороннем раскрытии образа героев и их взаимоотношений с другими, а так-

же позволяет читателям видеть произошедшие в художественном мире события с различных позиций, провоцирует на узнавание судьбы персонажей и истории одной из множества семей в истории страны.

Список литературы

1. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
2. Martin W. Recent Theories of Narrative. Ithaca ; London : Cornell University Press, 1991. 246 p.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с
4. Улицкая Л. Е. Лестница Якова. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. 731 с.
5. Ничипоров И. Б. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы : жанр, автор, текст : материалы XXI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 75–80.
6. «Лестница Якова» и кровавый Техас. Две семейные саги. Обзор Галины Юзефович. 23 октября 2015. URL: <https://meduza.io/feature/2015/10/23/lestnitsa-yakova-i-krovavyu-tehas> (Дата обращения: 10.12.2021)
7. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
8. Цой К. П. Автобиографичность романа Л. Улицкой «Лестница Якова» // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020, № 4–6 (60). С. 157–160.
9. Некрасова И. В. Расширение границ документально-го в произведениях новейшей русской литературы // Филология и культура. 2016. № 3 (45). С. 129–134.

Поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 342–350

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 342–350

<https://bonjour.sgu.ru>

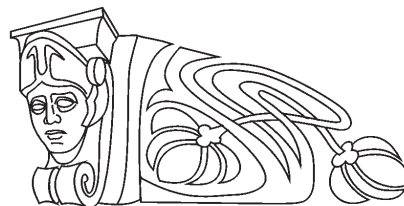
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-342-350>

Научная статья

УДК 821.111.09-311.6+929[Мантел+Кромвель]

Психология власти в романе Хилари Мантел «Зеркало и свет»

И. В. Кабанова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Аннотация. Заключительный роман трилогии Мантел о Томасе Кромвеле рассматривается сквозь призму современных теорий власти. Как исторический романист, Мантел воссоздает ментальность, стоявшую за политической и общественной жизнью Тюдоровской эпохи. Она показывает преобладание в этой ментальности средневековой модели королевской власти и попытку Кромвеля ослабить укорененную в традиции сакральность королевской власти, сместить центр в сторону власти светской, попытку слишком раннюю и потому обреченную на неудачу. Роман рассматривается с точки зрения основного сюжета трилогии: динамики взаимоотношений между королем и его главным министром. Внешне это сюжет беспрецедентной головокружительной карьеры простоянина, который держится до тех пор, пока король не истощает его силы, не замучивает его работой, которую не в силах выполнить десяток обычных людей, после чего от него за ненадобностью избавляются. Вскрывается внутренняя динамика сюжетного развития – психологический симбиоз и одновременно противостояние короля и Кромвеля, оба нужны друг другу и тяготеют друг другом. По мере роста власти Кромвеля в нем растет сознание опасности его положения: подданный не может стоять вровень с королем, а Генрих VIII предоставляет Кромвелю реально править Англией, что все и видят. Когда до Генриха доходит, что успехи Кромвеля воспринимаются как вызов королевской власти, он велит его казнить по надуманным обвинениям. Участь Кромвеля тем самым повторяет судьбу его наставника из первого тома трилогии, великого кардинала Вулси. Анализируется художественное мастерство Мантел в раскрытии психологии конфликта разных типов власти на всех уровнях романа.

Ключевые слова: Мантел, власть, монархия, король, подданный, религия, Томас Кромвель

Для цитирования: Кабанова И. В. Психология власти в романе Хилари Мантел «Зеркало и свет» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 342–350. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-342-350>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychological aspects of power in Hilary Mantel's *The Mirror and The Light*

I. V. Kabanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina V. Kabanova, ivk77@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>

Abstract. The last novel of Mantel's Cromwell trilogy is approached through the lens of the contemporary theory of power. As a historical novelist, Mantel opens up the mentality behind political and social forms of power under Tudor monarchy, the dominance of traditional medieval system and, in Cromwell's attempt to create bureaucratic government, the emergence of power devoid of the coating of sacredness. The paper is focused, though, on what is seen as the novel's central plot, the dynamics of interpersonal balance of power between king Henry VIII and his Lord Privy Seal. Seemingly, Cromwell enjoys his outstanding career, unique for a commoner, as long as Henry stands behind him, and once Henry has exhausted Cromwell, he gets rid of him. The main phases of dynamics between Henry and the central character are established, and each phase of the increase in Cromwell's power and outward prestige is accompanied by the increase in his awareness of the dangers of his position, in case he fails to satisfy his master's desires. In fact, Henry realizes that Cromwell presents a challenge to king's power, comes to see him as a dangerous rival and executes Cromwell as such. Cromwell's fate is destined to repeat that of his first master Cardinal Wolsey. Mantel's artistry in implying and explicating this plot on the novel's many levels is analyzed.

Keywords: Mantel, power, monarchy, king, subject, religion, Thomas Cromwell

For citation: Kabanova I. V. Psychological aspects of power in Hilary Mantel's *The Mirror and The Light*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 342–350 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-342-350>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Зеркало и свет» (2020) – заключительная часть трилогии Хилари Мантел о Томасе Кромвеле («Вулфхолл», 2009; «Внесите тела», 2012). Трилогия стала ярким событием в современной английской прозе. Писательница воскресила решающий в формировании Англии Нового времени период правления Генриха VIII и реабилитировала в общественном сознании его первого министра, лидера английской Реформации Томаса Кромвеля. По мнению критики, Мантел создала в трилогии национальный эпос, подобный «Энеиде» Вергилия или «Воине и миру» Толстого [1]. В отличие от первых частей трилогии, к досаде читателей Мантел, роман не получил Букеровскую премию, что ничуть не умаляет его выдающихся художественных достоинств. Поскольку изначальный замысел предполагал уместить повествование о Кромвеле в одно произведение, роман «Зеркало и свет» вырастает на фундаменте двух предшествующих романов, тесно связан с ними. Основной сюжет здесь тот же, что и предыдущих романах, – взаимоотношения Кромвеля с его господином, Генрихом VIII Тюдором (1491–1547). Как и прежде, деятельность Кромвеля в области реформы церкви и государственного аппарата, столь интересующая историков [2–4], показана широкими штрихами; романистку больше интересуют не конкретные гениальные импровизации Кромвеля в сфере политики, а сама его загадочная личность.

Шесть частей «Зеркала и света» изображают последние четыре года жизни Кромвеля, от казни Анны Болейн до его казни. В начале романа, в мае 1536 г., герой, сын пивовара и кузнеца из Патни, ранее устроивший брак короля с Анной Болейн и фактически уже правящий Англией, запоздало получает королевскую благодарность за избавление от Анны в виде пожалования титулом барона Уимблдонского. К его посту государственного секретаря прибавляется придворный пост хранителя малой печати. В финале романа Кромвель, к этому моменту уже лорд Эссекс, обвинен в ереси и измене, лишен права предстать перед судом и казнен на Тауэр Хилл 28 июля 1540 г. Эти четыре года – в истории период повышенной нестабильности, когда тюдоровская монархия прошла через ряд опасных кризисов. Во-первых, восстание на Севере 1536–1537 гг., так называемое «Паломничество благодати», бросило прямой вызов королевской власти. Первым требованием восставших было устранение ненавистного министра-реформатора, но тогда Генрих не отказался от Кромвеля. После подавления восстания и расправы с его предводителями приходит черед расправы с остатками Плантагенетов – следует серия казней представителей древнейших родов, которые потенциально могли претендовать на престол.

Далее после папской буллы об отлучении Генриха от церкви ожесточается борьба реформаторов со сторонниками католичества, на костер восходят все, чьи высказывания по религиозным вопросам отличаются от мнения короля, равно сторонники папы и евангелисты. Наконец, король возлагает на Кромвеля вину за свой неконсуммированный четвертый брак с Анной Клевской. Мантел многое опускает из политических перипетий, выводя на первый план сюжет личных отношений короля с его самым доверенным и эффективным слугой. Уникальная психологическая достоверность этого сюжета достигается, думается, благодаря тому, что нарратив трилогии – особенно ясно это становится в «Зеркале и свете» – осознанно или бессознательно реализует современные представления о природе власти, о механизмах памяти. Сосредоточимся на проблематике власти в романе.

Вкратце коснемся категории власти, поскольку проблематика власти видится в трилогии центральной. Власть мы будем понимать как динамическое соотношение между правителем/теми, кто принимает и осуществляет решения, и теми, кто является объектом властного воздействия. Задолго до возникновения политической власти и государства власть существовала в роду, в семье; естественной моделью власти является власть отцовская. Каждый человек в младенчестве и в детстве усваивает свою первую модель власти, власть семьи. В широком значении власть можно считать антропологическим механизмом социального взаимодействия людей, механизмом саморегуляции общества. Изображаемый в романе период крайне интересен с точки зрения теории политической власти: это переход от сакральной средневековой монархии, т. е. от неограниченной власти одного лица как источника закона, к современной национальной государственности, к возникновению бюрократического аппарата как средоточия власти.

Традиционная королевская власть сохраняет стабильность и преемственность в силу идеи о «двух телах короля», которая после исследования Э. Канторовича [5] глубоко укоренилась в современном гуманитарном знании. Канторович воссоздал средневековые теологические и юридические обоснования власти: король как человек конечен, его земное тело смертно; но истинное «тело короля», т. е. мистическая сущность власти, основанная на союзе короля с Богом, на слиянии в фигуре монарха власти сакральной и светской, – эта трансцендентная сущность власти вечна. В момент физической смерти помазанника она не умирает, а переходит на его преемника, обычно законного сына. Вот почему Генрих VIII в романе меняет жен в попытке обзавестись законнорожденным наследником, и рождение

принца Эдуарда королевой Джейн Сеймур позволяет Генриху лишиться старших дочерей, Марию и Елизавету, прав на престол. Борьба за очищение католической церкви, подъем Реформации в Европе ударяют по сакральной составляющей королевской власти, ослабляют ее. Параллельно в процессе создания национальных государств идет перераспределение власти светской, и короли пытаются играть в свою пользу, ослабляя древнюю аристократию за счет нового чиновничества. При этом внешние ритуалы королевской власти приобретают новое значение [6].

Для Тюдоров династические соображения играют особую роль. Их появление на английском престоле в 1485 г. – событие в описываемое время недавнее, благодетельное для страны. Отец Генриха, буквально подобравший корону на поле боя, положил конец веку гражданской войны в Англии. Память о ней еще слишком свежа, и Генриху важно обеспечить неоспоримо законный переход власти наследнику. Как понимает он сам и его правительство, делать ставку на одного малолетнего сына в эпоху, когда дети могут умереть в любой момент, неразумно, и потому немедленно после смертей королей парламент в очередной раз обращается к Генриху с просьбой вступить в новый брак. Королева Джейн Сеймур выведена в романе как креатура Кромвеля, он же находит королю четвертую жену, Анну Клевскую.

В отличие от континентальной Европы, в средневековой Англии власть монарха не была неограниченной, в ней соучаствовал парламент, принимавший законы, утверждавший налоги и бюджет. Кромвель резко повысил роль парламента как политического инструмента, расставил на ключевых постах в провинции своих людей. Ему удавалось сдерживать склонность Генриха к войне; в прошлом солдат, торговец, финансист, стряпчий, Кромвель предпочитает переговоры и убеждение, использует власть денег, приращивает королевскую казну.

В целом в романе, в соответствии с представлениями исторической науки, доминирует средневековая система власти – король занимает исключительную властную позицию. Генрих стоит вне закона, над законом – а Кромвель пишет законы для воплощения желаний короля и проводит их в жизнь. Мантел изначально привлекла к Кромвелю его историческая аномальность: это первый простолудин, который поднялся наверх не просто в качестве фаворита короля, но реально аккумулировал столько власти, что сравнялся с королем. Из истории известно, что просители, письменно обращавшиеся к Генриху, одновременно писали менее формальное, более деловое письмо Кромвелю, с целью обеспечить желаемое [4, р. 315], что Генрих часто не понимал, до какой

степени Кромвель манипулировал им. Кромвель в романе осознает себя как зеркало, отражающее исходящий от Генриха свет суверенной власти. Между королем и его первым министром существует переменчивый баланс личных отношений, который и является основным сюжетом романа. Постоянно спасая Генриха от реализации его худших импульсов, беря на себя его грехи, Кромвель неуязвим до тех пор, пока король не перестает по доброй воле перекладывать на него свои докучные обязанности правителя. Но как только король начинает ревновать Кромвеля к власти, тот обречен. По мнению Мантел, он был обречен с самого начала своей карьеры, которая демонстрирует трагическое столкновение власти, основанной на личных достоинствах, с властью, существующей от века и от Бога. Против традиционной сакральной власти короля создаваемая Кромвелем машина управления в романе бессильна. Она эффективна до тех пор, пока у руля стоит сам ее создатель, но пока эта машина не освящена традицией, она вызывает сопротивление у современников, и потому неспособна защитить Кромвеля от традиционного королевского произвола.

Кромвель в трилогии предстает как титан английского Возрождения, личность многих талантов и больших амбиций. Он внешне учтив и сдержан, непредсказуем и решителен в действиях. Он по своему банкирскому прошлому, по адвокатской специализации на страховании – профессиональный оценщик рисков, переговорщик, расчетливый игрок, умеющий извлечь максимум возможного в предлагаемых обстоятельствах. В предыдущих романах трилогии был показан его путь наверх как безустанная работа по заполнению любых образующихся во власти пустот – он постоянно расширяет свое влияние, проявляет управленческий гений, он сумел сделать себя незаменимым. Его правило – никогда не объяснять своих мотивов и не пресекать никаких слухов о себе; он понимает, что власть выигрывает от ауры непостижимости. Кромвель не ставит во главу угла внешние знаки и ритуалы власти, но умело использует их в целях репрезентации власти. Он овладевает гигантским массивом экономической, финансовой и политической информации, информацией о личном и семейном положении всех сколь-либо значимых собственников в королевстве. В соединении с его опытом законодателя эта информация дает ему возможность административных новаций, которые по-настоящему успешны, когда в них текущие цели короля (Генрих не просчитывал дальние последствия принимаемых решений) совпадают с представлениями Кромвеля об общем благе и его личными интересами: Кромвель отторг Англию от католической церкви, резко увеличил мощь светской власти против церковной, изменил

систему управления страной за счет гибкого взаимодействия укрепившейся центральной власти с местными магистратами, изменил средневековые законы землевладения и наследования имущества, создал первую систему поддержки бедных и т.д.

Историческая достоверность достигается в образе Кромвеля за счет того, что Мантел изображает Кромвеля не только универсальным человеком, в чем-то мудрым, в чем-то слепым, но как человека его противоречивой эпохи: сторонником евангелизма, не брезгающим насилием, коварного с врагами и нежного с друзьями, со своими династическими планами. После смерти жены и дочерей у Кромвеля остается единственный сын, Грегори. Сам он в силу происхождения не может встать на равной ноге с английской аристократией; при дворе и в совете он ощущает себя среди врагов, на груди под рубахой Кромвеля почти до самого конца романа прячется его избранное оружие – солдатский кинжал, который он всегда готов пустить в дело. Получивший же образцовое воспитание Грегори – рыцарь и джентльмен, участник турниров и любитель чтения, желанный гость повсюду. Брак Грегори с сестрой королевы Джейн Сеймур – одно из высших достижений Кромвеля. Его сын становится свояком короля нынешнего и дядей короля будущего. Кромвелю в самом деле удалось обезопасить сына этим браком – уже за пределами романа остается тот факт, что после его казни Генрих не преследовал Грегори, как это часто бывало с семьями других казненных, а позволил ему унаследовать малую часть земель отца и даже учредил для него новый баронский титул.

В сравнении со сжатой пружиной сюжета романа «Внесите тела» сюжет «Зеркала и света» может показаться замедленным. Это происходит потому, что в предыдущем романе Кромвель действовал, спасая свою жизнь, ему было важно предупредить удар от ненавидящей его Анны Болейн. Здесь же события занимают не девять месяцев, а четыре с небольшим года, и все это время Кромвель находится на вершине власти. Лорд хранитель печати – формально не самая высокая должность, однако именно он ведет заседания королевского совета, как именуется тюдоровское правительство, т. е. исполняет функции премьер-министра. Он – вице-регент по делам церкви (после смерти Кромвеля этот созданный для него пост не возобновлялся); после номинального главы церкви, короля, в ключевых для эпохи делах религии и церкви он главный человек, стоящий над епископами. Главное дело его последних лет – печатание и распространение английского перевода Библии, расстановка на ключевые посты в церкви людей, которые и после его смерти будут проводить его взгляды. Кромвель тем самым задал

линию расхождения английского протестантизма с лютеранством и определил будущее лицо англиканской церкви. Кромвель организует выборы в парламент, пишет билли и контролирует процесс их принятия в парламенте. Он представляет корону в общественно значимых судебных процессах, которые оркеструет из-за кулис; он улаживает отношения с обоими грозными соседями, Испанией и Францией, теологические стычки протестантов с католиками, торговые споры, семейные дела и взаимные претензии вельмож, словом, он отвечает за все. Главный же предмет его забот – сам король, его физическое и душевное здоровье, его отношения с женами, любовницами, детьми, придворными, финансирование королевской казны. Окружающие видят Кромвеля именно как руководителя короля: «Милорд отец, на ком вы позволите королю жениться теперь?» – спрашивает Кромвеля сын после смерти Джейн Сеймур [7, с. 552].

Поскольку власть в «Зеркале и свете» становится для героя повседневной рутинной, роман, написанный от третьего лица, но воспроизводящий его сознание, его точку зрения на происходящее, эту рутину все больше перестает регистрировать. В ходе романа Кромвель не утрачивает ни своего видения будущего Англии как самой процветающей державы Европы, ни своей изумительной работоспособности, но исподволь в нем копится усталость. В пятьдесят лет начинает сдавать железное здоровье; лейтмотив усталости звучит с первых страниц романа, героя все чаще посещает бессонница, к сердцу как будто привязывают железную гирьку, болит нога, а в самый ответственный момент политического кризиса на него нападает подхваченная в молодости итальянская лихорадка. Десять лет на вершине власти истощают его внутренние ресурсы, он начинает допускать ошибки.

Механизмы политической власти, изобретенные Кромвелем и уже запущенные к третьему тому трилогии, предстают в «Зеркале и свете» в качестве фона. В центре оказывается более свойственная художественной литературе плоскость власти – область психологии власти в межличностных отношениях, динамика взаимоотношений короля и того единственного, кто, по словам Генриха, «рожден его понимать» [7, с. 865].

При их первом знакомстве, когда Кромвель еще работал на опального кардинала Вулси, он завоевал доверие Генриха теми качествами, которые не встретишь при дворе: умением высказать нелицеприятную правду, отстаивать свою точку зрения, своей бесспорной преданностью и лояльностью. «Он увидел, в чем нуждался Генрих, и удовлетворил его нужду, однако правитель не

должен знать, что в тебе нуждается, – ему не понравится быть в долгу перед своим подданным» [7, с. 397] – вот, собственно, формула успеха и падения Кромвеля. Он умеет читать личность Генриха-человека, как открытую книгу: предугадывать желания короля, иными словами, внушать королю его желания; когда Кромвеля среди ночи зовут к королю, он толкует Генриху его сны, успокаивает его совесть; они вместе проводят долгие дни на охоте, за игрой в кости; наедине король зовет его «Том», они почти всегда рядом.

Но Генрих не вполне человек. Он прежде всего король, уверенный в божественности своей власти, в собственной непогрешимости. Кромвель ни секунды не считает Генриха своим «другом». Уже первый том трилогии показал превращение короля из пылкого рыцаря, «Добродетельного принца», как его звали в юности, любимца народа, в параноидального деспота. Рубежной вехой в этом процессе стала казнь Томаса Мора в июле 1535 г., которую не смог предотвратить Кромвель. Генрих не пощадил Мора, своего доверенного советника с 1517 г., бывшего лорда-канцлера, наиболее вероятного автора латинской книги, вышедшей под именем короля, «В защиту семи заповедей от Мартина Лютера», за которую Генрих VIII получил от папы титул Защитника веры. Генрих бывал у Мора дома, ценил европейские связи гуманиста и справедливо видел в нем украшение своего двора. Но когда блестящий ум Мора пришел к заключениям, отличавшимся от выгоды Генриха (Мор не поддержал Генриха как главу английской церкви и остался верен Риму), король потребовал от Кромвеля убрать Мора. Первый том трилогии завершается казнью Мора; в начале третьего тома Кромвель размышляет: «Для Генриха век уговоров позади – он закончился, когда Мор каплями стек на эшафот <...> Отныне настал век принуждения, и королевская воля – инструмент, который каждое утро затачивает кузнец: остроконечный, жалающий, он глубоко ввинчен в наш испорченный век» [7, с. 92].

Испорченный век во главе с испорченным государем. Генрих лжив настолько, что «даже не осознает своей лжи, искренне считая себя правдивейшим из государей» [7, с. 92]. Вздорный, обидчивый, падкий на лесть, потакающий своей плоти, вечно себя жалеющий Генрих ленится заниматься государственными делами, по очереди подвергает опале своих советников, стравливая их между собой, соединяет суеверие с недоверчивостью. Как говорит испанский посол Шапюи, «Генрих – великий человек, ему недостает лишь последовательности, благоразумия и здравого смысла» [7, с. 670]. Главный его порок как правителя – кровожадная непредсказуемость, которая наводит ужас на окружающих. Кромвель

усвоил урок из ошибки Анны Болейн, которая обращалась с королем как с мужем: «Она принимала Генриха за обычного мужчину. А он, как все правители, полубог-полужверь» [7, с. 109]. Еще одна метафора для короля – опасный великан; Кромвель во время бессонницы разговаривает сам с собой: «Пересиль страх, не упусти удачу. Если знаешь, как разговаривать с великанами, ты можешь его околдовать. Чудовище станет твоим созданием. Он думает, что ты служишь ему, а на деле ты служишь себе» [7, с. 405]. И очень рано в романе в потоке внутренней речи Кромвеля формулируется его личная дилемма: «...если Господь сделал меня матросом на корабле дураков, как мне убить пьяного капитана, чтобы отвести корабль в порт и не разбиться о скалы?» [7, с. 99]. Конечно, случалось, что средневековых королей убивали не только на поле боя, но Кромвель не помышляет о предательстве.

Мысль о смерти Генриха неоднократно приходит в голову герою, особенно с памятного момента во втором томе: в январе 1536 г. Кромвель вернул короля к жизни после неудачного падения на турнире. Генриха придалив оступившийся конь, два часа король был без сознания; у Мантел призванный из дворца Кромвель улавливает дыхание короля и приводит его в чувство. За этот час Кромвель осознает, что его жизнь полностью зависит от жизни короля. Уми Генрих, и он не успеет сесть на корабль, его раньше настигнут могущественные враги-завистники, которые не смеют тронуть его, пока за ним стоит король. Первое описание этой сцены во втором томе играет новыми смыслами в «Зеркале и свете», когда очевидцы напоминают Кромвелю вытесненную из его памяти подробность: в то время как все боятся прикоснуться к лежащему королю, секретарь хватается за грудки и вздергивает на ноги с криком «Дыши, сволочь, дыши!» [7, с. 584].

Падение на турнире открывает старую рану на ноге Генриха, которая не затянется до самой его смерти. От постоянной боли в «Зеркале и свете» все больше мрачнеет его нрав, после казни Анны Болейн король как будто ищет предлоги для истребления близких. На протяжении романа повторяются эпизоды припадков короля, столь же старательно скрываемые от внешнего мира, как падение на турнире; повествование многократно фиксирует разносящиеся по стране слухи о кончине Генриха, которую якобы скрывает от народа всем заправляющий, околдовавший доброго короля Кромвель.

Любые разговоры о болезни короля или о будущем после его кончины приравнены к государственной измене. В романе их ведут только старшие дети короля, бастард Генри Фицрой, герцог Ричмонд (1519–1536), и леди Мария, послы

иностраннных держав да заключенные в Тауэре – все люди особого правового статуса. Кромвель по долгу лояльности пресекает подобные разговоры, но он не может не просчитывать варианты на случай смерти короля. Мантел выстраивает целую сюжетную линию, для которой нет опоры в исторических источниках, – это линия возможного регентства Кромвеля при малолетнем Эдуарде после смерти Генриха. Естественно, нет никаких исторических свидетельств о притязаниях Кромвеля на высшую власть; во всех дошедших до нас документах он обращается к Генриху, как положено верноподданному.

Не то в романе. У Мантел Кромвель сознает свою полную зависимость от Генриха и тяготится ею. Генрих – его защита и одновременно его бремя; он ему благодарен и верно служит, но психологически достоверно, что герой все больше начинает воспринимать короля как капризного ребенка, только вместо надоевших игрушек он разбрасывает вокруг себя трупы. Предположение о том, что Кромвель лелеет мысль о короне для себя (через брак с леди Марией) либо для Грегори, высказывается множеством персонажей романа. Впервые мысль о Кромвеле-короле звучит в Тауэре, где Кромвель навещает высокопоставленного узника. Известный мот и игрок, сэр Фрэнсис Брайан говорит: «Я вас раскусил, Кромвель. Считаете себя осторожным и предусмотрительным политиком. А вы такой же игрок, как я. <...> Другой с вашим происхождением получил бы спокойное местечко и пересчитывал трофеи. Но не Кромвель. Он должен непременно всем заправлять. Если девчонка Сеймуров родит королю сына, кто займется его воспитанием, если не Кромвель? А если наследником объявят Фицроя, на кого ему положиться, если не на Кромвеля? Если Мария станет королевой, она никогда не забудет, кому обязана спасением.

– Поверьте, Фрэнсис, – улыбается он. – Так далеко я не заглядываю. Мне бы пережить эту неделю.

– Вы не остановитесь, пока не станете герцогом¹. Или королем. Кстати, из вас выйдет неплохой король» [7, с. 146].

В следующий раз мысль о Кромвеле как о наследнике озвучивает сам Генрих. Королевский совет обсуждает требование мятежников Севера выдать им Кромвеля, и Генрих, не выносящий внешнего давления, повышает голос: «Я создал моего министра, и, клянусь Богом, я от него не отрекусь. Если я говорю, что Кромвель – лорд, значит, лорд. А если я скажу, что наследники Кромвеля будут править Англией после меня,

¹ На тот момент на всю Англию было 25 аристократических титулов (бароны, маркизы, графы), в том числе два герцогских.

Господь свидетель, так тому и быть, или я вылезу из могилы и разберусь с теми, кто посмеет послушаться.

Наступает молчание» [7, с. 333].

Необдуманные слова Генриха консолидируют всех врагов Кромвеля, его шансы уцелеть в игре с властью уменьшаются.

Может ли человек испытывать такой взваленный на него груз ожиданий без последствий? Подданный не может стоять наравне с королем, однако Кромвель уже давно стоит рядом с королем, в романе курс прокладывает не король, а его слуга. Кромвель прекрасно понимает, насколько опасны для него крики толпы «Кромвель, король Лондона!» (7, с. 470), сплетни о том, что в него влюблена леди Мария, что он вертит королем как хочет. Но весь его опыт общения с королем, сама атмосфера жизни подле короля, в качестве его главного советника, ведет к тому, что, помимо воли и рациональных доводов, он начинает воспринимать Генриха как равного. Вот как он проговаривается, вспоминая один из эпизодов прошлого: «Я не должен был позволять королю встать у меня на пути. – Милорд, тихо замечает Рич, – король не может встать у нас на пути, он и есть наш путь» [7, с. 320].

В середине романа, когда Кромвель нейтрализует своих главных врагов, поставив их в полную от себя зависимость, и успешно осуществляет политику продвижения Реформации, в канун рождения наследника, король вызывает Кромвеля к себе в Ишер: «Приезжайте и будьте подле меня. Проводите со мной дни» [7, с. 541]. Обняв Тома Кромвеля за плечи, король гуляет с ним саду:

«– И вы слишком много работаете, – говорит Генрих, будто не сам задает ему работу. – Если я умру прежде срока, Сухарь, вы должны...

Давайте же, думает он. Составьте документ. Назначьте меня регентом.

– Вы должны... – Генрих осекается, выдыхает в зеленый воздух. Говорит: – Такой чудесный вечер!

Он думает, напишите прямо сейчас. Я схожу за бумагой. Приложим ее к стволу и набросаем черновик.

– Сэр? Я должен... – напоминает он.

Печатью можно будет скрепить позже.

Генрих поворачивается и смотрит на него.

– Вы должны за меня молиться» [7, с. 541].

Вот момент, когда монарх впервые чувствует опасность для своей власти: личную власть Кромвеля, сравнявшуюся по объему с его властью. С этого момента Генрих начинает микроскопическими шагами отдаляться от Кромвеля. Вроде бы естественно, что во время траура по Джейн Сеймур король реже видится с членами королевского совета, в том числе с Кромвелем; в их разговоры

Генрих начинает вставлять мелкие шпильки; заверяет, что если он ругает лорда хранителя печати на людях, то это только для виду, что он целиком доверяет Кромвелю. Но посланцы от Кромвелю всегда имели прямой доступ к королю – теперь им приходится ждать. Кромвель гадает, чем конкретно вызвано недовольство Генриха: тем ли, что ему никак не удается выполнить приказ – избавиться от скрывающегося на континенте кузена короля Реджинальда Поля, автора обличительной книги о Генрихе, или тем, что ему не удалось предотвратить направленный против Англии союз Испании с Францией. На самом деле причина одна, и ее формулирует еще один осужденный к смерти аристократ: «Король не будет считать себя обязанным вам, Кромвель. Чем сильнее вы свяжете его своими деяниями, тем сильнее он станет вас презирать. Мне вас жалко – впереди у вас пустота. Король будет ненавидеть вас за ваши успехи не меньше, чем за ваши неудачи» [7, с. 417], и позже, когда уже заключенному в Тауэр Кромвелю его воспитанник, ныне приближенный короля, говорит: «Он боится вас, сэр. Вы его переросли. Стали больше, чем дозволено слуге или подданному» [7, с. 848].

А пока, в последние два года жизни Кромвелю, король лицемерно осыпает Кромвелю знаками милости: принимает в орден Подвязки, одаривает землями, титулом графа Эссекса. Все это, однако, не заглушает в Кромвелю растущую тревогу. Он, как и король, – политическое животное, и чутье в нем столь же сильно, как голос разума. Первый знак приближающегося конца подает его тело. На пасху 1539 г. Кромвелю надолго укладывает в постель приступ итальянской лихорадки. Когда Кромвель страдал от этой болезни в первом томе трилогии, Генрих, опасаясь любой заразы, навел его на дому, что вызвало сенсацию. Теперь о посещении короля нет и речи. Болезнь лишает героя доступа к королю, дает время сговориться его завистникам; он не в силах добраться до парламента, который, вопреки его намерениям, принимает законы в пользу католичества.

Детально воспроизводимый бред Кромвелю во время болезни состоит из более или менее развернутых обрывков его воспоминаний. Это способ обрисовать подсознание героя или, точнее, состояние его совести, на которой за годы правления скопилось немало грехов. Ему являются призраки Болейнов, его первого хозяина и покровителя кардинала Вулси, сожженных единоверцев и, самое интересное с точки зрения раскрытия образа Кромвелю, – воспоминания о далеком прошлом. Насилие, кровь, убийства, смерть – и когда во время болезни все вытесненное из сознания возвращается, облекается в слова, герой как бы признает свою причастность к смерти. Из болезни он выходит не просто физически ослаб-

ленным, но морально, по сути, уже готовым к собственной смерти. Ему предстоит прожить еще год, впереди еще две книги романа, у него еще будут моменты взлета – но он уже надломлен, инстинкт власти в нем начинает давать сбои. Его терпение в отношениях с Генрихом истощается, он начинает разговаривать с Генрихом не как мужчина с мужчиной, а как подданный, тем самым предоставляя королю совершать ошибки, вину за которые король возложит на него же, Кромвелю. Сильной метафорой для отношений министра с королем становится образ леопарда в клетке. Кто-то присылает Кромвелю диковинку для его зверинца, и тот принимает подарок, велит хорошо кормить и стеречь хищника. Частенько задерживаясь перед его клеткой, Кромвель видит, как тот набирает вес, начинает лосниться его мех, и все больше в движениях, в зрачках зверя герою видится, что леопард воспринимает его как пищу, как возможную добычу. Кромвелю заворачивает скрытая в звере сила, постоянная готовность напасть, вырваться из клетки.

Равно важны два эпизода общения Кромвелю с королем. В первом, почти лирическом по тону, король сентиментально вспоминает их совместные дела и дни и вдруг проявляет редко ему свойственную пронизательность: «Знаете, мне кажется, вы так меня и не простили. За то, что я расстался с Вулси.

Расстался? Боже милостивый.

– Я думаю, вы вините меня в его смерти» [7, с. 744].

Кардинал Вулси был наставником и первым хозяином Кромвелю. Он умер подконвойным по дороге в Тауэр, обвиненный в измене. Так Генрих отплатил человеку, который управлял за него Англией до Кромвелю; Вулси предстояла казнь, но кардиналу повезло умереть своей смертью, поэтому Кромвель и отмечает употребленное Генрихом слово «расстался», странный эвфемизм для более точного «погубил». «Расстался» подчеркивает, что в своих глазах Генрих безгрешен. Король продолжает: «За десять лет я очень сильно изменился. Вы – не очень сильно. Вы не изумляете меня, как прежде. Вряд ли вы сумеете меня удивить, памятуя, что вы сказали и сделали за это время, а я не стану отрицать, Том, что вы свернули горы. Вы работаете за десятерых обычных людей. Но мне все равно недостает кардинала Йоркского» [7, с. 746].

Мертвый кардинал обставил живого Кромвелю; ситуация с Вулси повторяется, король в очередной раз проявляет свою звериную сущность.

Второй эпизод – последний разговор короля с Кромвелю, который пока не знает о том, что за его отстранение Генриху обещан вождельный

союз с Францией. Повествование отмечает непонятную Кромвелю резкость, раздражительность короля, эти знаки нечистой совести. Генрих настраивает себя против тех, кого готовится предать. Король подчеркнуто провозглашает общий принцип: «...те, кто порочит Кромвеля, порочат короля. Лишь я могу укорять или награждать моих слуг, больше никто» [7, с. 831]. Он вроде бы защищает Кромвеля, но одновременно указывает ему его место слуги. В ходе разговора король нападает на Кромвеля за то, что тот якобы не спешит выполнить его желание о разводе с Анной Клевской. Кромвель тщательно взвешивает слова: «— Я сделаю что смогу, но, если вы разведетесь с королевой, я не смогу отворотить дурных последствий.

- Вы мне угрожаете? — спрашивает Генрих.
- Боже сохрани.
- Он и хранит.

Король отворачивается и смотрит в стену» [7, с. 833].

«Отворачивается» в прямом и переносном смысле — он больше никогда не увидит своего министра. Через день Кромвеля схватят прямо на заседании королевского совета и препроводят в Тауэр, откуда он уж больше не выйдет. Финальная книга романа, описывающая последние сорок восемь дней жизни героя, показывает его в состоянии эмоционального потрясения. В нем вспыхивают моменты надежды на переменчивость короля, на то, что он сумеет переубедить Генриха при личном свидании, но в целом он трезво все понимает. Кромвель помнит, что Генрих никогда не прощался ни с женами, ни с друзьями, которых обрекал на смерть, он покидал их без объяснений, отворачивался. Кромвель предвидит, что после него некому будет управлять страной, те, кто сегодня над ним торжествует, передерутся между собой, в Англии воцарится хаос — так оно и произойдет, после Кромвеля страна будет скатываться к неуправляемости. Кромвель знает, что к нему будет применен написанный им же закон о том, что обвинение в измене влечет лишение прав, а значит, суда над ним не будет, и он умрет, как только составит для короля последние требуемые для развода с Анной Клевской документы. Из уважения к титулу графа Эссекса король милостиво заменяет положенное изменникам четвертование на отсечение головы, и Кромвель за это искренне благодарен Генриху. Он давно знает, что его государь лишен человечности и милосердия, и всерьез не ждет пощады. Кромвель обвиняет только себя — в излишнем самомнении, в том, что уверился, будто насквозь знает своего государя, ошибся в расчетах: «Может, кто-нибудь скажет, что я умер за Евангелие, как Мор умер за папу. Но большин-

ство не сочтут меня мучеником, разве что мучеником за жажду преуспеть в жизни» [7, с. 888].

Еще в романе «Внесите тела» посол Шапюи задал Кромвелю вопрос, что он будет делать, когда Генрих от него отвернется; посол употребляет то самое слово, которое использовано в последней сцене между Генрихом и Кромвелем — «отвернуться» (в русском переводе второго тома читаем «немильность» [8, с. 264]). Ответ Кромвеля дадим в нашем переводе:

«— Наверно, так оно и случится. Когда-нибудь.

Иногда он просыпается среди ночи и думает об этом. Есть придворные, вышедшие в почетную отставку. Он знает примеры. Конечно, другая возможность намного ближе, когда около полуночи ворочаешься в постели.

— Но если этот день придет, что вы сделаете?

— Что я могу сделать? Вооружусь терпением и предоставлю все Господу.

И буду надеяться, что конец будет быстрым» [9, р. 224].

Так оно и происходит.

В последней шестой книге романа темп изложения ускоряется; властная конкуренция, лежащая в сердце сюжета, уже разрешилась в последней сцене пятой части, когда герцог Норфолк во время потасовки в совете срывает золотую цепь с плеч Кромвеля и того передают коменданту Тауэра. Перед лицом смерти Кромвель, лишенный всех рычагов власти, полностью возвращен в систему средневековой монархии, где всех, кого король создает, он же и уничтожает. Никому не приходит в голову спросить, как вице-регент по делам религии оказался еретиком, как человек, пожалованный в апреле графом Эссексом, в июне оказался изменником. Странники Кромвеля застывают в оцепенении, в страхе за себя. Единственную робкую попытку вступить за Кромвеля предпринимает архиепископ Томас Кранмер, друг Кромвеля и духовник короля. Бесплезно, Генрих уже вычеркнул Кромвеля из жизни. В Тауэре Кромвель превращается в слугу, прогнавшего своего господина и уж тем самым виновного; он может сколько угодно уверять, что вина его не намеренная, не злоумышленная. Никаких других причин для его смерти нет, и не требуется. Кромвель смеется над допрашивающими его обвинителями, над «доказательствами» измены: он одевался не по статусу роскошно, он принял от леди Марии пару перчаток, явный символ брачного союза, он с помощью волшебного перстня Вулси околдовал короля. Враги Кромвеля и сами знают, как шатки их обвинения, ничего серьезного ему предъявить невозможно. В отношении к Генриху Кромвель в последние дни выдерживает роль кающегося слуги, который молит господина о прощении и

призывает на его голову все блага – потому что он думает о будущем Грегори и внуков, племянника и его детей, о своих друзьях. Всем им он передает распоряжение отречься от него, дать королю то, что он желает, в надежде самим пережить приступ королевской кровожадности.

Обвиняет Генриха в романе только вымышленный персонаж. Слуга Кромвеля Кристоф вывезен им из Кале шуплым подростком, он быстро отъелся на английских хлебах и освоил английскую речь, особенно по части ругательств, но не оставил своих авантюрных, бедовых наклонностей. Кромвель в нем видит себя молодого. Кристофа он выбирает, чтобы тот был при нем в Тауэре. Кристоф предан Кромвелю так же, как тот был предан кардиналу Вулси, он питает к своему хозяину сыновние чувства. Пока Кромвель в заточении, Кристоф высказывает угрозы в адрес короля: «А Генриха я буду пинать по Уайтхоллу, как свиной пузырь. Вот лопнет, посмотрим, кто тут король. Вот размажу его по камням, посмотрим, кто победил» [7, с. 843].

А когда Кромвель поднимается на эшафот, Кристоф протискивается к нему сквозь плотную толпу, сквозь стражу, и изрекает проклятие королю: «Генрих, король Англии! Я, Кристоф Кромвель, тебя проклинаю! Святой Дух тебя проклинает! Твоя собственная мать тебя проклинает! <...> Чтоб тебе сгнить с пяток до макушки, медленно-медленно, за семь лет. Чтоб тебя Бог раздавил. Чтоб тебе в ад провалиться».

Кристофа оттаскивают» [7, с. 905].

И остается только потрясающая финальная сцена – сцена казни во всей полноте ее телесных и душевных переживаний, написанная с точки зрения казнимого. Это описание того, как вытекает жизнь из обезглавленного тела, как затухает сознание и человек растворяется в первоэлементах – в воде, в пространстве, в свете. В общей композиции трилогии эта сцена закольцована с самой первой сценой, когда отец смертным боем бьет пятнадцатилетнего Тома и орет ему «Вставай!». После взмаха палаческого топора в ушах его опять звучит этот отцовский крик, и его последнее усилие – встать на ноги. Незримо на эшафоте рядом с Кромвелем оба его отца – пьяница из Патни Уолтер Кромвель и его духовный отец кардинал Вулси, т. е. герой возвращается к первооснове властных отношений, к связке отец – сын. Король, который в это утро женится в пятый раз, в последних мыслях Кромвеля подчеркнута отсутствует.

Таким образом, «Зеркало и свет» содержит в себе несколько моделей власти, которые то жи-

ваются между собой, то вступают в открытый конфликт. Качественная разница этих моделей есть источник энергии развития сюжета. Мантел показывает аморальность власти монархической, развращающей как ее носителя, так и его подданных. Наиболее пронизательные из них понимают, что все они являются для монарха только орудиями осуществления его желаний. На примере главного героя роман изображает разлагающее влияние власти в монархической системе для любого, кто в ней участвует. Кромвель, оставаясь человеком своей эпохи, смотрит в будущее. Он закладывает для своей страны основы власти другого типа, основанной на свободе совести, на равенстве всех перед законом, на перераспределении единоличной власти между разными институтами. Его умение использовать даже врагов – тех, кого монархическая власть традиционно уничтожает, – умение делегировать свою власть, его беспрецедентная попытка создания первой государственной бюрократии предвосхищают создание современной системы сдержек и противовесов разных ветвей власти. Стоящий же в центре повествования психологический поединок между королем и его министром представляется одним из самых сильных аспектов романа «Зеркало и свет».

Список литературы

1. Pearson A. The Mirror and the Light, by Hilary Mantel, review: A little baggy, but still brilliant // The Telegraph, January 14, 2021. URL: <https://www.telegraph.co.uk/books/what-to-read/mirror-light-hilary-mantel-review-little-baggy-still-brilliant/> (дата обращения: 30.01.2022).
2. Elton G. R. The Tudor Revolution in Government: Administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge : Cambridge University Press, 1953. 466 p.
3. Starkey D. Court and Government // Coleman C., Starkey D., eds. Revolution Reassessed: Revisions in the history of Tudor government and administration. Oxford : Oxford University Press, 1985. P. 29–58.
4. MacCulloch D. Thomas Cromwell: A Life. Penguin Books, 2019. 728 p.
5. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
6. Священное тело короля : Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М. : Наука, 2006. 484 с.
7. Мантел Х. Зеркало и свет / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. 928 с.
8. Мантел Х. Внесите тела. М. : АСТ, 2014. 478 с.
9. Mantel H. Bring Up the Bodies. N.Y. : Henry Holt and Co, 2012. 410 p.

Поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 351–355

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 351–355

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-351-355>

Рецензия

УДК 821.161.1.09(049.32)+929Салтыков-Щедрин

«Черный хлеб науки...»

Рецензия на: М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники : энциклопедический словарь / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН ; сост. и ред. Е. Н. Строганова. СПб. : Росток, 2021. 516 с., ил.

Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

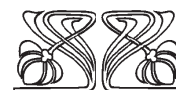
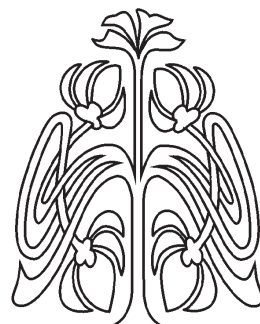
Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. В рецензии на энциклопедический словарь «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники» обращено внимание на актуальность издания, его принципиальную новизну и практическую значимость. Словарь, посвященный современникам Салтыкова-Щедрина, – филологическое событие первого ряда. Всякое изучение творчества писателя в социально-историческом, политическом и, конечно, литературном контекстах позволяет взглянуть на биографию изучаемого автора, на его творческие замыслы и особенности их воплощения системно. Особенно это актуально для Салтыкова, чья жизнь и чьи произведения проникнуты пафосом острой злободневности. Каждая энциклопедическая статья, представленная в словаре, является одновременно и сообщением о новом персонаже, и суммой биографических и литературных подробностей, проливающих свет на те или иные этапы творчества Салтыкова, на пути и способы формирования его общественной позиции, его литературных взглядов и в целом его творческого сознания. Историко-литературные, культурные, исторические, социальные, политические контексты биографии и творчества Салтыкова-Щедрина расширяются за счет имен, так или иначе упомянутых в сатирических признаниях писателя или в его эпистолярном наследии. Проекция на писателя-сатирика позволяет сформировать новое видение тех, кто был, казалось, лишь фоном, на котором происходили заметные события. Подчеркнуто, что книга адресована и специалисту-литературоведу, и широкому читателю. Авторы статей вводят в научный оборот новые сведения, касающиеся биографии Салтыкова, его литературных связей, его восприятия общественной жизни, культуры и искусства России и зарубежья. В ряде статей появляются историко-литературные и текстологические уточнения. Словарные статьи основаны на редко публиковавшихся, а также архивных материалах. Впервые дан свод «Летопись жизни и творчества М. Е. Салтыкова». Существенная часть словарной работы выполнена учеными Саратовского национального исследовательского государственного университета И. В. Кабановой и И. А. Книгиным.

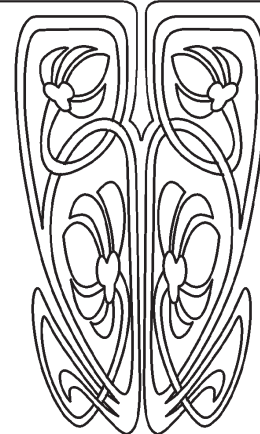
Ключевые слова. Салтыков-Щедрин, энциклопедический словарь, летопись жизни и творчества, литературные современники, общественно-литературные взгляды писателя

Для цитирования: Елина Е. Г. «Черный хлеб науки...» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 351–355. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-351-355>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ

Review's report

«The rye of science...»

Review of: M. E. Saltykov-Shchedrin and his contemporaries: Encyclopedic dictionary. Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin's House); compiler and editor by E. N. Stroganova. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021. 516 p., ill. (in Russian).

E. G. Elina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Abstract. The review of the encyclopedic dictionary *M. E. Saltykov-Shchedrin and his contemporaries* focuses on the relevance, the essential uniqueness and practical applicability of the publication. The dictionary, dedicated to the contemporaries of Saltykov-Shchedrin, is a philological event of great consequence. Any research of the writer's oeuvre in the social, historical, political, and, by all means, literary contexts makes it possible to consider the author's biography, his creative intentions and the particulars of their actualization in a consistent manner. This is particularly relevant for Saltykov, whose life and works are permeated with the pathos of acute actuality. Each encyclopedia entry in the dictionary serves both as a piece of information about a new character and the integration of the biographical and literary particulars shedding light on various stages of Saltykov's creative work, on the ways and means facilitating the formation of his political stance, his literary views and his creative mind in general. Historical, literary, cultural, social, political contexts of Saltykov-Shchedrin's biography and oeuvre are expanded by means of the names, one way of another mentioned in the satirical confessions of the writer or in his epistolary legacy. The projection on the writer-satirist helps to shape a new image of those who seemed to be just the backdrop, against which significant events took place. It is emphasized that the book is addressed to both a professional literary scientist, and to an average reader. The authors of the articles introduce new information concerning Saltykov's biography, his literary ties, his view of the public life, culture and art of Russia and foreign countries into scientific circulation. A number of articles start featuring historic, literary and textual elaborations. Dictionary entries are based on under-published and archived materials. For the first time the corpus *The chronicles of the life and oeuvre of M. E. Saltykov* is given. A significant part of the dictionary work has been done by the scientists of Saratov National Research State University I. V. Kabanova and I. A. Knigin.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, encyclopedic dictionary, chronicles of life and oeuvre, literary contemporaries, writer's public and literary views

For citation: Elina E. G. «The rye of science...». *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 351–355 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-351-355>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Выход энциклопедического словаря, подготовленного профессионально, – всегда событие в науке. Словарь, посвященный современникам одного из самых интересных, сложных и не до конца прочитанных русских писателей, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, – филологическое событие первого ряда. Всякое изучение творчества писателя в социально-историческом, политическом и, конечно, литературном контекстах позволяет системно взглянуть на его биографию, на его творческие замыслы и особенности их воплощения. Особенно это актуально для Салтыкова, чья жизнь и чьи произведения настолько проникнуты пафосом острой злободневности, настолько вписаны в свою эпоху, что любая цепочка взаимосвязей с современностью представляет непреходящую ценность. Каждая энциклопедическая статья, опубликованная в Словаре, является одновременно и сообщением о новом персонаже, и суммой биографических и литературных подробностей, проливающих свет на те или иные этапы творчества Салтыкова, на пути и способы формирования его общественной позиции, его литературных взглядов и в целом – его творческого сознания.

М. Е. Салтыков-Щедрин был неожиданным и непредсказуемым в выборе тем и сюжетов своих сатир, в построении коллизий собственной

биографии. Амплитуда его профессиональных занятий и мест службы поразительно широка. Мелкий чиновник, чиновник особых поручений при министре, вице-губернатор, управляющий казенной палатой – и журналист, а затем и редактор журнала. Если произведения Салтыкова-Щедрина столь густо населены, можно представить себе, каким огромным был круг общения писателя в разные годы его жизни. Вот почему одна из персональных щедринских энциклопедий должна была обратиться к современникам писателя.

В коротком, но очень емком предисловии к изданию его составитель и редактор профессор Е. Н. Стrogанова обозначает причины, побудившие ее и ее соавторов обратиться именно к этому типу персональной энциклопедии. Здесь и радикальное по сравнению с советским временем снижение исследовательского интереса к творчеству писателя, и почти полное отсутствие изданий мемуарного характера. К тем объяснениям, которые представлены в предисловии, добавим и то, что Салтыкова в первые послереволюционные годы в советской России причислили к «своим» авторам, к тем, с кем пролетариату по пути, кто выступал в своих сочинениях в защиту мужика, а значит, являлся носителем революционной идеологии. Именно в советское время были написаны и изданы значимые труды, посвященные Салтыкову и фактически создавшие отдельную

литературоведческую отрасль: Полное собрание сочинений 1930-х гг. [1], Собрание сочинений 1960–1970-х гг. [2], монографии С. А. Макашина [3–6], А. С. Бушмина [7–9], Е. И. Покусаева [10–12], А. А. Жук [13], В. В. Прозорова [14, 15], работы их учеников и последователей.

Несмотря на очевидные успехи и достижения советского щедриноведения, во многом восприятие Салтыкова массовым читателем и средней школой оказалось «сдвинутым» в сторону революционно-демократической парадигмы. Это послужило основной причиной того, что постсоветская эпоха ответила замалчиванием писателя, ориентацией современного читателя на другие имена русских классиков.

Между тем высказывания Салтыкова-Щедрина, его афоризмы и крылатые изречения удивительным образом рифмуются с нашим сегодня. Если обратиться к вездесущему интернету, щедринские афоризмы, собранные здесь неизвестными авторами (нередко приписываемыми Салтыкову чужое слово или дающими цитату с искажениями, как и принято в интернете), оказываются вне конкуренции по сравнению с высказываниями других классиков и по объему материала, и по прицельности и неоспоримой точности попадания в проблемы наших дней (наиболее авторитетным собранием щедринских афоризмов можно считать [16]).

Свою задачу авторы и составитель вышедшего щедринского Словаря видят в следующем: «По замыслу авторов проекта, Салтыков должен быть представлен как литератор, как мыслитель, как общественный деятель, как государственный чиновник, наконец, как частный человек, что позволит показать многообразие и широту его связей с эпохой, откорректировать утвердившиеся трактовки идейных позиций, расширить и уточнить комментарий к произведениям и дать наиболее полное представление о нем как о человеке своей эпохи, деятельность которого стала неотъемлемой частью русской культуры» (с. 7).

Рецензент полагает, что эта задача в Словаре решена тщательно и в полной мере. Конечно, перечень имен, взятый для словника и ставший основой Словаря, не исчерпывает и не может исчерпать список всех литературных, родственных и деловых контактов Салтыкова-Щедрина. Наверняка найдутся читатели, которые спросят: почему в Словаре нет статей, посвященных редактору-издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому, редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, писателю В. М. Гаршину или даже Н. А. Некрасову и И. С. Тургеневу? Наверное, стоило уже в предисловии написать о границах Словаря, о принципах отбора имен для него и о приоритетах составителя.

Однако частично на эти вопросы мы бы могли рискнуть дать ответ. Во-первых, как нам кажется, авторы и составитель сосредоточились на тех именах, которым другие словари и справочники уделяют значительно меньше внимания, чем тем, кого мы назвали. Во-вторых, была учтена информация, помещенная в указателях имен Собрания сочинений Салтыкова-Щедрина [2]. В результате в новый Словарь вошли имена, которым в указателях отведено ничтожно мало места.

Если обратиться к пристатейной библиографии Словаря, мы увидим, какая большая работа была проведена авторами с архивными источниками, которые находятся в Государственных архивах Рязанской и Тверской областей, в ИРЛИ, РГАЛИ, РГБ, РГИА, в музейных собраниях. Этот факт позволяет заключить, что собранные в Словаре статьи сегодня являются наиболее исчерпывающими презентациями лиц, которым эти статьи посвящены. Кроме того, обращение к архивам, в которых каждый факт следует отыскать, добыть, дать ему адекватную интерпретацию, — это неотъемлемое свидетельство скрупулезности и надежности проделанной работы.

Очевидно, что сведения о героях статей даны через призму Салтыкова-Щедрина. Либо эти люди становились персонажами его произведений, художественных или публицистических, либо адресатами его писем, либо входили в круг его разнообразных контактов, либо писатель так или иначе о них отзывался. Любопытно заметить, что объем написанных и собранных в Словаре статей не зависит от значимости персоны или ее значения в жизни писателя. Чаще всего увеличенный объем публикации связан с объемом новонайденных или редко публиковавшихся материалов. Таким образом, компендиум как формальный ориентир всякого энциклопедического издания в рецензируемом Словаре перерастает свой формат, в результате чего появляются вполне завершённые научные публикации. Таковы, например, статьи о А. А. Бестужева, В. П. Гаевском, И. А. Гончарове, Е. А. Салтыковой, Т. И. Филиппове.

Для персонального энциклопедического словаря всегда важен вопрос его адресации. Следует заметить, что рецензируемая книга как минимум двуадресна.

С одной стороны, она интересна специалистам-филологам в силу значимости и новизны своего научного аппарата, указаний на важные историко-литературные детали, на сведения культурологического характера, проясняющие биографический и творческий фон, существенный для жизни и художественного мышления писателя-сатирика. Иными словами, многие

статьи в рецензируемом издании содержат новую информацию, давая неизбежное в таких случаях приращение смысла. Так, в Словаре появляются рассуждения об иллюстрациях П. И. Анненского и М. С. Башилова к «Губернским очеркам» (статья М. В. Строганова), показываются непростые человеческие отношения Салтыкова и его лицейского товарища, литературного критика В. П. Гаевского (статья Е. Н. Строгановой), рассматриваются новые повороты в отношении Салтыкова к Гете (статья А. И. Федуты), появляются и текстологические уточнения (статья М. В. Строганова о Ф. Н. Глинке).

Внимательный читатель словарных статей заметит, что во многих из них зафиксировано не только то, что можно почерпнуть из других книг и справочников, здесь отражены результаты исследований самих авторов. Неслучайно в библиографических списках даются ссылки на собственные труды авторов статей, и это не выражение авторского тщеславия, а справедливое желание включить свои научные открытия в общий, но, как правило, очень небольшой контекст работ о той или иной персоналии.

Малоизвестные или вовсе не известные подробности взаимоотношений Салтыкова-Щедрина и писателей его времени представлены в статьях А. Г. Гродецкой об И. А. Гончарове, В. В. Тихомирова о Н. Н. Стрехове и В. Н. Майкове, М. В. Строганова и А. В. Вострикова о Н. К. Михайловском, Е. Н. Строгановой о Н. Д. Хвощинской.

С другой стороны, словарные статьи написаны настолько живо и так выразительно представляют множество людей щедринской эпохи, что Словарь, безусловно, станет интересным и полезным чтением и для учителя-словесника, и для широкого читателя, решившего погрузиться в историю, охватывающую более полувека и представленную в разнообразных лицах. Этот калейдоскоп людей-героев научных очерков, помещенных в Словаре, по мере чтения становится интереснейшим источником представлений и о круге общения писателя, и о том, какие сюжеты окружающей действительности привлекали его, и об его отношении к тем или иным персонам.

Прочно вписанный в контекст эпохи, Салтыков-Щедрин предстает усилиями авторов Словаря человеком, чьи интересы оказывались связаны и с общественными настроениями, и с театром, и с журналистикой. Несколько меняется традиционное представление о Салтыкове как об угрюмом, желчном и вечно раздраженном собеседнике. В Словаре он показан как человек с вполне светскими интересами, погруженный в действительность, отчетливо различающий в ней людей, обращающий внимание на красивых женщин, любящий хорошую музыку и прекрасно знающий театр.

Статьи, помещенные в Словаре, рассказывают о людях, которые украсили свою эпоху вокальным талантом, выразительными полотнами, незабываемой публичной речью или бизнес-проектами, нашедшими благосклонный отклик современников. В те или иные моменты жизни они еще и произвели впечатление на Салтыкова, который посчитал необходимым запечатлеть их в художественном произведении или частном письме.

Так, из Словаря читатель узнает о балерине Е. О. Вазем (статья Н. А. Николаевой), об оперной певице П. Н. Веревкиной (статья О. А. Культепиной), об организаторе первых русских сыроварен Н. В. Верещагине (статья Г. В. Маркеловой и И. Н. Поведской), о художнике Н. Н. Ге (статья И. Ю. Матвеевой), о знаменитом юристе А. Ф. Кони (статья Е. Н. Строгановой и И. Ю. Матвеевой). Отметим виртуозно написанные «театральные» и «музыкальные» статьи М. В. Строганова: об Д. А. Агреневе-Славянском, об Альфонсине, о Бланш Гандон, об О. Девериа, А. Жюдик, Кадуджа и Лотар, об И. И. Монахове, Ж. Оффенбахе, Н. И. Пашкове, Л. Филиппо, Г. Шнейдер и других деятелях театра, музыки, живописи, творчество которых в разные годы и очень по-разному привлекало внимание Салтыкова-Щедрина.

Как видим, словарные статьи посвящены не только литературе и литераторам. Здесь просматриваются семейные, дружеские, домашние связи писателя с кругом известных и не очень известных лиц. Пополняются и вводятся в научный оборот новые сведения о семействе Ераковых (статья Е. Н. Строгановой), Зиловых (статья И. Н. Поведской), Салтыковых (Е. Н. Строганова, М. В. Строганов), Танеевых и Унковских (М. В. Строганов).

Историко-литературные, культурные, исторические, социальные, политические контексты биографии и творчества Салтыкова-Щедрина расширяются за счет имен, так или иначе упомянутых в сатирических признаниях писателя или в его эпистолярном наследии. Проекция на писателя-сатирика позволяет сформировать новое видение тех, кто был, казалось, лишь фоном, на котором происходили заметные события. Те, кто обращались к эпохе 1840–1880-х гг., либо не знали этих деятелей, либо видели в них лишь некоторые «признаки времени». Однако, как следует из Словаря, каждый из этих людей жил на свете не только для того, чтобы оттенять талант главного героя этой книги, но и сам справедливо заслужил отдельной словарной статьи в силу своих неординарных качеств или нестандартных биографических поворотов. Вот почему с таким интересом читаются выполненные на основе архивных изысканий статьи Л. А. Тимофеевой о книгопродавцах и издателях щедринской эпохи

(И. В. и Ф. В. Базуновы, М. О. и А.-Э. М. Вольфы, С. В. Звонарев, И. Г. Соловьев, А. Ф. Смирдин).

Широкому кругу читателей будет любопытно узнать об основателе торгового дома Г. П. Елисееве, рестораторе и трактирщике К. П. Палкине, кондитере Д. Я. Риц-а-Порта, о библиографе и филологе с физико-математическим образованием П. А. Ефремове, «просвещенном русском книжнике» Э. К. Гартье, о хлеботорговце С. Т. Овсянникове (автор статей Д. К. Равинский).

Стоит специально отметить, что существенная часть словарной работы подготовлена учеными Саратовского университета И. В. Кабановой и И. А. Книгиным. И. В. Кабанова написала для Словаря большинство статей о зарубежных писателях и их связях с Салтыковым. И. А. Книгин размышляет о Н. А. Вормсе, Я. П. Буткове, А. А. Гатцуке, Д. А. Коропчевском, А. И. Лебедеве, М. О. Микешине, Л. Е. Оболенском, Ф. Ф. Павленкове, Д. П. Сильчевском и других деятелях щедринской эпохи – литераторах, издателях, деятелях искусства. И. А. Книгин сосредоточился на именах, которые принято называть авторами второго ряда, но которые, вопреки общепринятым представлениям о широкой известности, сыграли важную роль в истории литературы, в искусстве, повлияли на творческую мысль большого писателя. Есть в Словаре и отсылки к работам известных саратовских щедринистов.

Инициатором этой замечательной книги, ее редактором-составителем, автором ряда статей стала Е. Н. Строганова, которая вместе с С. Ф. Дмитренко еще и составила «Летопись жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина», сделав достаточно полно ту работу, которая ранее отмечена была освоением лишь отдельных периодов биографии Салтыкова [17]. Эта часть Словаря снабжена иллюстрациями.

Каждый элемент книги «работает» на общее дело. Так, на форзаце размещено древо Салтыковых «Потомство Евграфа Васильевича Салтыкова. Дети и внуки». Нахзац отдан другому древу – это потомство Михаила Евграфовича Салтыкова. Здесь ветви доходят до праправнуков писателя и включают потомков, родившихся в 1960–1980-е гг.

Словарь «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники» превосходно издан, удобно структурирован. В нем есть все необходимые для работы вспомогательные разделы: список сокращений названий и условных сокращений, необходимый иллюстративный материал.

Когда-то один из лучших российских исследователей-щедринистов Евграф Иванович Покусаев на занятии спецсеминара, посвященного

истории русской сатиры, рассказывал студентам о роли ученых, создающих библиографические указатели, справочники, энциклопедические издания, без которых не может развиваться наука о литературе. Он говорил о научном подвижничестве и определил такой тип работы как «черный хлеб науки». Совершенно понятно, что это значит. Без черного хлеба науки невозможно ни одно настоящее научное открытие. Словарь, о котором идет речь, – свидетельство того, что в современной литературной науке подвижники не перевелись.

Список литературы

1. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. : в 20 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1933–1941.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. : в 20 т. М. ; Л. : Художественная литература, 1965–1977.
3. Макашин С. А. М. Е. Салтыков-Щедрин. Биография. Т. 1. 2-е изд. доп. М. : Гослитиздат, 1951. 588 с.
4. Макашин С. А. М. Е. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х гг. : Биография. М. : Художественная литература, 1972. 600 с.
5. Макашин С. А. М. Е. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е гг. : Биография. М. : Художественная литература, 1984. 576 с.
6. Макашин С. А. М. Е. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. : Биография. М. : Художественная литература, 1989. 526 с.
7. Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 644 с.
8. Бушмин А. С. М. Е. Салтыков-Щедрин. Л. : Просвещение (Ленинградское отд-ние), 1970. 240 с.
9. Бушмин А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М. : Современник, 1976. 254 с.
10. Покусаев Е. И. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов : Кн. изд-во, 1958. 272 с.
11. Покусаев Е. И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М. : Гослитиздат, 1963. 470 с.
12. Покусаев Е. И. «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина. М. : Художественная литература, 1975. 120 с.
13. Жук А. А. Сатирический роман Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1958. 134 с.
14. Прозоров В. В. О художественном мышлении писателя-сатирика (Наблюдения над творческим процессом М. Е. Салтыкова-Щедрина) / под ред. Е. И. Покусаева. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. 88 с.
15. Прозоров В. В. Салтыков-Щедрин. Книга для учителя. М. : Просвещение, 1988. 176 с.
16. Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин). Иронические и саркастические мысли на разные случаи жизни / сост. В. В. Прозоров. М. : Флинта, 2019. 160 с.
17. Самосюк Г. Ф. Летопись жизни и деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина : 1879–1881 : учеб. пособие. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 78 с.

Поступила в редакцию 26.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 26.03.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 356–360

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 356–360

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-356-360>

Рецензия

УДК [[821.161.1.09-31+008]:004](049.32)

Современная популярная культура и литература в цифровую эпоху: феномен многовариантности, сериализации, трансмедийности

Рецензия на: *Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий: монография* / Г. Л. Тульчинский [и др.]; отв. ред. Т. Е. Автухович; под науч. ред. М. П. Абашевой, И. Л. Савкиной, М. А. Черняк. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2020. 368 с.

И. В. Некрасова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Некрасова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Nekrasova-iv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6706-5912>

Аннотация. Статья является рецензией на монографию, представленную авторским коллективом в рамках международного трансдисциплинарного проекта «Культ-товары: феномен массовой литературы/культуры в современной России». Изданная в Гродненском государственном университете им. Янки Купала, книга собрала многих ученых разных стран, чьи научные интересы связаны с феноменом современной массовой литературы и культуры в целом. Авторы статей – философы, историки, психологи, но в подавляющем большинстве – филологи. Среди исследуемых проблем – социальные и эстетические аспекты явления сериальности; трансмедийность как заметная стратегия; жанровые эксперименты в современной культуре и литературе и их разноаспектность; влияние цифровизации на культуру XXI в. и под. Предметом и объектом анализа стали разноплановые явления массовой культуры в современном обществе, что делает рецензируемое издание полезным для представителей всех гуманитарных наук.

Ключевые слова: культ-товары, феномен сериальности, трансмедийность, жанровые эксперименты, роман-ситком и роман-буриме, фанфикшн, архетип, цифровая эпоха

Для цитирования: Некрасова И. В. Современная популярная культура и литература в цифровую эпоху: феномен многовариантности, сериализации, трансмедийности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 356–360. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-356-360>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Modern popular culture and literature in the digital age: The phenomenon of multivariance, serialization, transmedia

Review of: *Cult-goods. Mass culture in modern Russia: Construction of worlds, multiplication of series: monograph* / G. L. Tulchinsky [et al.]; edited by T. E. Autukhovich; under scientific edited by M. P. Abasheva, I. L. Savkina, M. A. Chernyak. Grodno, GrSU named after Yanka Kupala Publ., 2020. 368 p. (in Russian).

I. V. Nekrasova

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Irina V. Nekrasova, Nekrasova-iv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6706-5912>

Abstract. The article is a review of the collective monograph presented by the team of authors within the framework of the international transdisciplinary project *Cult-goods: the phenomenon of mass literature/culture in modern Russia*. Published at Yanka Kupala State University of Grodno, the book has gathered many scientists from different countries whose scientific interests are related to the phenomenon of modern mass literature and culture in general. The authors of the articles are philosophers, historians, psychologists, but the vast majority are philologists. Among the studied problems are the social and aesthetic aspects of the phenomenon of seriality; transmedia as a noticeable strategy; genre experiments in modern culture and literature and their diversity; the impact of digitalization on the culture of the 21st century and the like. It is noted that the subject and object of the analysis are diverse phenomena of mass culture in modern society, which makes the peer-reviewed publication useful for representatives of all humanities.

Keywords: cult-goods, the phenomenon of seriality, transmedia, genre experiments, sitcom novel and bouts-rime novel, fanfiction, archetype, digital era

For citation: Nekrasova I. V. Modern popular culture and literature in the digital age: The phenomenon of multivariance, serialization, transmedia. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 356–360 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-356-360>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вниманию профессионального сообщества представлена шестая книга, созданная авторским коллективом в рамках международного трансдисциплинарного проекта «Культ-товары: феномен массовой литературы/культуры в современной России». (В рамках проекта было проведено шесть научных конференций, в частности, в Екатеринбурге в 2012 г. «Культ-товары XXI в.: ревизия ценностей (маскультура и ее потребители)»; в Темпере (Финляндия) в 2013 г. «Культ-товары. Топография популярной культуры»; в Болонье (Италия) в 2019 г. «Культ-товары: Коммерциализация истории в массовой культуре» и др.).

Возраст проекта солидный – он стартовал в 2008 г. За это время было выпущено пять сборников статей или коллективных монографий (см., например: [1–3]). Естественно, за это время значительно изменилась его направленность. Произошло расширение диапазона исследований – от проблем современной российской массовой литературы до масштабов многообразных проявлений массовой культуры России в целом. Такой подход предопределил обновление тематики и объектов исследования в системах координат «миро-творчество», конструирование «вселенных», анализ «бесконечных сериальных историй» (с. 6).

Монография, адресованная гуманитариям всех направлений, включает как теоретические, так и собственно аналитические статьи, затрагивающие разнородные культурологические аспекты и проблемы.

Важное свойство этой книги – распределение авторского внимания на многочисленные явления масскульты в современном обществе. Это и телесериальные опыты, и обращение к новейшим музыкальным направлениям, и характеристика сетевых и цифровых стратегий.

Монография состоит из пяти разделов, равноправных по уровню содержания и объектам рассмотрения. В списке авторов преобладают доктора и кандидаты филологических наук (преимущественно российские и белорусские), а также коллеги из Италии, Финляндии, Украины и Литвы. Мощный авторский коллектив предопределил сугубо профессиональный взгляд, а также широту охвата исследуемых явлений и интерпретационную глубину.

Первый раздел монографии привлекает уже своим фундаментальным названием: «Феномен сериальности: эстетические и социокультурные аспекты». Решение обозначенных проблем реализуется через рассмотрение антропологических последствий современных коммуникативных технологий и выявление потребности

в устойчивой смысловой картине мира. При этом раскрывается связь с маркетинговой политикой, что считаю не только современным, но и своевременным нюансом культурологического исследования (статья Г. Л. Тульчинского «Сеттинг, сериальность и запрос на стабильную смысловую картину мира»).

В статье О. В. Цветковой «Онтологические аспекты сериальности» структурно выделены три основных направления в структуре современного сериала: мифо-архетипический аспект, информационно-символический аспект, стереотипизирующий аспект. Осмысляется новейшая тенденция «гибридизации не столько медиа <...>, сколько самого медиапользователя. Это детерминируется внушительным репертуаром онтологических ролей, характерных для медиапотребителя» (с. 18). Данное наблюдение показалось мне очень продуктивным.

Феномен бесконечных повторов, рожденных в атмосфере мощной интертекстуальности и клонирования, подвергается глубокому осмыслению в статьях И. Л. Савкиной («Атака клонов»: о феномене адаптаций и репликаций») и О. Н. Турышевой («Убийство» по...: инокультурная адаптация телесериала).

Особо отмечаю в этом разделе статью М. В. Загидуллиной «Слабый сеттинг: перспективы “антологии” в русской сериальной культуре». Это исследование привлекает внимание не только интересными координатами рассмотрения проблемы «слабого сеттинга». Автором обозначены и изящно проанализированы культурные корни этого явления в классических текстах Н. Гоголя и А. Пушкина, а также в кинематографических версиях «Вечеров на хуторе...» и «Маленьких трагедий».

Второй раздел монографии «От картины мира – к игровой вселенной» включает статьи, посвященные частным проблемам современной культуры.

Например, о преодолении игрового канона и преобразовании трилогии компьютерных игр в книжную серию написали интереснейшую статью В. В. Абашев и М. П. Абашева. Она называется «Новеллизация игровой вселенной как серийное производство: межавторский литературный цикл S.T.A.L.K.E.R. – STALKER – СТАЛКЕР». О разных типах визуализации географического мира книжных фэнтези, способных отвечать ожиданиям массовой аудитории – статья Я. В. Солдаткиной «Геопоэтика Вестероса: книжные, телевизионные и сетевые способы визуализации фэнтези-вселенной “Песни льда и огня” Дж. Р. Р. Мартина».

Неожиданным для меня и чрезвычайно любопытным стал ракурс рассмотрения во многом спорной книги А. Иванова «Тобол», совместившей по меньшей мере три жанра: собственно исторический роман, политический детектив и мистику. В статье А. А. Булгаковой «История через историю: “Тобол” как трансмедийный проект» автор исследует расширительное толкование литературного явления за счет использования разных медиальных платформ, применения проектных форм в поддержку литературной практике («трансмедийный сторителлинг» – емкое словосочетание!).

Хочу остановиться и на статье А. А. Фокина «Оттепель как вселенная: диалог власти и общества в пространстве современной российской культурной памяти», поскольку ее проблематика особенно интересна мне как исследователю современного русского литературного процесса [4]. Восприятие важного для культуры нашей страны периода «оттепели» художниками современности привлекает представителей разных видов искусства. Литературная оттепель – явление очень серьезное и неоднозначное. В названной статье автор – историк, тем интереснее воспринимать его оригинальную версию рассмотрения популярных телесериалов («Оттепель», «Фарца», «Таинственная страсть», «Оптимисты») как вариант диалогического общения власти и общества. Статья дает возможность подискутировать, в том числе и о различном качестве первоисточников (например, роман В. Аксенова «Таинственная страсть», ставший сценарной основой одноименного фильма, – серьезное литературное явление!), и о вариациях их сериального воплощения.

Самым «литературоведческим» оказался в рецензируемой монографии третий раздел «Пересекая границы: жанровые эксперименты».

М. А. Черняк в статье «Литературный сериал и роман-буриме в контексте жанровых экспериментов новейшей литературы» определяет формат сериала как самый удобный для современного человека и приводит профессиональные мнения по этому вопросу других исследователей. Автор обращается к политике известной компании ЛитРес, которая в коронавирусный период сосредоточила свое внимание на продвижении именно литературных сериалов. Сериальность игрового по своему происхождению романа-буриме рассматривается М. А. Черняк в исторической перспективе вплоть до проявления этой жанровой разновидности в интернет-пространстве. Речь идет о заметном проекте «#12 Война и мир в отдельно взятой школе».

«Сверхтекст как часть сериального нарратива современной культуры» – так названа статья О. А. Гриневиц. Эту проблему автор рассматривает на примере усадебного текста русской литературы от Тургенева до современных художественных и автобиографических произведений в плане применения в том числе сериальных и нарративных практик.

О реализации жанровой модели ситкома в современной литературе размышляет А. В. Зезюлевич в статье «На пересечении сериала и литературы: “Рекламист” Саши Сотника как роман-ситком», анализируя эту стратегию на разных литературоведческих уровнях. Продуктивным и интересным мне кажется восприятие ситкома как «потомка» жанровой разновидности комедии положений.

Филолог Л. М. Немченко обсуждает проблему, ставшую заглавием его глубокой и собственно киноведческой статьи «Почему режиссеры артхауса пришли в сериалы». Ответ звучит так: режиссеры некоммерческого кинематографа в сериальном производстве «получают не только новую аудиторию, <...> но вместе с этим возможность транслировать постановку сложных проблем и нетривиальных оценок жизни современного человека» (с. 168).

Из статьи Е. М. Лепишевой «“Covid-драма”: пьесы-однодневки или диалоги о вечном?» я с интересом узнала о возникновении в новейшей русской, белорусской и украинской драматургии жанра «сovid-драмы» и о существовании проекта «Корона-драма».

Стремительный отклик на еще дрящее явление мирового масштаба – это действительно интересный культурологический феномен. Он проявляется не только в драматургии. Например, Институт славянской филологии Вроцлавского университета уже много лет проводит Международные конференции славистов в рамках цикла «Великие темы культуры в славянских литературах». В 2021 г. заявлена тема «ЗАРАЗА». В рамках ее рассмотрения предлагается обсудить поэтику представления заразы, антропологический аспект эпидемии, социальные и философские аспекты заразы. Эта тенденция вполне объяснима, так как пандемия COVID-19 изменила мир не только в экономическом и социальном аспектах, но также в культурном. Наша генетическая память, безусловно, хранит аналогичные переживания прошлых поколений и ценит их художественное воплощение.

Теоретик литературы Е. В. Абрамовских в интересной статье «Конструирование “возможных миров” в анимационном фильме

Ж.-Ф. Лагтони «Картина», во-первых, исследует заимствование кинематографом литературных приемов – в данном случае нарратологических; во-вторых, рассматривает фильм как метаповествование; наконец, анализирует концепцию pop-finito. В структуре анимационного фильма «Картина» автор статьи выделяет «несколько повествовательных уровней, каждый из которых строится по своим законам» (с. 173).

Современная тенденция проникновения стратегий одного вида искусств в другой сегодня достаточно распространена. Применение повествовательных приемов в невербальных видах искусства, а также различных форм экфрасиса в собственно литературных текстах – то, что свойственно нынешней культуре в целом. Таким образом, заявленные в третьем разделе монографии жанровые эксперименты существенно раздвигают намеченные границы.

Осмысление следующего структурного элемента сборника «Культ-товары...» позволяет остановиться на необычных системах исследовательских координат. В разделе «Сериалы, миры и “культуры соучастия”» представлены статьи, обсуждающие, кажется, частные темы, но подводящие к серьезным выводам.

Статья итальянского исследователя Д. Колombo привлекает внимание уже на уровне названия: «Анна Ахматова и Шерлок Холмс: лирический герой и герой народный». Замечу, что именно данное исследование стало первым текстом, прочитанным мной в рецензируемой монографии. Это произошло, в первую очередь, благодаря эпатажному для филологического сознания уравниванию в заголовке гениального поэта и знакового литературного персонажа. Статья настолько глубока и профессиональна, что я тут же выписала через интернет-магазин два графических романа Аскольда Акишина и Денниса Двински «Ахматова: 6 историй» и «Меня зовут Гумилев» [5, 6]. Важно – и на это указывает Д. Колombo, – что в этих комиксах использованы не прозаические, а стихотворные произведения, в частности поэзия Ахматовой, «воспринимаемая как некий слаженный нарратив» (с. 209).

С. С. Фалалеева обратила внимание на проблему «вечного образа» Золушки в контексте массовой литературы («Трансформация архетипа Золушки в современном русском дамском романе»). А. В. Нижник и М. И. Хазанова рассмотрели «фанфикшен как комплексное

медиа явление» (таково название статьи) на примере фанатской субкультуры. С этой работой коррелирует статья Ю. В. Булдаковой «Аналитический и интерпретивный текст в дискурсе фандома» – серьезное исследование современного «несерьезного», но массового явления молодежной массовой культуры.

Отдельно скажу о статье Т. Е. Автухович «Серия романов Дмитрия Глуховского “Метро”: почему завершился успешный проект?». Вновь в заглавии поставлен конкретный, будоражащий исследователей новейшей литературы вопрос. Композиционно статья разделена на три части. В каждой – глубокий анализ уникального явления Д. Глуховского собственно в литературе, на просторах Интернета, в читательском восприятии...

Т. Е. Автухович высказала мысль, сходную и с моим восприятием феномена этого писателя: Глуховский в других своих романах продолжает создавать «Вселенную Метро», будоражит и читающее, и интернет-зависимое сообщество, прокладывает новые пути коммуникации и осмысления. Вслед за автором статьи и я воскликну, адресуясь к этому интереснейшему писателю: «Что он со мной сделал? Как ему это удалось?» (с. 229).

Наконец, заключительная часть монографии – «Медиа: расширяющаяся Вселенная». Это очень емкий, сугубо культурологический раздел, авторы которого – в подавляющем большинстве филологи. Этот факт в очередной раз заставляет принять как аксиому возникающее сегодня мнение / впечатление / суждение о том, что нынешнее литературоведение никак не может обойти стороной ни культурологию вкупе с эстетикой, ни социологию.

Объектом изучения в статьях В. А. Константинова, Э. Г. Шестаковой, М. С. Костюхина, М. Л. Штуккерт, Д. Л. Карпова и Е. В. Васильевой (Талабаевой) становятся кулинарные реалити-шоу («Природа, структура и функции сериальности в кулинарных реалити-шоу»); мультимедийная франшиза («“Простоквашино – это наше все!”: мультимедийная франшиза в культуре современного русского детства»). Рассмотрено творчество реп-исполнителей («Сериальность как принцип циклизации: на материале альбомов современных русских реп-исполнителей»), публикации на YouTube («Переосмысливая серийность в цифровую эпоху: повторение и удовольствие в YouTube»), культовая «Битва экстрасенсов» («Морфология “Битвы экстрасенсов”: массовый сериал о гармонизации хаоса»).

Подводя итог, отмечу следующее. Монография «Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий» демонстрирует четкий, сугубо профессиональный подход к восприятию и оценке многообразных и разнокачественных явлений современной культуры. Это практики интермедиальности; интерактивность как проявление особенностей авторской коммуникации в различных средах, в том числе и в Сетературе (гиперлитературе, кибературе); иные новые процессы. Книга уникальна, полезна. Она реально помогает всем заинтересованным специалистам разных сфер деятельности в осмыслении феномена «расширения, умножения, повторения, сериализации, который, являясь одним из родовых качеств массовой культуры, в настоящее время приобрел ключевое значение» (с. 6).

Список литературы

1. Культ-товары. Феномен массовой литературы в современной России / сост. : И. Савкина, М. Черняк. СПб. : Петербургский ин-т печати, 2009. 336 с.
2. Культ-товары. Топографии популярной культуры : сб. ст. / ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 402 с.
3. Культ-товары. Массовая литература современной России между цифрой и буквой : сб. науч. ст. / под ред. М. А. Черняк. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. 380 с.
4. Некрасова И. Современная русская проза : закономерности тенденции, имена : науч.-метод. пособие. Врно : Tribun EU, 2018. 208 с.
5. Акишин А., Двински Д., Ахматова. 6 историй : графический роман. М. : Эксмо, 2019. 64 с.
6. Двински Д., Акишин А. Меня зовут Гуми-лев : графический роман. М. : Эксмо, 2020. 72 с.

Поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 361–364

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 361–364
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-361-364>

Информация о конференции
УДК 821.133.1.09+008(44+470+571)+929

Французские чтения – 2022

С. Ю. Павлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, pavlovasy@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

Аннотация. Статья представляет собой обзор трехдневных заседаний секции «Французские чтения: учителя и ученики» («Lectures françaises: maîtres et disciples») в рамках юбилейной 50-й Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой, которая проходила с 15 по 23 марта 2022 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Работа секции была посвящена памяти ее основательницы Татьяны Соломоновны Таймановой (1954–2020), внесшей большой вклад в развитие русско-французских литературных и интеллектуальных связей. В нынешнем году формат «Французских чтений» трансформировался в сторону расширения хронологических рамок и конкретизации тематики, которая, по замыслу организаторов, будет ежегодно обновляться. Тема прошедших секционных заседаний – «Учителя и ученики» – сфокусировала научную дискуссию на проблеме преемственности идей писателей, философов, литературоведов, на влиянии поэтики одного автора на творчество других, на рецепции произведений в разных видах искусства и национальных культурах. Доклады российских и зарубежных участников были посвящены широкому кругу произведений от эпохи Средневековья до XXI в., разнообразным жанрам (сказки, трактата, романа, эпистолярная, автобиографии, травелога, комикса), классическим и современным французским авторам (Ж.-Б. Мольеру, Ш. Монтескье, Ж. Санд, М. Прусту, П. Клоделю, Ш. Пеги, Ж. Переку, К. Лоранс, Шань Са и др.), рецепции и влиянию русских писателей и мыслителей во Франции (Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, А. С. Лаппо-Данилевского, М. И. Цветаевой), традиционным и новым подходам к анализу художественного текста. «Французские чтения – 2022» подтвердили свой статус важной площадки, способствующей укреплению научных связей и русско-французскому взаимодействию.

Ключевые слова: французская литература, литературная преемственность, рецепция, русско-французские культурные связи

Для цитирования: Павлова С. Ю. Французские чтения – 2022 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 361–364. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-361-364>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Conference Proceedings

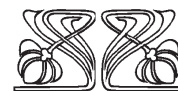
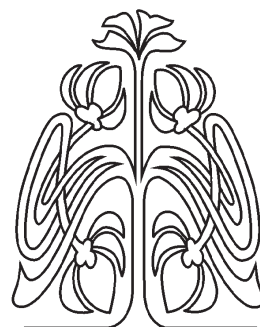
French lectures – 2022

S. Yu. Pavlova

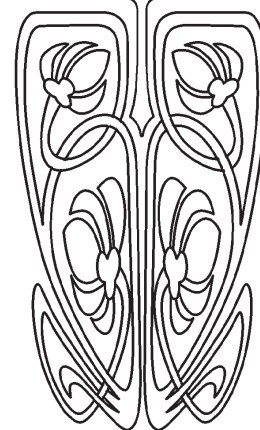
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana Yu. Pavlova, pavlovasy@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

Abstract. The article presents a review of a three-day conference session “French lectures: teachers and students” (“Lectures françaises: maîtres et disciples”) as part of the 50th International

ПРИЛОЖЕНИЯ

scientific philological anniversary conference named after L. A. Verbitskaya, which took place on March 15–23, 2022, at St. Petersburg State University. The work of this session was dedicated to the memory of its founder, Tatyana Solomonovna Taymanova (1954–2020), who made a significant contribution to the development of the Russian and French literary and intellectual ties. This year the format of the “French lectures” has been transformed in order to expand the chronological framework and specify the theme range, which will be annually updated, according to the organizers’ design. The topic of the past breakout session – “Teachers and students” – focused the scientific discussion on the issue of the continuity of the ideas of writers, philosophers, literary scholars, on the impact of the poetics of one author on the oeuvre of others, on the reception of works in different types of art and national cultures. The presentations of the Russian and foreign participants addressed a wide range of works from the Middle Ages to the 21st century, various genres (fairy-tale, essay, novel, epistolary, autobiography, travelogue, comics), classical and modern French authors (J.-B. Moliere, Ch. Montesquieu, G. Sand, M. Proust, P. Claudel, Ch. Peguy, G. Perec, C. Laurens, Shan Sa, etc.), the reception and influence of the Russian writers and thinkers in France (F. M. Dostoyevsky, N. A. Berdyaev, A. S. Lappo-Danilevsky, M. I. Tsvetaeva), traditional and new approaches to the analysis of a literary text. “French lectures – 2022” have confirmed their status of an outstanding platform which promotes strengthening the scientific relationships and Russian and French interaction.

Keywords: French literature, literary continuity, reception, French and Russian cultural ties

For citation: Pavlova S. Yu. French lectures – 2022. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 361–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-361-364>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

15–23 марта 2022 г. в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась юбилейная 50-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой. На этом широко известном в России и за ее пределами ежегодном научном мероприятии, проходившем в нынешнем году в онлайн-формате, встретились специалисты в разных сферах филологического знания, чтобы обсудить широкий спектр проблем в области русского и зарубежного литературоведения, классической филологии, неозллингистики, балканистики, славистики, общего языкознания, теории и практики русского и иностранных языков, методики преподавания языковых дисциплин, переводоведения, библеистики, культурной антропологии, междисциплинарных исследований.

В течение трех дней в рамках конференции работала секция «Французские чтения: учителя и ученики» («Lectures françaises: maîtres et disciples») под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры зарубежных литератур СПбГУ В. Д. Алташиной. Секция была посвящена памяти безвременно ушедшей из жизни в 2020 г. Татьяны Соломоновны Таймановой, доктора филологических наук, профессора кафедры французского языка СПбГУ, известного литературоведа, директора Научного центра Жанны д’Арк – Шарля Пеги. Именно она в начале 2000-х гг. стала инициатором создания «Французских чтений» и на протяжении многих лет привлекала к научной дискуссии специалистов (литературоведов, историков, философов, искусствоведов) из России и Европы, которые занимаются изучением французской культуры XX в.

Личность Т. С. Таймановой, ученого, энтузиаста своего дела и талантливого органи-

затора, много лет активно способствовавшего развитию научных контактов между русскими и французскими гуманитариями, представила в своем вступительном слове ее коллега и соавтор Е. А. Легенькова. Воспоминаниями о Татьяне Соломоновне и словами благодарности за счастье общения с этой энергичной, увлеченной, неутомимой женщиной поделились ее коллеги из Франции – профессора Жерар Абансур и Ив Авриль. С кругом научных интересов исследовательницы, сосредоточенных вокруг наследия Шарля Пеги, образа Жанны д’Арк, советско-французских связей в первой трети XX в., были непосредственно связаны доклады постоянных участников секции Е. А. Кондратьевой «Учителя и ученики: поэма Шарля Пеги “Ева” и роман Алена-Фурнье “Большой Мольн” – двойная преемственность», Л. Л. Шведовой «Готическая архитектура в творчестве Шарля Пеги в сопоставлении с русскими авторами (Волошин, Мандельштам, Парнок)», Ю. В. Гусевой «Анри де Кериллис, “Из Парижа в Москву на самолете”: необычный травелог и судьба его автора».

Формат, заложенный Т. С. Таймановой, получил в этом году удачное развитие за счет расширения хронологических рамок и конкретизации тематики секции, что отразилось в выбранном для юбилейной филологической конференции подзаголовке – «Учителя и ученики». По замыслу организаторов подзаголовок будет ежегодно обновляться, чтобы сделать научный диалог более предметным. На заседаниях «Французских чтений – 2022» такая конкретизация помогла направить дискуссию в русло рефлексии о развитии идей отечественных и зарубежных ученых, о проблеме преемственности, литературных влияний и рецепции. Участники секции затрагивали вопросы развития концепций французских писателей и мыслителей

от признанных классиков, представленных в докладах Е. Н. Васильевой «Ш.-Л. Монтескье – предвестник теории естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо» и А. А. Кротова «Философ-эрудит, друг Дидро и издатель собрания его сочинений: роль Ж.-А. Нежона в интеллектуальной культуре эпохи Просвещения» до литераторов XX в., которым были посвящены выступления М. А. Ариас-Вихиль «Ромен Роллан о Панаите Истрати (неизвестные письма Роллана сибирскому писателю Г. Вяткину)» и В. В. Кириченко «Патафизические учителя Жоржа Перека: инвентарь “патаписьма”».

Несколько докладов выходили за рамки французской литературы и касались влияния иноязычной культуры. Так, Е. М. Белавина поразмышляла о Дж. Рёскине как учителе О. Уайльда и М. Пруста, Д. А. Стогний проанализировал метерлинковский символ в восприятии А. Белого, П. М. Угарова проследила влияние П. Жюскинда на поэтику Ж. Шессе.

Особое значение для участников секции имела тема русско-французских интеллектуальных и литературных связей. Ф.-Г. Терью обратился к взглядам Анатоля Франса в соотношении с социальными вопросами в России. Л. К. Рябова в докладе «О преемственности научных школ: от А. С. Лаппо-Данилевского к теории истории во Франции XX в.» продемонстрировала пересечения подходов русских и французских историков к осмыслению прошлого. М. А. Кобринец в своем выступлении «Г. Марсель и Н. А. Бердяев: критика объективации» соотнесла идеи двух великих мыслителей. Ж. Абансур докладом «Ф. М. Достоевский во Франции. По поводу его двухсотлетия» откликнулся на недавний юбилей великого русского классика. К. В. Яковлева рассмотрела заявленную проблему на современном материале, обозначив свою тему как «Образ болезни и больного во французских и русских автобиографических комиксах».

На секции прозвучали доклады о рецепции творчества французских и русских писателей: Кристины Пизанской – в России (докладчик О. А. Михайлова), Марины Цветаевой – во Франции (докладчик В. П. Чепига). Имагологические аспекты, в том числе в свете проблемы Запад – Восток, затрагивались также в выступлениях Д. В. Токарева «Русская девушка как символическая фигура в декадентском романе Жозефена Пеладана “Любопытная”» и Н. С. Шуриновой «Роман Шань Са “Играющая в го” с точки зрения концепции экзистенциальной коммуникации».

На разнообразном литературном материале – от XVII в. до современности – участника-

ми секционных заседаний были рассмотрены актуальные проблемы изучения французской литературы. Доклад С. Ю. Павловой «Комедия Мольера “Мизантроп” сквозь призму салонной культуры» был инспирирован статьями видного российского литературоведа питерской школы М. В. Разумовской (1936–1999) о творчестве великого французского драматурга, 400-летие которого отмечается в этом году. Трансформации литературного наследия Великого века сегодня коснулась В. Д. Алташина, представившая доклад «Трансфикциональность современных сказок о Красной шапочке». Французская литература XIX в. была представлена А. В. Поповой («Образ детства в мемуарно-автобиографической прозе французского романтизма: Ф.-Р. де Шатобриан и Жорж Санд») и Н. А. Туляковой («Рецепция легенды во французской культуре XIX в.»). Творчество П. Клоделя и католическое возрождение рубежа XIX–XX вв. находилось в фокусе внимания К. В. Банникова. Выступление Е. А. Легеньковой на тему «“Свободная дисциплина” в романе Жоржа Дюамеля “Наставники” (1937)» вернуло слушателей к историко-литературному периоду, которым занималась Т. С. Тайманова. Романами 2010-х гг. был посвящен доклад Л. Е. Муравьевой «Отказ от репрезентации и новая чувственность: экзотика Мари Дарьесек и Камий Лоранс».

Участники секции затронули и еще одну традиционно значимую для «Французских чтений» тему – междисциплинарных исследований во французском интеллектуальном и культурном пространстве, в частности взаимодействия литературы и театра, литературы и кино. Она была рассмотрена в докладах Е. Д. Гальцовой «Жорж Нёвё – авангардный инсценировщик творчества Ф. М. Достоевского 1860-х гг.» и М. Р. Алташиной «Южнокорейское прочтение романа “Опасные связи” Ш. де Лакло: драма и дорама».

«Французские чтения», на которых в 2022 г. было представлено около тридцати докладов, стали местом профессиональной, содержательной, продуктивной научной дискуссии о французской литературе, философии, истории, культуре от эпохи Средневековья до сегодняшнего дня. На заседаниях в русле темы литературной преемственности обсуждались вопросы специфики жанров (от сказки через роман до комикса), соотношения факта и вымысла (в автобиографии, травелогге, эпистолярной, экзотике), взаимодействия вербального и аудиовизуального (в литературе, живописи, театре, кино), художественных и языковых приемов (от аллегории и символа до «патаписьма»),

авторских стратегий (от игры до трансфикциональности), актуальной литературоведческой проблематики (экзистенциальной, гендерной, морбуальной, имагологической), традиционных и современных подходов к анализу текста (биографического, историко-литературного, рецептивного, социокультурного, постструктуралистского, постмодернистского).

Расширение временных границ секции за пределы XX в. позволило привлечь большое число специалистов из вузов, образовательных и академических учреждений Санкт-Петербурга и Москвы, а также нестоличных регионов (Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Саратова, Донецка). Особую значимость имели выступления коллег из Франции (Парижа, Страсбурга, Тура, Нанси), без участия которых чтения не были бы в полном смысле слова французскими. С тезисами докладов участников конференции можно ознакомиться в сборнике, вышедшем по ее итогам [1].

Хочется надеяться, что организаторы филологической конференции СПбГУ будут и в

дальнейшем способствовать работе «Французских чтений», сам факт существования которых в Санкт-Петербурге, исторически имеющем тесные связи с Францией, представляется очень значимым. Такая площадка способствует укреплению научных контактов, развитию исследовательского интереса к французской литературе и интеллектуальной культуре, более тесному взаимодействию российских и зарубежных ученых, направленному на сохранение культурной идентичности и вместе с тем расширению диалогового пространства для большего взаимного понимания.

Список литературы

1. Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 15–23 марта 2022. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2022. 691 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/36133/1/%d0%9c%d0%a4%d0%9a%202022%20d1%82%d0%b5%d0%b7%d0%b8%d1%81%d1%8b.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).

Поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 06.05.2022